
А. Дюма
ТАРТАРЕН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящая книга является исправленным изданием книги, вышедшей в 1938 году в серии «Жизнь замечательных людей». Книга рисует славный жизненный путь народного героя Джузеппе Гарибальди — великого борца за воссоединение Италии, 150 лет со дня рождения которого исполнилось 4 июля 1957 года.

- Лурье Абрам Яковлевич
  -
  - ГАННИБАЛОВА КЛЯТВА
  - СУДЬБЫ ИТАЛИИ
  - ПРИГОВОРЕН К СМЕРТНОЙ КАЗНИ
  - В ПОИСКАХ НОВОЙ РОДИНЫ
  - ВЕСТИ О РЕВОЛЮЦИИ. ДОМОЙ, В ИТАЛИЮ!
  - КОРОЛЕВСКАЯ ИЗМЕНА
  - БОРЬБА ЗА РИМСКУЮ РЕСПУБЛИКУ
  - «АЛЬПИЙСКИЕ СТРЕЛКИ»
  - СИЦИЛИЙСКИЙ ПОХОД «ТЫСЯЧИ»
  - «ЖАЛКАЯ ЛИСЬЯ ПОЛИТИКА»
  - «РИМ ИЛИ СМЕРТЬ!»
  - ПОСЛЕДНИЕ ПОБЕДЫ ГАРИБАЛЬДИ
  - У ГАРИБАЛЬДИ ОТКРЫВАЮТСЯ ГЛАЗА
  - КАРТА
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - Об авторе
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76

Лурье Абрам Яковлевич
ГАРИБАЛЬДИ

La sui ghiacci del Ponto giurava
Per la terra natale morir!

(В юные годы на льдах Понта
Клялся умереть за родную страну!)

Юношеское стихотворение Гарибальди.

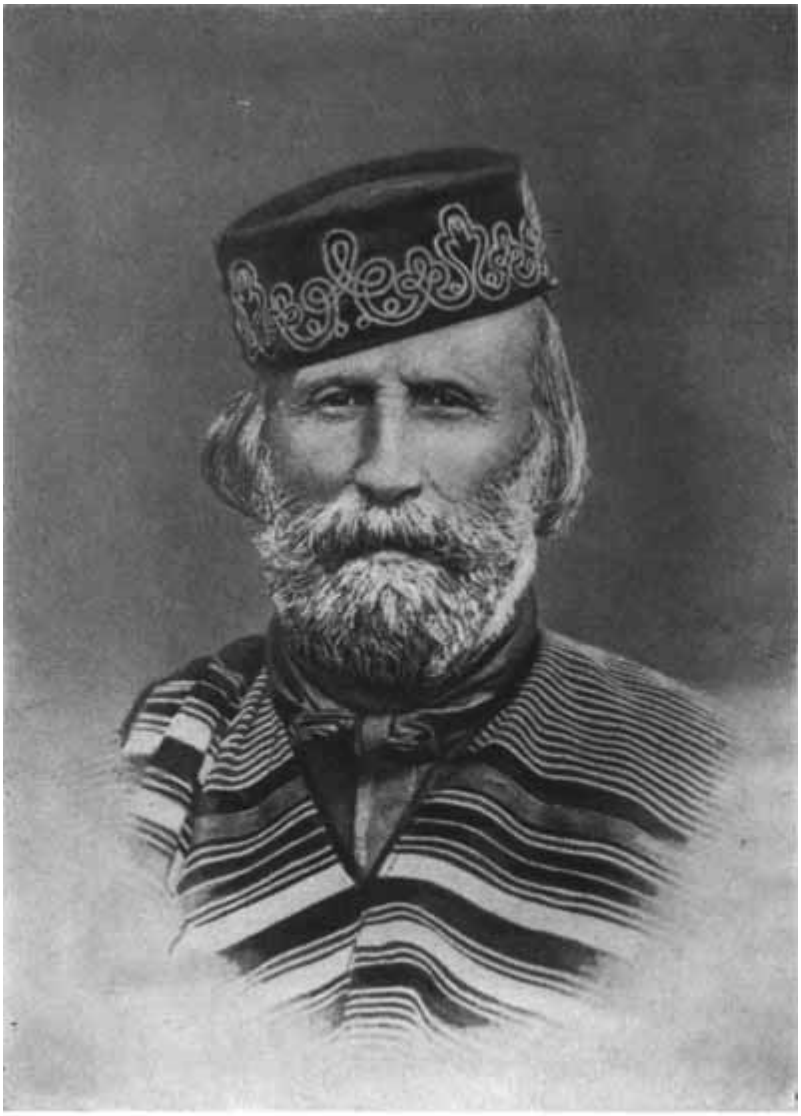
А. Лурье

ГАРИБАЛЬДИ

1807 — 1882

Издательство
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1957

G. Garibaldi

ГАННИБАЛОВА КЛЯТВА

Русский порт Таганрог на Азовском море. 1833 год. Узкий мыс далеко врезался в тяжелые, серые, ленивые воды. На пристани кипит работа — грузят зерном итальянский корабль. По сходням бегают черноглазые, мускулистые люди, несущие на бронзовых, блестящих от пота спинах тяжелые мешки. С берега за их работой наблюдает капитан — высокий, плечистый и статный молодой человек. Утолщенная переносица придает его лицу характерное «львиное» выражение. Светловолосый и синеглазый, он больше похож на жителя страны, куда приехал, чем на земляков-итальянцев. А между тем он коренной житель Ниццы, далекого прекрасного города на лазурном берегу Средиземного моря. Там в морском реестре 1832 года записано; «Гарибальди Джузеппе Мария, сын Доменико Гарибальди и Розы Раймонди, родился 4 июля 1807 года в Ницце, внесен в список капитанов ниццского управления 27 февраля 1832 г. за «№ 289».

Сейчас Гарибальди двадцать шесть лет. Всего год, как он стал капитаном, но его уже знают на родине как отважного, искусного моряка, прошедшего все ступени морской службы — от юнги до капитана. Двенадцать лет жизни отдал он морю, совершил несколько дальних плаваний. Двенадцать лет неусыпного труда, борьбы с морской стихией. Зато при каждом возвращении его в родную Ниццу земляки восторженно приветствовали своего любимца Пеппино (его называли еще Monsù Peppin). Сотни людей собирались к молу поглядеть на него, пожать ему руку.

Добродушные ниццардцы гордились своим соотечественником, прославившим их город среди моряков Лигурии и Прованса. Но никто еще не подозревал тогда, что этого моряка ждет мировая известность, что о нем сложат легенды и песни, что во всех уголках земного шара будут повторять его славное имя, имя одного из великих борцов за народную свободу!

Гарибальди не в первый раз посещал Россию, страну dei servi cosacchi (рабов-казаков), и всегда с большим любопытством присматривался к ее жизни. Так и на этот раз, тотчас по прибытии в Таганрог, еще до начала погрузочных работ, молодой капитан отправился в город. На главной площади Гарибальди заметил новый памятник.

— Кто это? — спросил он прохожего, указывая на статую.

— Его величество покойный император Александр. Александр, поработитель Европы! Деспот, мрачная тень которого легла и на далекую Италию, родину Джузеппе. Русские самодержцы считали себя вправе вмешиваться во внутренние

дела других стран и «охранять» их от малейших проблесков свободомыслия. Восемь лет назад скончался в Таганроге Александр, но с его смертью ничего не изменилось. На троне России оказался другой тиран — Николай I, так же угрожавший свободе в любом уголке Европы. Гарибальди долго глядел на статую «европейского жандарма», с горечью отдавшись своим постоянным думам о неслыханных страданиях итальянского народа.

К вечеру, когда в небольших покосившихся домиках окраины загорелись огоньки, Гарибальди направился в один из береговых кабачков — излюбленное место отдыха моряков. За столиком Гарибальди увидел группу своих товарищей, окруживших итальянца, который говорил с большим воодушевлением. На бледное лицо его падал скупой свет сальной свечи. Гарибальди прислушался к страстному голосу оратора: речь шла о самом дорогом для сердца Джузеппе — об Италии, об угнетенной и разорванной на куски родине, о ее былом величий и теперешнем унижении, о пытках, издевательствах и расстрелах…

— Один за всех, все за одного! — восклицал оратор (его звали Кунео). — Все итальянцы должны отныне объединиться и дружным усилием прогнать тиранов — своих и иностранных! Неаполь за Сицилию, Ломбардия за Тоскану, Венеция за Пьемонт — все должны объединиться и восстать за Италию, за единую, свободную Италию!..

Кунео рассказал, что два года назад в Италии возникло новое революционное общество «Молодая Италия» под руководством Джузеппе Мадзини. Этот вождь, по словам Кунео, не надеется на патриотизм итальянских князей и королей, двуличных вельмож, которым интересы Италии чужды. Мадзини возлагает надежду только на всеобщее восстание. Народ сам должен завоевать себе свободу. Девиз Мадзини: «Dio e Popolo»— «бог и народ». Кунео призывал земляков вступить в общество «Молодая Италия».

Гарибальди слушал горячую речь с увлечением: все это было так близко его собственным стремлениям! Отдавшись внезапному порыву, он бросился к Кунео, обнял его, прижал к груди.

— Клянусь, — воскликнул он, — что с этого момента я твой друг на всю жизнь!

Новый мир открывался перед Гарибальди. Он давно жаждал подвига, мечтал отдаться борьбе за освобождение родной страны. В то время его очень увлекала революционная борьба греческого народа. Героический эпизод Миссолунги[1] воспламенял его воображение.

«Будь у нас такие герои, как Константин Эпарка, Кариоскака или Колокотрони, — говорил Гарибальди своим друзьям, —

Италия не оставалась бы более во власти чужеземцев!»

Одно время он даже решил последовать примеру своего любимого поэта Байрона и принять участие в борьбе греческого народа. Случайная встреча с итальянским эмигрантом Кунео в таганрогском портовом кабачке сразу изменила его намерение.

Впоследствии Гарибальди писал об этом в своих «Мемуарах» так: «Христофор Колумб, затерянный в безбрежных просторах Атлантического океана, выслушивавший угрозы товарищей, которых он просил обождать хотя бы еще три дня, и в конце третьего дня услышавший крик «Земля!» — не был счастливее меня: я услышал слово «Отечество» и увидел на горизонте свет маяка революции 1830 года. Значит, подумал я, есть все же люди, посвятившие себя делу освобождения Италии!»

В том же году произошла и другая встреча, сыгравшая большую роль в жизни Гарибальди. Во время стоянки «Клоринды» в одном из портов Эгейского моря, по пути в Константинополь, Гарибальди познакомился с группой политических деятелей, изгнанных из Франции. Сторонники утопического учения Сен-Симона, они надеялись найти почву для своей пропаганды среди восточных народов. Во главе их стоял Эмиль Барро. Они пытались устроить в предместье Парижа Менильмонтан трудовую коммуну, чтобы наглядно пропагандировать идею освобожденного труда. Их судили и после года тюремного заключения выслали из Франции.

Новые для Гарибальди идеи сенсимонистов сильно его взволновали. Ведь и он тоже смутно мечтал о «благе всего человечества». Он почувствовал симпатию к этим смелым людям, лишившимся за свои убеждения родины, дома, семьи. Гарибальди взял их на свой корабль, чтобы довезти до Константинополя.

Стояли чудесные дни. Стройная «Клоринда», сияя белизной вздутых ветром парусов, мчалась, слегка покачиваясь, по голубой глади Эгейского моря. То слева, то справа на горизонте возникали голубые и дымчато-лиловые горы, выраставшие прямо из моря. При приближении к ним дымка рассеивалась, и оказывалось, что это не горы, а острова. Они были покрыты зеленью пастбищ, на которых в подзорную Трубу удавалось разглядеть белых коз, загорелые тела пастухов… Самые имена этих островов звучали, как музыка, напоминая Гарибальди поэмы Гомера и мифы античной древности: Крит, Милос, Андрос, Хиос…

Особенно прекрасны были ночи, теплые южные ночи Эллады, память о которых надолго запечатлелась в сердце Гарибальди.

«Во время этих прозрачных ночей Востока, — вспоминает он в «Мемуарах», — ночей, которые, как говорит Шатобриан, в

сущности, даже не мрак, а лишь отсутствие дня, под небом, усыпанным звездами, на поверхности этого моря мы спорили не только на узкие национальные темы, которыми в то время ограничивался мой патриотический кругозор, но и о великих вопросах, касавшихся всего человечества! Точно завеса упала с моих глаз. Горизонт мой расширился. Пока я не познакомился с Э. Барро, я намерен был посвятить жизнь служению моей родине. Познакомившись с ним, я решил посвятить ее служению всему человечеству».

— Всемирная ассоциация трудящихся, — говорили ему сенсимонисты, — вот наше будущее! От каждого по его способностям, каждой способности по ее делам — вот новое право, которое заменит собой право завоевания и право рождения; человек, вступив в товарищество с человеком, будет эксплуатировать природу, отданную ему во власть!

Эмиль Барро вовсе не собирался расхолаживать патриотический пыл Гарибальди. Но освобождение Италии, говорил он, должно являться только частью великой освободительной борьбы масс против гнета немногих — знатных и имущих. Что толку, если Италия станет единым государством и будет управляться итальянцами, ведь народным массам придется по-прежнему денно и нощно работать на господ, оставаться нищими и невежественными.

Крепко засели эти слова в душе Гарибальди, и он почувствовал всю их правоту. Впервые пред его сознанием встали сложные и острые вопросы классовой борьбы. Гарибальди хорошо знал, что такое голод, и видел горькую нужду своего народа. Сам он происходил из небогатой семьи моряка; общество трудящихся рыбаков, бедных ремесленников и селян было ему всего дороже и ближе. Но сенсимонисты не могли указать ему правильного решения волновавших его вопросов. Он был человеком реального действия, а не утопистом, и их неопределенные рассуждения о «мирном» достижении «всеобщего счастья» никак не могли удовлетворить его. Поэтому Гарибальди еще больше сосредоточился на стоявшей перед ним конкретной, непосредственной цели: освобождении итальянского народа от жестокого гнета иностранных завоевателей и самодержавных князей. Он не желал дольше ждать и решил как можно скорее разыскать вождя «Молодой Италии» — Мадзини, о котором с таким энтузиазмом рассказывал ему Кунео. Действовать, действовать во что бы то ни стало, быстро и энергично, — иначе он не представлял себе жизни.

С невольным сожалением думал он, что скоро придется расстаться с интересными собеседниками. Бывают же люди,

беседы с которыми дают больше, чем чтение самых полезных книг!..

Тесные Дарданеллы остались позади, на горизонте появились острова Мраморного моря, и, наконец, в розовых лучах восходящего солнца радужным видением возник Константинополь. Пора, пора проститься с друзьями! Но их слова и советы остались в памяти Гарибальди на всю жизнь.

Чтобы понять причину революционного воодушевления Гарибальди, уяснить себе, к какому лагерю он отныне примкнет, необходимо оглянуться назад, на события, происходившие на Апеннинском полуострове в течение четырех с лишним десятилетий, истекших после начала Великой французской буржуазной революции.

СУДЬБЫ ИТАЛИИ

Кога первые отзвуки Французской революции 1789 года докатились до Италии, в отдельных королевствах и герцогствах Апеннинского полуострова начались массовые волнения. Городская буржуазия, ремесленники, разночинная интеллигенция, кое-где крестьянство (например, в соседнем с Францией Пьемонте) — все эти слои итальянского населения, воодушевленные революционным примером французского народа, выступили против феодального гнета. Однако революционный подъем длился недолго: итальянские монархи, насмерть перепуганные «французской заразой», призвали дворянство к охране феодальных привилегий и к подавлению народных волнений. Личины «просвещенного абсолютизма», в которые незадолго до этого рядились итальянские короли и герцоги, были быстро сброшены. Из-под них выглянуло подлинное лицо феодально-монархической реакции. Никаких реформ! Вместо них виселица и плаха! Малейшее проявление французского «свободомыслия и атеизма», всякое выражение недовольства или протеста против феодальных порядков карались смертью. Массовые казни, пытки, публичная порка явились ответом итальянских феодалов на стремление к освобождению, пробужденное в итальянском народе Великой французской буржуазной революцией. Особенно усердствовали в кровавых расправах пьемонтский король Виктор Амедей и неаполитанская королева Мария Каролина (сестра французской королевы Марии Антуанетты, казненной в 1793 году).

Не мудрено, что, за исключением аристократической верхушки дворянства и придворной знати, все население Италии было преисполнено ненависти к своим палачам. Когда в конце 1792 года Пьемонтское королевство заключило антифранцузский союз с Австрией и французская армия впервые вступила в пределы Италии (Савойю), население итальянского севера встретило ее с восторгом. Прогрессивные деятели итальянской буржуазии пылко восклицали, что французские армии «несут на своих штыках свободу, равенство и братство». В 1795 году французы под командованием генерала Дюма несколько раз разбили пьемонтцев и австрийцев. Но самые жестокие поражения потерпели феодальные властители Италии в 1796 году от молодого генерала Французской республики Наполеона Бонапарта. Он разгромил пьемонтское войско, обратил в бегство австрийскую армию и вынудил короля Виктора Амедея подписать унизительный мир. Затем Наполеон занял Ломбардию, Парму,

Модену, Болонью, Романью, Тоскану, взял считавшуюся неприступной крепость Мантую.

В любом из итальянских государств, куда вступала наполеоновская армия, население поголовно пылало ненавистью к феодально-абсолютистскому режиму и не только с нетерпением ждало его свержения, но и активно готовилось к этому. Наполеон, которому как по политическим, так и по военно-стратегическим соображениям важно было снискать расположение итальянцев, лишь подтвердил то, что уже начало осуществляться без него, — отмену феодальных прав и привилегий. Было провозглашено равенство всех граждан перед законом, проведена секуляризация церковных земель, уничтожена светская власть папы, отменены некоторые феодальные налоги и поборы. Тысячи заключенных были выпущены на свободу из тюрем итальянских монархов. Вместо прежних королевств и герцогств Наполеон создал ряд республик — Лигурийскую (Генуэзскую) и Цизальпинскую (1797 г.), Римскую (20 марта 1798 г.) и Партенопейскую (Неаполитанскую) — в начале 1799 года.

Однако уже тогда «революционный» генерал прятал под бархатистой лапой когти узурпатора и поработителя. Для «либерализма» Наполеона того времени характерны два пункта его мирного договора с пьемонтским королем Виктором Амедеем. Один из них провозглашал «полную амнистию политических заключенных», а второй обязывал того же сардинского короля выдавать полиции Наполеона всех преследуемых ею лиц, если они укроются в сардинских владениях. Свобода в глазах будущего императора была понятием весьма условным. И он сам нисколько не скрывал этого, хотя внешне всячески старался поддерживать в народе репутацию «освободителя». «Вы мало знаете этот народишко, — писал он из Италии Талейрану. — Из ваших писем я вижу, что вы продолжаете по-прежнему придерживаться ложных суждений. Вы думаете, что свобода в состоянии сделать что-нибудь порядочное из этих обабившихся, суеверных, трусливых и гнусных людей. Не могу же я основываться на «любви народов к свободе и равенству»: все эти фразы хороши только в прокламациях и речах, то есть в баснях».

Наполеоновские реформы в Италии не разрешили назревших экономических вопросов. Страна продолжала оставаться расчлененной на ряд самостоятельных государств; огромные военные контрибуции, достигавшие десятков миллионов франков, платили эти государства Наполеону; привилегии для французского сбыта подрывали основы итальянской торговли; крестьянские массы фактически не получили земли, которая после секуляризации церковных угодий распродавалась тем же

дворянам, буржуазии и зажиточной деревенской верхушке. Конституции учрежденных Наполеоном республик являлись только клочками бумаги; фактически эти республики уже тогда постепенно превращались во французские провинции. Подлинную внутреннюю сущность наполеоновских войн прекрасно характеризует Энгельс (он говорит о наполеоновском походе в Испанию, но эти же слова могут быть полностью отнесены к Италии): «За иностранной армией — Наполеон, мнимый представитель буржуазной революции, в действительности же деспот внутри своей страны, завоеватель по отношению к соседним народам»[2].

Таким образом, реформы, проведенные в итальянских государствах в период первого наполеоновского похода, являлись заслугой не лично Наполеона, а Французской буржуазной революции, поставившей уничтожение феодализма в порядок дня европейской истории.

В эти медовые месяцы своего «раскрепощения» итальянская буржуазия ликовала, опьяняясь республиканской фразеологией генерала Бонапарта. Итальянские либералы не подозревали, что надменный покоритель Италии уже тогда видел в своем воображении грядущую мировую наполеоновскую империю и «железную корону Ломбардии».

К весне 1799 года весь Апеннинский полуостров находился во власти Наполеона. Поборникам феодального строя пришлось бежать из своих королевств и отсиживаться на островах: преемник Виктора Амедея — Карл Эммануил IV укрылся в Сардинии, кровавая Мария Каролина с мужем Фердинандом — в Сицилии. Поощряемая англичанами, воинственная королева непрерывно взывала к помощи великих держав. На помощь итальянским монархистам явилась русская армия Суворова; она разбила французов и вступила в Милан и Турин. Французские войска были отвлечены борьбой с Суворовым; этим воспользовалась феодально-поповская реакция, которая на юге нашла себе верного слугу в лице кардинала Фабрицио Руффо. Руффо организовал огромные банды так называемых «лаццарони» — деклассированного босячества. Эту армию аристократы и попы окрестили «армией веры» и двинули на Неаполь. Город был взят штурмом. Началась зверская расправа с республиканцами, кровь лилась рекой. Фердинанд вернулся в Неаполь и полностью восстановил старые феодальные учреждения. Виселицы и плахи красовались на каждом перекрестке столицы Неаполитанского королевства.

Не лучше было положение на севере Италии. Казалось, кровавый мрак реставрации окончательно сгустился над

несчастной страной, как вдруг Бонапарт снова обрушился на Италию. Ничто не могло устоять перед его ураганным натиском. 14 июня 1800 года Наполеон разгромил австрийскую армию под Маренго. В руках Бонапарта — теперь уже «первого консула Франции» — снова очутился весь север полуострова.

Бонапарт опять стал хозяйничать в Италии. Теперь обнаружилось воочию, насколько наивны были надежды итальянской буржуазии на его «революционность». Правда, Наполеон и на этот раз счел еще нужным восстановить Цизальпинскую и Лигурийскую республики, но президентом первой из них он заставил провозгласить… себя. Характерно, что вице-президентом той же республики был «избран» представитель крупной ломбардской земельной аристократии граф Мельци. Наполеон согласился также на сохранение в Тоскане и Неаполитанском королевстве монархического строя. Он присоединил Пьемонт, Парму и Пьяченцу к Франции, в дополнение к Савойе и Ницце, захваченным еще в первый поход. На всей территории Италии, отторгнутой и контролируемой Наполеоном, воцарился режим военной диктатуры. Несколько заговоров, организованных отрезвившимися итальянскими либералами, были жестоко подавлены.

Последняя маска была сброшена Наполеоном в 1804 году. В этом году папа римский возложил в Париже на его голову корону императора французов. Тотчас же и Цизальпинская республика была превращена в Ломбардское королевство, и королем его стал сам Наполеон. Вице-королем он назначил своего пасынка Евгения Богарнэ.

Англо-австро-русско-неаполитанская коалиция еще раз попыталась вырвать из рук Бонапарта власть над Италией и другими государствами Европы. Но это предприятие кончилось полным разгромом войск коалиции под Аустерлицем (2 декабря 1805 года).

30 марта 1806 года брат Наполеона Жозеф Бонапарт был провозглашен неаполитанским королем; спустя два года Наполеон посадил его на королевский трон в Испании, передав неаполитанскую корону своему генералу Иоахиму Мюрату.

Так, в результате наполеоновских войн вся Италия оказалась фактически колонией империи Наполеона I.

Господство Наполеона в Италии не только не принесло сколько-нибудь серьезных улучшений положению народных масс, но и наносило существенный вред интересам молодого итальянского капитализма. Страну по-прежнему расчленяли таможенные барьеры; монопольные льготы для французских товаров были усилены; так называемая «континентальная»

политика Наполеона ставила непроходимые преграды для выгодной торговли с Англией и для развития машинной промышленности; наконец огромные военные налоги и рекрутские наборы ложились невероятным бременем в первую голову на народные массы, сокращая внутренний рынок для итальянского капитализма. В этой обстановке национально-освободительные стремления итальянской буржуазии, естественно, обращались своим острием не только против отечественного абсолютизма, но и против наполеоновского господства. В этих условиях и родилось либерально-демократическое, патриотическое движение, получившее название «карбонаризма».

Движение карбонариев («угольщиков») возникло в Калабрии около 1808 года. Это тайное общество, руководимое передовыми представителями буржуазной интеллигенции и либерального дворянства, включало много демократических элементов — мелких буржуа, ремесленников, крестьян. Идеология карбонариев носила вначале путаный характер. Будучи по убеждениям республиканцами, карбонарии ухитрялись одновременно превозносить… Марию Каролину. экс-королеву неаполитанскую, прославившуюся своей жестокостью. Немало было во взглядах карбонариев от христианского социализма, от религиозно-мистических учений.

Однако проповеди карбонариев находили глубокое сочувствие в широких слоях населения, остро ощущавшего иноземный гнет. Постепенно карбонарское движение распространилось по всей Италии, объединив тысячи людей преимущественно из рядов буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.

Наряду с карбонариями в Италии существовало еще одно тайное общество: франкмасоны («вольные каменщики»). Эта организация крупной и средней буржуазии и обуржуазившегося дворянства насчитывала в своих рядах также немало представителей офицерства и низшего духовенства. Франкмасоны выступали против насильственных действий. Их взгляды носили религиозно-философский характер. Их практической целью было введение в Италии конституционного строя (по образцу Англии) путем реформ, без народной революции.

В 1813 году из двадцати семи тысяч итальянцев, сражавшихся в рядах полумиллионной «великой армии» Наполеона против русских, на родину вернулись всего триста тридцать три человека. Остальные были перебиты или погибли во время отступления от Москвы. 11 апреля 1814 года состоялось отречение Наполеона.

Падение его, однако, не уничтожило причин, породивших национально-освободительное движение в Италии.

На смену одним угнетателям явились другие, еще более бесцеремонные и жестокие.

В жизни Италии наступил один из самых мрачных периодов. Страна целиком оказалась во власти своих и иностранных тиранов. Один из главных вдохновителей европейской реакции, австрийский премьер Меттерних, без всякого стеснения заявлял: «Италия — это просто географическое название, объединяющее несколько независимых государств».

Италия подверглась участи всей Европы, в которой свирепствовала реакция. Европейские монархи прилагали псе усилия, чтобы повсеместно искоренить демократические учреждения и идеи, оставшиеся в наследство от Французской буржуазной революции. Их лозунгом являлся «легитимизм» — восстановление «законных» (légitime) принципов и учреждений дореволюционного феодально-монархического строя. По инициативе Александра I был основан осенью 1815 года в Вене «Священный союз» трех монархов (русского, прусского и австрийского). К «союзу» вскоре примкнули почти все европейские правительства. «Связанные узами истинного и неразрывного братства», монархи обязались «оказывать друг другу во всяком случае поддержку и помощь». В этом, собственно, и заключался подлинный смысл соглашения, замаскированного громкими фразами о «заповедях правды, милосердия и мира»: речь шла о кровавом, беспощадном подавлении национально-освободительного движения в любой стране. «Священный союз» стал руководящим центром общеевропейской реакции. На его конгрессах особенное внимание уделялось искоренению «крамолы» в Италии.

«Венский конгресс в 1815 году, — пишет Энгельс, — так разделил и распродал Европу, что весь мир убедился в полной неспособности монархов и государственных мужей. Всеобщая война народов против Наполеона была реакцией национального чувства, которое Наполеон попирал ногами у всех народов. В благодарность за это государи и дипломаты Венского конгресса еще грубее попирали ногами это национальное чувство. Самая маленькая династия имела для них большее значение, чем великий народ»[3].

На Венском конгрессе значительная часть Италии была окончательно отдана австрийцам: вся Ломбардо-Венецианская область между Тичино, Альпами, Адриатическим морем и По, восточное побережье Адриатики до устьев Катарро, то есть страна

с населением в 4 200 тысяч жителей! Австрийские войска разместились в Милане, Вероне, Венеции, Ферраре, Пьяченце. Они ввели в захваченных областях самый жестокий режим. Эти «белые пиявки», прозванные так за белые мундиры, вызывали глубокую ненависть в местном населении. Австрийцы не разрешали открывать школ, запрещали либеральные журналы, поощряли доносы, обезличили выборные органы. «Вы мне принадлежите по праву завоевания!» — презрительно заявлял Франц I своим итальянским подданным

«…Французская политика в Италии, — писал впоследствии Энгельс, — всегда была ограниченной, эгоистичной, эксплоататорской… Достаточно хорошо известно, как Наполеон, его наместники и генералы в период с 1796 по 1814 г. высасывали из Италии деньги, продовольствие, художественные ценности и людей. В 1814 г. австрийцы пришли как «освободители» и были приняты как освободители. (Как они освободили Италию, об этом лучше всего говорит та ненависть, которую каждый итальянец питает по адресу Tedeschi [немцев].)»[4]

Остальную территорию Италии разделили на семь государств. Австрийский император Франц I, завладевший Ломбардо-Венецией, позаботился о том, чтобы и другие части Италии перешли в руки его родственников. Дочь Франца Мария Луиза (бывшая супруга Наполеона) получила герцогство Пармское и Пьяченцу (400 тысяч жителей). Кузен австрийского императора Франц IV получил Моденское герцогство (372 тысячи жителей), а брат его Фердинанд III — великое герцогство Тосканское (1 170 тысяч жителей), папе возвратили его владения. В Неаполь и Лукку вернулась «законная» французская династия Бурбонов.

В папских владениях (2 370 тысяч жителей) при Пие VII была восстановлена инквизиция, вернулись иезуиты. Французское законодательство сменилось старинными законами мрачного средневековья. Беснование реакции дошло до того, что было запрещено оспопрививание и освещение улиц, как «французские нововведения!»

Единственным «чисто итальянским» королем, оставленным Венским конгрессом и водворенным в свои прежние владения, был пьемонтский король Виктор Эммануил, принадлежавший к так называемой савойской династии.

В своей внутренней политике Виктор Эммануил не только ничем не отличался, но во многом даже перещеголял вернувшихся в свои королевства и герцогства монархов иноземных династий. Хотя в Пьемонте и сохранена была внешность конституционного правления, но на деле был

полностью восстановлен старый режим сыска, шпионажа, казней и пыток, возобновлены церковные суды и строжайшая цензура; учебные заведения вновь отдали во власть иезуитского ордена. Опорой для пьемонтской монархии, как и прежде, явились земельная аристократия и духовенство, получившие свои прежние права. В своей ненависти к Великой французской революции Виктор Эммануил доходил до того, что собирался закрыть дорогу через Мон-Сенис и разрушить мост через По только потому, что дорога и мост были построены французами.

И тем не менее итальянские патриоты нередко рассматривали Пьемонт, единственное «чисто Итальянское» королевство, к тому же располагавшее единственной в Италии крупной и неплохо обученной армией, как некий плацдарм национально-освободительного движения. Впоследствии этим инстинктивным тяготением к Пьемонту неоднократно пользовались реакционные элементы итальянской буржуазии, чтобы мешать развитию широкого, подлинно народного национально-освободительного движения. Идея о роли Пьемонта, как центра освободительного движения, имела большое значение и в жизни Гарибальди, явившись для него причиной ряда заблуждений и тяжелых разочарований.

Впоследствии Маркс дал уничтожающую характеристику правившей в Пьемонте савойской династии: «Историю Савойского правящего дома можно разделить на три периода: первый, когда он возвышается и усиливается, заняв двусмысленную позицию между… итальянскими республиками и Германской империей; второй, когда он преуспевает в войнах между Францией и Австрией, становясь то на ту, то на другую сторону; и последний, когда он старается использовать мировую борьбу между революцией и контрреволюцией подобно тому, как он использовал в свое время антагонизм народов и династий. Во все эти три периода двусмысленность является постоянной осью, вокруг которой вращается его политика…»[5]

Двойной гнет деспотизма извне и внутри вызвал, наконец, в Италии серьезный взрыв, известный под именем *итальянской революции 1820–1821 годов.*

Это революционное восстание являлось делом небольших групп заговорщиков-карбонариев и носило характер военного мятежа. Из-за своего заговорщического характера карбонаризм не вовлек в движение широких народных масс, хотя местами и пользовался их сочувствием. Однако в числе лозунгов восстания на этот раз слышался уже призыв к объединению отдельных частей Италии, правда, в форме федерации ряда государств. Пьемонтцы, ломбардцы, моденцы, неаполитанцы, наглухо

изолированные друг от друга феодальными барьерами, сейчас впервые заявили о своем стремлении к воссоединению раздробленной и угнетенной иноземцами родины. Однако карбонарии были далеки от понимания связи между задачами национального движения и интересами широких масс народа. В политическом отношении они ограничивались требованием конституционных прав в рамках монархии. Отсюда оторванность революции 1820–1821 годов в Италии от народных низов.

Толчком для революционной вспышки послужили события в соседней Испании: 1 января 1820 года в Кадиксе началось восстание под руководством полковников Риего и Кирога, потребовавших «конституции 1812 года». Войска отказались стрелять в восставших, и испугавшийся народного гнева испанский король 9 марта дал согласие на восстановление этой конституции.

Ободренные испанским примером, неаполитанские карбонарии решили, что наступило время действовать. Утром 2 июля 1820 года в маленьком городке Нола, расположенном у подножия Везувия, младшие лейтенанты Морелли и Сильвати выступили с отрядом в сто двадцать семь человек, к которому присоединилось десятка два горожан под руководством священника Меникина. С развевающимся знаменем карбонариев они направились на восток, к Авеллино. Губернатор Авеллино подполковник де Кончилинс, тоже карбонарий, приказал открыть им городские ворота, и к восставшим присоединился небольшой гарнизон города. Все они двинулись к Неаполю, заранее уверенные в поддержке командующего войсками генерала Гуильельмо Пепе — тоже тайного карбонария. Пепе получил от короля приказ усмирить мятеж, но выступил с войском из Неаполя, чтобы присоединиться к революционерам. Правда, неаполитанское правительство вовремя заподозрило что-то неладное и передало командование другому генералу. Однако Пепе успел уже увести часть войск и, прибыв в Авеллино, стал во главе восстания. В ночь с 5 на 6 июля карбонарии снова подступили к столице — Неаполю. Пятерым смельчакам удалось даже проникнуть во дворец — до такой степени всеобщее сочувствие было на их стороне! Делегаты поставили королю ультиматум, требуя немедленного провозглашения конституции. Королю пришлось согласиться. 9 июля революционные войска торжественно вступили в Неаполь, под трехцветными знаменами, украшенными кокардами карбонариев, а 13-го король поклялся на евангелии, что даст стране конституцию.

Известие о неаполитанском успехе всколыхнуло Сицилию[6], на которую новая конституция не распространялась. Сицилийцы

решили требовать восстановления отнятой у них автономии. 15 июля начались сильные волнения в главном городе Сицилии Палермо. Революционное движение в Сицилии зашло дальше, чем этого хотели даже сами руководители — карбонарии. Восставшие народные массы уже не довольствовались конституцией. Они свергли аристократический муниципалитет и назначили новый (временную джунту) — из представителей народных низов. В Палермо разгорелась настоящая гражданская война. Городская беднота овладела городом и захватила банки. Неаполитанская буржуазия испугалась народного движения в Сицилии и послала туда экспедиционный корпус против «взбунтовавшейся черни». Восстание сицилийцев было безжалостно подавлено.

События в Сицилии показывают, насколько велика была скопившаяся в обнищавших, эксплуатируемых массах революционная энергия. Вместе с тем события в Палермо и поведение неаполитанской «конституционной» буржуазии явились прообразом разделения в будущем национально-освободительного движения в Италии на два лагеря — лагерь либерально-буржуазных «верхов» и демократических «низов».

По новой конституции, неаполитанский король Фердинанд не имел права выехать из страны без разрешения парламента. Он обманул парламент, поклявшись, что собирается ехать на конгресс Священного Союза (в Троппау (Опава) — Лайбахе (Любляна), в январе 1821 года) исключительно для «защиты конституции». «Всемогущий боже! — с пафосом восклицал Фердинанд. — Боже, читающий в сердцах и в будущем, если я клянусь неискренно или посмею нарушить эту присягу, — порази меня своей страшной местью!»

Очутившись в Лайбахе, Фердинанд сразу почувствовал себя в безопасности и в сухом официальном письме уведомил «своих неаполитанцев», что конгресс решил прибегнуть к вооруженной интервенции.

7 марта повстанцы были разбиты под Риети, а 23-го австрийские войска вступили в Неаполь. Тридцать вождей восстания были приговорены к казни. Людей сотнями ссылали на каторгу, выдавали Австрии. По личному приказанию Фердинанда на площадях Неаполя и других городов, при огромном стечении народа, с унизительными церемониями, высекли розгами и плетью много сотен арестованных мужчин и женщин, против которых «не существовало достаточно веских улик»…

Тем временем назревала новая вспышка в Пьемонте. Движение, принявшее здесь более широкий характер, чем в Неаполе, было организовано северным итальянским филиалом карбонариев (во главе с Конфалоньери). Восстал гарнизон города

Алессандрии, требуя конституции и войны с Австрией. Вслед за алессандрийским восстал туринский гарнизон, грозя бомбардировкой Турина в случае несогласия короля на конституцию. Виктор Эммануил тотчас же отрекся от престола в пользу брата Карла Феликса, находившегося в Модене, и назначил временным регентом Карла Альберта, принца Савойско-Кариньянского. Это известие было встречено с восторгом, так как двадцатилетний Карл Альберт, получивший воспитание во Франции, приобрел славу «либерала». Он во всеуслышание возмущался старым режимом, говорили даже, что он член карбонарского общества. Принц действительно поддерживал дружеские отношения с вождями карбонариев (полковником Карло Азинари ди Сан-Марцано и другими). Побуждаемый горячими просьбами друзей, Карл Альберт 13 марта опубликовал манифест, даровавший народу Пьемонта все ту же испанскую «конституцию 1812 года». Но недолго пришлось ликовать пьемонтцам. Находившийся вне страны новый король Карл Феликс, ярый приверженец абсолютизма, принял решительные меры. Еще из Модены он послал приказ принцу Карлу Альберту немедленно покинуть Турин и издал декрет, уничтожавший введение конституции.

Глава пьемонтских карбонариев Конфалоньери предложил регенту немедленно перейти с армией границу и напасть на австрийский гарнизон, стоявший в Милане. Но Карл Альберт в ночь с 21 на 22 марта бежал, тайком покинув Турин и бросив все на произвол судьбы. Монархисты в Пьемонте снова подняли голову. 8 апреля австрийский генерал Делатур под стенами Новары разбил революционные войска, верные конституции.

Снова пошли в ход виселицы, публичная массовая порка, пытки… Главу восстания Конфалоньери приговорили к пожизненному заключению. В австрийской зоне оккупации широко распространилась система шпионажа и доносов. При малейшем подозрении в связях с революционерами людей заточали под свинцовые крыши бывшего дворца Дожей в Венеции или в камеры моравской крепости Шпильберг.

И, однако, несмотря на все ужасы свирепо мстившей реакции, революционное движение в Италии не прекращалось. Ни шпионы, ни полиция, ни меттерниховская цензура, ни римская инквизиция, ни сицилийские каменоломни и каторга, ни карцеры австрийской крепости Шпильберг — ничто не могло заглушить национально-освободительного движения. Один из заключенных, писатель Сильвио Пеллико, опубликовал книгу «Мои темницы». Эта книга, описывавшая ужасы крепости Шпильберг, была, по выражению публициста Бальбо, «страшнее для австрийцев, чем

проигранное сражение». Об этом периоде Энгельс писал: «Национальное движение в Италии, начиная с 1820 г., выходит из каждого поражения обновленным и все более сильным. Не много существует стран, так называемые естественные границы которых совпадали бы так точно с границами национальности и были бы в то же время так ясно выражены…С 1820 года Австрия господствует в Италии только благодаря насилию, благодаря подавлению повторяющихся восстаний, благодаря терроризму осадного положения. Чтобы удержать свое господство в Италии, Австрия вынуждена обращаться со своими политическими противниками, т. е. с каждым итальянцем, который себя чувствует итальянцем, хуже, чем с обыкновенными преступниками»[7].

На протяжении десятилетий самой мрачной реакции итальянские карбонарии не раз еще делали попытки восстания против своих и иноземных угнетателей. По словам Энгельса, «Италия отвечала судорогами на гнет Меттерниха».

***

Июльская революция 1830 года во Франции вызвала новую волну восстаний в центральной Италии — Модене и папских владениях. После свержения французским народом Бурбонов к власти пришел Людовик Филипп Орлеанский. Однако надежды итальянских карбонариев на помощь этого «конституционного короля» оказались тщетными: ему невыгодно было ссориться со «Священным союзом». Движение охватило Романью, Модену, Парму и часть Тосканы (февраль — март 1831 года). Одновременно с этим восстали карбонарии Болоньи, входившей в папские владения. Они решили воспользоваться периодом междуцарствия после смерти папы Пия VIII (в ноябре 1830 года).

Восстание началось утром 4 февраля. Кардинал, правивший Болоньей, находился в Риме, готовясь к выборам папы. Его заместитель (пролегат) растерялся и поспешил уехать, назначив «временную комиссию для управления городом». Комиссия объявила себя временным правительством, постановив, что Болонья не подчиняется папской власти. Восставали город за городом, папские войска братались с революционными толпами, отказываясь стрелять в них. Восстание охватило всю Романью, Мархию и часть Умбрии. Города папской области объединились под названием «Итальянских Соединенных Провинций».

Все эти восстания были, однако, жестоко подавлены

австрийскими, а также наемными швейцарскими войсками. Патриотам-карбонариям, которым удалось спастись от виселицы, пришлось массами эмигрировать. Главная причина провала карбонарских восстаний 1830 года, как и революции 1820–1821 годов, состояла в том, что они не были поддержаны народными массами города и деревни. А в некоторых местах, например в Неаполитанском королевстве, банды «лаццарони», по наущению реакционеров и попов, «во имя веры» жестоко расправлялись с «мятежными безбожниками», то есть с теми же карбонариями.

Неудачи карбонариев привели, наконец, к разочарованию в них демократических элементов. Их тайные «ложи» начали распадаться. С тридцатых годов XIX века национально-освободительное движение в Италии вступает в новый этап.

Идея освобождения Италии и воссоединения всей страны как целостного государства начинает в тридцатых годах встречать все большую поддержку народных масс города и деревни. Гнев и ненависть к угнетателям, внутренним и иноземным, приобрел тают все более отчетливую национально-революционную окраску. Старые требования карбонариев — федерация конституционно-монархических государств — уже не удовлетворяют никого, как не удовлетворяют стихийные вспышки протеста и разрозненные выступления. Естественно, что и старая карбонарская организация перестает быть пригодной; жизнь выдвигает на ее место новую. Такой организацией явилось общество «Молодая Италия», основанное в 1831 году социалистом Джузеппе Мадзини.

Общество «Молодая Италия» объединяло преимущественно представителей мелкобуржуазной интеллигенции — профессоров, учителей, студентов, врачей и т. д. Но в его составе было также немало мелких дворян и некоторое количество ремесленников и крестьян. «Молодая Италия» выставляла два основных требования: объединение Италии и установление в ней республиканского строя. На деле, однако, тактика «Молодой Италии» отражала все слабости и шатания, свойственные мелкобуржуазной. революционности. Будучи в основе своей партией республиканской, «Молодая Италия» тем не менее попадала неоднократно на удочку «либеральствующих» монархистов и в ответственные моменты революции оказывалась неспособной вести за собой массы.

Слабость «Молодой Италии» определялась в значительной мере неясностью теоретических и политических воззрений самого Мадзини, пользовавшегося в обществе непререкаемым авторитетом.

Джузеппе Мадзини был единственным сыном врача, профессора анатомии и физиологии Генуэзского университета. Отец хотел, чтобы Джузеппе также стал врачом. Но юноша не переносил зрелища анатомического зала и предпочел поступить на юридический факультет. «В то время, — пишет он в «Мемуарах», — моей единственной мечтой было стать писателем. В моей голове проносились видения бесконечных драм и исторических романов, и художественные фантазии улыбались мне, как отшельнику — видения женщин». Когда Мадзини исполнилось семнадцать лет, он был глубоко потрясен трагическим зрелищем бегства пьемонтских революционеров-изгнанников. «В одно из воскресений, — рассказывает Мадзини, — в апреле 1821 года я гулял с матерью и нашим другом Гамбани по Страда Нуова в Генуе. В те дни, вследствие предательства и слабости вождей, было подавлено пьемонтское восстание. Изгнанники направлялись к морскому берегу, собираясь уехать в Испанию. Я вглядывался в лица этих людей, в их одежду, — и меня поражала немая, глубокая печаль, написанная на их лицах. К нам подошел человек с суровой и энергичной внешностью. Протягивая развернутый платок, он произнес всего три слова: «Для итальянских изгнанников». Мы бросили в платок несколько монет, и он удалился. В этот день во мне возникла идей, — не скажу «идея отечества и свободы», но во всяком случае уверенность, что за свободу отечества можно и нужно бороться!»

Впервые Мадзини выступил с политическими статьями в коммерческом журнале «Генуэзский указатель». Журнал вскоре закрыли, но Мадзини продолжал свою журналистскую деятельность. Как и многие другие, он отдал дань духу времени — вступил в общество карбонариев. Вскоре после вспышки французской революции 1830 года Мадзини, по доносу одного мнимого карбонария, был арестован и очутился в савойской тюрьме. Там впервые возник у него план создания общества «Молодая Италия».

Вот как характеризует Мадзини русский писатель-революционер Степняк-Кравчинский: «Мадзини был аскет, пророк, фанатик, беззаветно поглощенный одной исключительной идеей… Это был сектант типа Кальвина… В этой исключительности, в этой концентрации всех духовных сил этого необыкновенного человека на одном предмете и заключается тайна того феноменального влияния, какое имел Мадзини на всю свою партию… По одному (его) слову люди шли на верную гибель, на виселицы, на расстреляние».

Взгляды Мадзини не отличались, как сказано, большой

ясностью. В своих статьях и устных выступлениях он отдавал дань идеям, взятым из арсенала утопического социализма, перемешивая их с христианско-этическими формулами. Он стоял за уничтожение привилегий эксплуататорского меньшинства. Будущий строй представлялся ему как система производственных ассоциаций, объединяющих труд с капиталом. Борьбу за свободу Мадзини трактовал как религиозно-нравственную обязанность человека. Самую революцию рассматривал как силу, восстанавливающую «мировую гармонию». Касаясь революционной тактики, Мадзини заявлял, что он против тайных обществ и заговоров «немногих посвященных», что он за всеобщее национальное восстание. «Средства, которыми думает воспользоваться «Молодая Италия» для достижения своей цели, — уверял Мадзини, — суть воспитание и восстание; воспитание примером, словом и книгой внедрит в 20 миллионов итальянцев сознание их национальности, так что восстание застанет их уже вполне готовыми подняться против их притеснителей!»

Но одно дело программа, другое — ее реальное проведение в жизнь. Выступая против тайной заговорщицкой деятельности «немногих посвященных», Мадзини на деле почти всегда прибегал именно к таким методам.

Мадзини никогда серьезно не интересовался положением угнетенных и обездоленных народных масс, в частности — итальянского крестьянства. Это, как неоднократно указывали впоследствии Маркс и Энгельс, послужило причиной частых провалов его начинаний.

«Политику Мадзини я считаю в корне ложной, — писал в 1851 году Маркс. — …Он забывает, что ему следовало бы обратиться к крестьянам, к угнетаемой в течение столетий части Италии, и, забывая об этом, он подготовляет новую опору для контрреволюции. Г-н Мадзини знает только города с их либеральным дворянством и их «просвещенными гражданами». Материальные потребности итальянского сельского населения, из которого выжаты все соки и которое так же, как и ирландское, систематически доводилось до полного истощения и отупения, конечно, слишком низменны для парящих в поднебесье фраз его космополитически-неокатолически-идеологических манифестов. Но, несомненно, нужно много мужества, чтобы заявить буржуазии и дворянству, что первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении испольной системы аренды в свободную буржуазную собственность»[8].

Маркс и Энгельс высмеивали также религиозную окраску учения Мадзини: «Папские буллы имеют чисто религиозное

содержание, как и манифесты Мадзини. Они проповедуют религию, они апеллируют к вере, их лозунгом служит Dio ed il popolo, бог и народ»[9]. Они беспощадно вскрывали реакционное содержание нападок Мадзини на социализм.

В то же время Маркс и Энгельс приветствовали те, правда очень редкие, моменты, когда мировоззрение Мадзини приобретало «значительную широту взглядов», когда он обращал внимание на «социальную действительность, на интересы различных классов, на экспорт и импорт товаров, на цены предметов первой необходимости, на квартирную плату и тому подобные вульгарные вещи…»[10].

Бесформенность и неустойчивость политических взглядов Мадзини проявлялись в попытках привлечь к делу объединения Италии то пьемонтского короля, то даже папу. В 1831 году, когда престол сардинского королевства занял Карл Альберт, Мадзини обратился к этому «королю-либералу», уже прославившемуся в пьемонтском движении своим предательством, с письмом, призывавшим Карла Альберта вспомнить о прежнем своем «народолюбии» и возглавить национально-освободительную борьбу. Позже Мадзини обращался с такими же письмами к Виктору Эммануилу и к папе римскому.

В ответ на письмо Мадзини Карл Альберт заочно приговорил всех мадзинистов к пожизненному заключению. Многих ему удалось бросить в тюрьму, а некоторых этот «король-либерал» казнил. Бывший карбонарий Карл Альберт ввел в Пьемонте военные суды. «Молодому королю захотелось отведать крови», — говорил народ; и кровь действительно текла рекой.

Несмотря на жесточайший террор, партия мадзинистов уже в самом начале тридцатых годов проявляла большую активность, организуя восстания в ряде пунктов Италии. Все эти выступления носили узкий характер заговоров. Наиболее крупным являлось восстание в Генуе, организованное верными учениками Мадзини — братьями Руффини. Но и это восстание было потоплено в крови. Многие его руководители погибли; Якопо Руффини, боясь, что во время пыток выдаст сообщников, перерезал себе в тюрьме горло. Адвоката Вокьери нарочно повели на казнь по улице, где жили его мать и сестры. Генерал Галатери, молодецки усевшись верхом на пушке, с улыбкой любовался зрелищем его казни. Вокьери перед смертью плюнул в лицо этому мерзавцу.

Республиканская партия мадзинистов складывалась в период, когда капитализм делал в Италии первые успехи. Постепенно *из* городских ремесленников и малоземельного крестьянства начинали формироваться первые кадры промышленного пролетариата. Тем не менее остатки феодальных порядков внутри

страны, усугубляемые экономическим гнетом иноземных завоевателей, не давали молодому итальянскому капитализму как следует расправить крылья. Таможенные барьеры преграждали в разных местах торговые пути полуострова. Чрезмерные феодальные налоги и всевозможные регламентации продолжали урезывать прибыли фабрикантов и купцов. В ряде случаев вмешательство отдельных монархов и их приспешников в хозяйственную жизнь носило характер разрушительного самодурства. Так, например, сообщение между Венецианской областью и Ломбардией шло по единственной судоходной итальянской реке По. Но герцог Моденский ставил столько препятствий и ограничений в пользовании этой рекой, что оказалось более выгодным перевозить товары сушей. Еще более тяжело ощущала итальянская промышленность и торговля гнет разного рода иноземных монополий и привилегий. Ввоз французских и австрийских товаров значительно превышал вывоз итальянской продукции. Так, Ломбардо-Венецианская область, подчиненная австрийцам, ввозила на 125 миллионов франков, а вывозила только на 100 миллионов. Папские владения ввозили французских товаров на 92 миллиона, вывозили же только на 31 миллион.

Та же картина наблюдалась и в Пьемонте.

Недовольство итальянской буржуазии этим положением возрастало. Несколько позднее, чем партия мадзинистов, начала оформляться в Северной Италии (в конце тридцатых годов) вторая партия итальянского национально-освободительного движения — умеренно-либеральная. Она отражала интересы обуржуазившихся помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии. В противоположность республиканскому идеалу мадзинистов «умеренные» выдвигали лозунги конституционной монархии. Они боялись революции народных низов и всячески ей препятствовали. Впоследствии (в сороковых годах) это движение получило название «Risorgimento Italiano («Итальянское Возрождение»); вождем его стал граф Кавур, будущий глава пьемонтского правительства. Идеологи «Risorgimento» — Бальбо (в книге «Надежды Италии») и д'Азелио — предлагали «мирные» реформы сверху и ратовали за объединение Италии под властью пьемонтского короля Виктора Эммануила. Джоберти выдвигал в качестве главы федеративной Италии папу римского. Таким образом, уже в тот период, когда буржуазно-демократическая республиканская партия мадзинистов переживала расцвет своей заговорщицкой деятельности, формировалась другая буржуазная партия, которая, пользуясь ошибками и слабостью «Молодой Италии», стала впоследствии добиваться объединения страны

«сверху» на основе компромисса как с итальянскими монархами, так и с великими державами Европы.

Такова была обстановка в Италии к тому моменту, когда Гарибальди пережил свою встречу в Таганроге с мадзинистом Кунео. Он сразу решил, что его место в рядах «Молодой Италии», и стал энергично искать встречи с властителем дум итальянской молодежи — Мадзини.

ПРИГОВОРЕН К СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Возвратившись из плавания, Гарибальди в том же 1833 году отыскал Мадзини в Марселе и при посредстве некоего Кови познакомился с ним.

Это была встреча двух выдающихся людей. Бронзовый моряк с мужественным лицом, обрамленным ниспадающими на плечи золотыми кудрями, горячо пожимал руку бледному, хрупкому интеллигенту, черные большие глаза которого светились то несокрушимой энергией, то необыкновенно мягко и ласково.

С волнением глядя на человека с одухотворенными глазами, Гарибальди думал: «Так вот он каков, этот Мадзини, учитель и вождь, обещающий освободить народ от тирании!» И Гарибальди сказал просто:

— Я готов, брат! Скажите мне — где, когда и как?

С неописуемым восторгом узнал Гарибальди в сентябре 1833 года, что Мадзини согласился привлечь его к участию в предстоящем восстании. Отныне Гарибальди получил партийную кличку «Борель». Вскоре его посвятили в подробности очередного заговора мадзинистов: политические эмигранты организовали за границей экспедиционный корпус, который должен был в октябре вторгнуться из Савойи и Женевы в Пьемонт и произвести там переворот. Во главе корпуса стоял генуэзский генерал Раморино, прославившийся участием в польском восстании. Гарибальди, как опытному моряку, поручили готовить восстание в королевском флоте. С этой целью он поступил простым матросом на корабль «Эвридика» 27 января 1834 года.

Гарибальди с нетерпением ожидал сигнала к восстанию, но, по неизвестной для него причине, оно все время откладывалось. Как он узнал впоследствии, виной всему был сам генерал Раморино: не веря в успех экспедиции, он намеренно оттягивал ее.

3 февраля 1834 года Гарибальди перешел на фрегат «Де Женей», стоявший в Генуэзском порту. Он надеялся, что на этом фрегате, где служило много его приятелей, легче всего будет поднять восстание.

Наконец условный сигнал получен! Вечером 4 февраля заговорщики должны собраться на площади Сарцана, атаковать казарму и овладеть всей Генуей. Одновременно моряки должны захватить корабли.

Не желая подводить товарищей, Гарибальди решил съездить на берег — лично проверить все на месте. Добравшись до площади Сарцана, он стал там прогуливаться. К его изумлению,

заговорщики не показывались. Он прождал около двух часов; уже стемнело. Сжимая в карманах рукоятки двух пистолетов, Гарибальди нетерпеливо вглядывался в одиноких прохожих, торопливо пересекавших площадь. Наконец он случайно увидел одного из знакомых и узнал от него, что в городе идут аресты, что к площади стягиваются войска, что савойская экспедиция сорвалась, а Раморино распустил свой отряд… Все еще не веря, в сильном волнении Гарибальди продолжал бродить по площади. У мальчика, продававшего газеты, он купил свежий номер «Гадзетта ди Дженова». Вот что он прочел: «Правительство его величества давно уже знало о подготовке революционерами восстания в Савойе. Это восстание было организовано изгнанниками-итальянцами при содействии польских эмигрантов, живущих в Бернском кантоне. Было известно, что в кантонах Во и Женевском есть склад с несколькими тысячами ружей… В условленный день поляки уже находились на швейцарском берегу Женевского озера. Однако их товарищи, узнав об энергичных мероприятиях савойского губернатора, не только отказались сами выехать, но и не дали полякам оружия из склада и помешали им отплыть на зафрахтованных судах. Тогда поляки двинулись в Нион… и причалили к женевскому берегу в двух милях от границы Савойи (возле Бельрив). 1 февраля эта шайка, состоящая из 300 человек, была разоружена и арестована…»

Итак, все кончено! Оглянувшись, Гарибальди заметил вдали патрули солдат и понял: еще немного — и он погиб! Он бросился в первую попавшуюся фруктовую лавку. Продавщица, которой он чистосердечно рассказал все, обещала ему помочь. («В те дни и много лет спустя, — замечает по этому поводу Джесси Марио, друг и биограф Гарибальди, — ни разу не случалось, чтоб генуэзец, а тем более генуэзская женщина отказали в защите и помощи патриоту, преследуемому королевскими войсками».) Она спрятала его в своей каморке, а когда наступила ночь, принесла ему крестьянское платье. Гарибальди очутился на большой дороге. Куда идти? Ориентировавшись, он решительно двинулся по направлению к родной Ницце. Гарибальди шел напрямик, по садам и оврагам, перелезая через колючие изгороди и перепрыгивая через канавы. «К счастью, — шутливо замечает он в «Мемуарах», — я привык к таким упражнениям. После часа гимнастики я миновал, наконец, последний сад и перебрался через последнюю стену, преграждавшую мне путь». Затем он стал взбираться на горы Сестри. Днем он спал, ночью шел. Через десять суток Гарибальди очутился в Ницце. Оборванный, измученный, почти неузнаваемый, явился он к своим родителям.

Гарибальди горячо любил и уважал свою мать. Роза

Раймонди была красивая женщина, простая в обращении, с приветливыми и скромными манерами. В отличие от многих женщин своего времени она получила некоторое образование, много читала и была в курсе политических событий. Ее сильно тревожила рано обнаружившаяся у Джузеппе склонность к мореплаванию. Время было неспокойное (наполеоновские войны). Желая спасти сына от всевозможных опасностей, мать наметила для него более мирную карьеру, и муж с ней согласился. «Если мой отец, — говорил Гарибальди, — не дал мне более разностороннего воспитания, если он не обучил меня гимнастике, фехтованию и прочим физическим упражнениям, то виной этому было то, что тогда предпочитали делать из молодых людей монахов и юристов, чем достойных граждан, способных служить своей угнетенной стране…»

Отец Гарибальди — «падрон Доменико», как обычно называли его портовые моряки, был добродушным и недалеким человеком, по развитию стоявшим много ниже жены[11]. Все его помыслы ограничивались корабельной службой и семьей. Специального образования он не получил и научился морскому делу на отцовских судах. Оставшись сиротой, он продолжал работу отца: снаряжал небольшие суда и сам ходил на них между портами Средиземного моря. В дальние плавания из-за недостатка знаний, а может быть, и смелости, он не решался отправляться. Всю жизнь он оставался скромным каботажным капитаном, предпочитая небольшие рейсы и свою уютную тартану «Санта Репарата».

Легко представить ужас и гнев капитана Доменико, когда он узнал об участии сына в антиправительственном восстании. В сильной ярости он стал бранить и упрекать Джузеппе. Мать рыдала и на коленях умоляла сына «явиться с повинной к начальству»: она надеялась, что этим он спасет свою голову. С горечью слушал Гарибальди родителей, которые не понимали воодушевлявших его великих порывов. Он вышел в сад, где протекло его детство, и, усевшись на скамью, глубоко задумался.

Гарибальди страстно любил родную Ниццу и ее изумительные окрестности. Он снова увидел тройной венец дальних гор, нежную, яркую зелень цветущих холмов, с вершин которых часто любовался смутными очертаниями далекой гористой Корсики, парусами судов, бороздивших блестящую поверхность моря, и предался воспоминаниям о своем детстве…

Море неудержимо влекло к себе маленького Пеппино, и он часто удирал из дому к морскому берегу. Мальчик любил валяться на песке, болтать с матросами и рыбаками, которые сушили сети и вытаскивали на берег барки. Здесь же он впервые

научился ловко взбираться по канатам и реям рыболовных судов. Это искусство пригодилось в дальнейшем, когда он стал участвовать в морских сражениях: он прекрасно наблюдал за передвижением судов неприятеля. С детских лет вода была его стихией. Он сам говорил, что «не помнит того времени, когда он не плавал бы, как рыба». С раннего детства отличался физической силой и бесстрашием. Восьми лет от роду Пеппино Гарибальди спас тонувшую прачку. Когда ему было тринадцать лет, он вытащил из воды нескольких товарищей, лодка которых перевернулась. Как только Гарибальди научился владеть ружьем, он стал часто ходить к склонам Монбороне и Монгроссо в поисках куропаток. Большой радостью в жизни мальчика было начало ловли тунца в соседнем порту Виллафранка, откуда ежегодно вывозились тысячи бочек этой вкусной рыбы из породы макрелей.

О том, где и чему он учился, Гарибальди, к сожалению, рассказывает мало. Вот что он пишет в «Мемуарах»: «Моими первыми учителями были два священника. Я думаю, что своим низким умственным и моральным уровнем итальянское племя обязано главным образом этому вредному обычаю… Я сохранил нежное воспоминание о третьем моем учителе, синьоре Арене, преподававшем мне итальянский язык, каллиграфию и математику. Своими немногими познаниями я обязан более всего ему, человеку светскому; в особенности я благодарен ему за то, что он обучал меня родному языку и римской истории».

Следует отметить, что Гарибальди на всю жизнь сохранил живейший интерес к литературе. Он декламировал на память поэмы (например, «I Sepolcri» Фосколо), целые главы из «Илиады» Гомера, «Божественной комедии» Данте, «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо…

Мать уже начинала радоваться успехам Пеппино. Ей казалось, что он навсегда излечился от своей «пагубной страсти» — любви к морю. Но неожиданный случай разрушил ее надежды. Неукротимый Пеппино, мечтавший о приключениях и путешествиях, сговорился с тремя товарищами, и на рыбачьей лодке они тайком отправились морем в Геную. Но священник, учитель Джузеппе, проследил за своим воспитанником и донес отцу. Вне себя Доменико пустился в погоню за беглецами и настиг их вблизи Монако. Можно себе представить, какой нагоняй получил Пеппино! С этого дня Доменико и Роза Гарибальди не на шутку призадумались над дальнейшей судьбой мальчика. Капитан сдержанно, но настойчиво заявил жене, что борьба с явно выраженным призванием мальчика бесполезна и что в конце концов мореплавание не такое уже недостойное

занятие, раз все в их роду посвятили себя этой профессии! Скрепя сердце Роза Гарибальди согласилась с доводами мужа. Они решили проделать опыт и устроили мальчика юнгой на бригантину «Костанца», шедшую из Ниццы в Одессу. Это был быстроходный, надежный парусник. Опечаленная синьора Роза умоляла капитана Анджело Пезанте как-нибудь вызвать в мальчике отвращение к морским плаваниям. Старый морской волк, усмехаясь и дивясь материнской наивности, обещал сделать все от него зависящее.

Капитан Анджело честно выполнил обещание, взвалив на юнгу самые тяжелые и неприятные работы. Но очень скоро он убедился, что юный Джузеппе Гарибальди прекрасно справляется со всем и не боится никаких трудностей, опасностей и бурь. С этого момента мальчик окончательно завладел сердцем капитана.

По возвращении Джузеппе с востока отец взял его на свою тартану. Однажды, когда они бросили якорь в гавани Чивита-Веккия, Джузеппе упросил отца свезти его в Рим. Рим! Столица древней республики! Вечный город, где каждый камень повествует о великих подвигах! В памяти юноши вставали страницы Плутарха, образы Горациев, Гракхов, Сципиона, Катилины… Но как велико было его разочарование, когда он увидал современный ему католический Рим — отвратительное гнездо кардиналов, попов и монахов! На этих людей папа Пий VII возложил воспитание молодежи. Войско, управление, цензура, личная жизнь граждан — все находилось в руках прелатов. Печальное зрелище вечно коленопреклоненных людей — в церквах, на улицах, во время проезда папы или религиозной процессии — вызывало в юноше гнев и возмущение. Говорить об этом с отцом было бесполезно: благочестивый человек покорно выполнял все требования католического ритуала…

Сидевший в маленьком саду отцовского дома Гарибальди очнулся от воспоминаний, радостных и печальных. Нельзя было медлить: сейчас его жизни угрожала серьезная опасность!

В ту же ночь он в последний раз обнял плачущую мать и в сопровождении двух друзей — Жозефа Жона и Анжа Густавини — направился к берегу Вара. Река широко разлилась из-за дождей, но Гарибальди, отличный пловец, переплыл ее. Добравшись до противоположного берега, он махнул рукой товарищам и пустился в путь.

Встретив отряд французских пограничников, Гарибальди откровенно рассказал им, кто он такой, наивно воображая, что конституционная Франция окажет ему гостеприимство. Но пограничники арестовали его и «впредь до распоряжений»

отправили в Грасс, а оттуда в Драгиньян. Там его поместили в первом этаже какой-то казармы, окна которой выходили в сад. Гарибальди подошел к окну, делая вид, что любуется пейзажем. Затем, улучив момент, спрыгнул в сад и был таков. Пока жандармы спохватились, бросились догонять, он был уже далеко в горах. По пути он забрел в таверну и разговорился с хозяином. Тут он вторично совершил неосторожность, открыв, что он политический беглец.

— В таком случае я вынужден вас арестовать! — заявил перепуганный хозяин.

Гарибальди пожал плечами.

— Прекрасно! — спокойно ответил он. — Но вы успеете сделать это позже, когда я кончу свой ужин и уплачу вам за него двойную цену.

Заметив недоверчивый взгляд трактирщика, брошенный на его скромный узелок, Гарибальди засунул руку в карман и побренчал золотыми экю. Это произвело впечатление. Тем временем таверна стала наполняться людьми. Здесь обычно собиралась деревенская молодежь: пили, плясали, пели, курили, играли в карты, беседовали о политике.

Кончив ужинать, Гарибальди подошел к группе поющих. Выслушав песню, он поднял бокал и воскликнул:

— Теперь очередь за мной!

Гарибальди спел два куплета песенки Беранже «Бог простых людей» — одной из любимых Французским народом:

Земных владык законами и властью
Не раз играл здесь баловень судьбы.
И вы, цари, игрушкой были счастью,
Пред ним во прах склоняясь, как рабы!
Вы все в пыли. Я ж чист и сохраняю
В борьбе за жизнь — покой и удальство.
Держа бокал, тебе себя вверяю,
Всех чистых сердцем божество!

Успех был настолько велик, что трактирщик не осмелился больше беспокоить певца. По настоянию молодежи Гарибальди повторил куплеты. Он весело закончил словами припева:

Кошмары снов я смело разгоняю,
Вот мудрости моей вам существо.
Держа бокал, тебе себя вверяю,
Всех чистых сердцем божество!

Его обнимали, целовали и с энтузиазмом кричали:

— Да здравствует Беранже! Да здравствует Франция! Да здравствует Италия!

Так благодаря своей находчивости Гарибальди удалось спастись. «Беранже умер, не подозревая об оказанной мне услуге!» — шутливо замечает он в «Мемуарах».

Сообщники и друзья Гарибальди (кличка его была, как сказано, «Борель») долгое время считали, что он расстрелян, так как прочли в «Пьемонтской газете» сообщение, в котором среди казненных упоминался некий Джузеппе Борель.

Но в приговоре шла речь о другом, настоящем Бореле. Узнав об этом, Гарибальди из осторожности решил переменить свое имя на Джузеппе Пане.

На двадцатый день после своего бегства из Генуи он очутился в Марселе и вскоре прочел в местной газете приговор генуэзского военного суда, на этот раз касавшийся его лично:

«Военный дивизионный совет в своем заседании в Генуе, по приказу его превосходительства господина губернатора, рассмотрел дело государственного военного фиска против Мутру Эдоардо родом из Ниццы, моряка 3-го класса королевской службы; *Гарибальди Джузеппе Мария,* сына Доменико, 26 лет, морского капитана торгового флота и матроса 3-го класса королевской службы; Каорси, 30 лет, и Маскарелли Витторе, 24 лет, и установил, что Гарибальди, Маскарелли и Каорси были организаторами заговора в нашем городе в январе и феврале этого года и стремились вызвать в королевских войсках восстание для свержения правительства его величества.

Выслушав это сообщение и призвав на помощь господа бога, суд приговорил: Гарибальди, Маскарелли и Каорси — к наказанию позорной смертью и к публичному отмщению как врагов отечества и государства и бандитов первой категории. Генуя, 3 июня 1834 г. — Брэа, секретарь. Рассмотрено и одобрено. Губернатор, дивизионный начальник, маркиз Паулуччи».

Итак, Гарибальди был заочно приговорен к смертной казни. О возвращении на родину нечего было и думать…

В ПОИСКАХ НОВОЙ РОДИНЫ

Больше года скитался Гарибальди по белу свету.

Он плавал на торговых судах и одно время, как говорят, нанялся даже во флотилию тунисского бея Гуссейна, вздумавшего реформировать войско и флот на европейский лад.

В июне 1835 года Гарибальди вернулся в Марсель, в то время пораженный эпидемией холеры, свирепствовавшей во всей Европе. Больницы были переполнены, медицинского персонала не хватало. Всегда отзывчивый, готовый служить каждому, кто нуждается в помощи, Гарибальди явился в одну из больниц и предложил свои услуги. Его с радостью приняли санитаром. Он самоотверженно работал полмесяца, пока эпидемия не начала ослабевать.

Вскоре Гарибальди узнал в порту, что бриг «Мореплаватель», капитаном которого был некий Борегар, отправляется в Рио-де-Жанейро, столицу Бразилии. Искушение было слишком велико. Подумать только, он увидит новые края, неведомую ему жизнь! Получив на «Мореплавателе» место второго помощника, Гарибальди надолго распрощался со старой Европой — на целых тринадцать лет!

Стоя на капитанском мостике с подзорной трубой в руках, Гарибальди вглядывался в приближающиеся скалы бразильского берега. Корабль миновал узкий проход и очутился в спокойной, гладкой как зеркало бухте. Теперь Гарибальди уже различал дома и зеленеющие сады великолепной столицы Рио-де-Жанейро, в центре которой возвышалась группа высоких холмов. Над украшенной клумбами набережной высились дворцы и многочисленные каменные дома.

Якорь брошен. После выполнения обычных формальностей Гарибальди ступил на землю Нового Света. Первое время он чувствовал себя одиноким и потерянным в толпе чужого города, где смешались португальцы, негры и метисы всех оттенков. Но скоро Гарибальди полюбил и сказочный пейзаж окружавшего столицу девственного леса с лианами, диковинными деревьями и цветами, и новых людей, находившихся в таком же национальном угнетении, как и его родной народ.

К счастью для Гарибальди, в Бразилии жила небольшая группа его соотечественников, изгнанных с родины. Однажды он встретил итальянского эмигранта, храброго бойца и журналиста Луиджи Россетти, родом из Генуи, который окликнул его на родном языке. Они сразу крепко подружились.

Россетти вскоре стал поверенным заветных дум и надежд

Гарибальди. Затем Гарибальди с радостью узнал, что в Монтевидео живет его старый друг — человек, впервые зажегший в нем революционный энтузиазм и вовлекший его в общество «Молодая Италия», — таганрогский знакомый Кунео. Гарибальди тотчас же завязал с ним оживленную переписку.

По письмам можно судить о душевном состоянии Гарибальди в то время, о его намерениях и целях. Работа на торговых судах, полученная при содействии Россетти, тяготила его. Прирожденный политический боец, мечтавший о борьбе за освобождение угнетенных народов, Гарибальди испытывал тоску и отвращение, когда ему приходилось перевозить мешки с мукой, просом, продавать их в Кампосе и Макао, грузя там тростниковый сахар и водку. Он писал Кунео (27 декабря 1836 года): «Меня мучит мысль, что я ничего не могу сделать, чтобы двинуть вперед наше дело. Напиши П-о («Пиппо», то есть Мадзини), чтоб он дал нам предписание, и мы начнем… О, дорогой мой брат! Я устал влачить столь бесполезное существование. Мне опостылела морская торговля. Верь, что мы предназначены для чего-то большего! Мы очутились вне нашей стихии!»

Те же мысли звучат и в письме от 22 апреля, звучат уже более определенно: «Я бы уехал немедленно, бросив все, но сейчас это невозможно более, чем когда-либо… Причины этого объяснить сейчас не могу — опасно… скажу только, что я готовлю себя к новой жизни, вполне соответствующей нашим принципам».

«Новой жизнью» явилось для Гарибальди участие в освободительной революции маленькой республики Риу Гранди ду Сул (южной провинции Бразильской империи), которая восстала и боролась тогда за свою независимость. После неудачной битвы при Фанфа президент республики Бенто Гонзалес до Сильва, начальник штаба и секретарь президента итальянец-эмигрант Ливио Замбеккари и другие вожди восстания были взяты в плен и заключены в тюрьму Рио-де-Жанейро. Вскоре всех заключенных освободили, один только Замбеккари продолжал сидеть в форте Санта Крус. В прошлом участник неаполитанской революции 1821 года, Замбеккари и в заточении не падал духом: он занимался переводом с французского на португальский «Очерков по политической экономии» Сисмонди и статей «Молодой Италии», которые затем публиковались в местной прессе.

Россетти устроил Гарибальди свидание с Замбеккари. Молодой капитан произвел прекрасное впечатление на заключенного и получил предложение принять участие в освободительной борьбе народа Риу Гранди. Гарибальди с радостью согласился. Замбеккари посоветовал ему вооружить

свое торговое судно и превратить его в военный партизанский корабль. Затем Замбеккари дал ему рекомендацию к президенту Гонзалесу. Гарибальди вышел от него счастливый и полный новых сил. Судьба риуграндского народа вызвала в нем глубочайшее сочувствие: она напоминала ему участь его собственного народа, столько выстрадавшего в борьбе за независимость и теперь изнывавшего под игом ненавистных австрийцев…

От президента Гонзалеса Гарибальди получил формальные полномочия на ведение партизанской морской войны с Бразилией. Вместе с Россетти он энергично принялся за дело, набрал команду и вооружил свое рыболовное суденышко «Мадзини». Правда, «вооружение» это заключалось пока… в нескольких заржавевших ружьях.

«Двенадцать человек, составлявших экипаж этого судна, — рассказывает Гарибальди, — снялись с якоря ночью из порта столицы Рио-де-Жанейро и бросили Бразильской империи вызов! Впервые у этих южных берегов стало развеваться знамя свободы, республиканское знамя Риу Гранди. Мы высадились на острове Марика. Трудно описать радость и новые надежды, зажегшиеся в нас, когда с высот Марики мы созерцали океанский простор во всем его величии».

Первое морское сражение под командованием Гарибальди произошло недалеко от острова Гранде, принадлежавшего штату Рио-де-Жанейро. Гарибальди заметил бразильскую шхуну, на борту которой красовалось название «Луиза». Когда она поравнялась с «Мадзини», команда последнего высыпала на палубу и, размахивая оружием, предложила шхуне сдаться. При виде небритых и усатых, одетых в самые фантастические лохмотья людей экипаж «Луизы» охватила паника, и шхуна без единого выстрела сдалась. Один из пассажиров, богатый бразильский купец, стал, дрожа, умолять «корсаров» о пощаде. Он вынул из своей шкатулки три великолепных бриллианта и предложил их предполагаемому «атаману разбойников». К его великому изумлению, тот не только отказался от бриллиантов, но заверил купца, что ему не грозит опасность. В его присутствии Гарибальди строго заявил матросам, что за малейшую похищенную вещь они ответят головой. Гарибальди решил остаться на захваченной шхуне. Рабов-негров, находившихся на «Луизе», Гарибальди именем республики Риу Гранди объявил свободными, но они предпочли остаться у него на службе в качестве матросов. Всех остальных — капитана и пассажиров — Гарибальди высадил на берег, отдав им единственную шлюпку и снабдив приличным запасом провизии. На шхуне взвился

республиканский флаг, и отныне она получила название «Scoropilla» — «Нищая». Именем «нищих» бразильские монархисты презрительно окрестили риуграндских республиканцев. Гарибальди, очевидно, руководился также исторической ассоциацией — воспоминанием о нидерландских гезах («нищих»), которые в свое время точно так же приняли вызов и гордо опоясались нищенской сумой.

Гарибальди решил бросить якорь у берегов республики Уругвая — в Мальдонадо (к востоку от Монтевидео). Там экипажу «Скоропильи» оказали хороший прием, и она простояла в порту около восьми суток. Уругвай также только недавно завоевал свою независимость, но его деспотический президент Орибе не пожелал признать прав новой республики. Он предписал мальдонадскому политическому комиссару арестовать Гарибальди и реквизировать его судно. Вместо этого комиссар дал Гарибальди дружеский «неофициальный» совет: как можно скорее покинуть порт. В тот же вечер «Скоропилья» отплыла вверх по течению Риу де ла Плата.

В эту ночь разыгралась буря. Гарибальди стал вглядываться в смутные очертания берега.

— Левее на кварту! Еще левее на кварту[12]! — приказывал он.

Но берег неизвестно почему приближался. Около полуночи сильный толчок потряс шхуну. При вспышках молний из пенящихся волн выглядывали черные страшные скалы… Шхуна очутилась у опасных рифов «Черные камни». Гарибальди торопливо стал расспрашивать рулевого, внимательно осмотрел компас и, наконец, понял, почему судно уклонялось от заданного курса: матросы свалили все оружие в кучу недалеко от компаса, и железо вызвало отклонение магнитной стрелки. Нельзя было терять ни минуты. Ветер бушевал. Валы то и дело обрушивались на судно, покрывая палубу, и с силой ударяли его о рифы. Экипаж ждал своей гибели, и даже старые моряки бледнели от страха… Взобравшись на верхушку фок-мачты, Гарибальди властным и уверенным голосом отдавал распоряжения рулевому. Шхуна послушно лавировала, минуя самые опасные места. Наконец судно удалось вывести из района Черных камней.

Опасность миновала, но настроение команды не улучшалось: люди были голодны. Внимательно осматривая окрестность, Гарибальди вдруг заметил на горизонте силуэт какого-то строения и дымок. Но на шхуне не было лодок. Тогда Гарибальди, опрокинув большой обеденный стол, велел привязать к нему две бочки, а посредине стола водрузить высокий шест. Спустив на

воду этот импровизированный плот, Гарибальди и один матрос взобрались на него. Совершая чудеса эквилибристики, они ухитрились добраться до берега. Гарибальди углубился в необъятные просторы зеленеющей степи.

С большим трудом Гарибальди добрался до эстансии[13]. Не застав управляющего, он решил обождать. Жена управляющего неожиданно оказалась женщиной очень образованной. Она проявила большие познания в его родной итальянской поэзии; мало того, она сама была поэтессой. Увлекшийся Гарибальди совершенно позабыл о матросе, который терпеливо дожидался его на берегу реки. Хозяйка декламировала наизусть стихи Петрарки, Данте, Тассо, наконец собственные. Эта литературная беседа продолжалась бы еще довольно долго, если бы не явился муж поэтессы. Тут только Гарибальди вспомнил о цели своего визита и деловым тоном попросил продать и заколоть ему быка или корову. Хозяин согласился.

Повесив куски мяса на шест своего оригинального плота, Гарибальди, захватив матроса, — двинулся в обратный путь, к шхуне, где его ждали изголодавшиеся товарищи.

На другой день на горизонте, со стороны Монтевидео, показались две барки.

Они шли быстро, видимо стараясь нагнать шхуну. Почуяв недоброе, Гарибальди приказал своим людям вооружиться, и вовремя: резкий окрик с борта одной барки предлагал шхуне сдаться. Это были правительственные суда, посланные для задержания «Скоропильи». Одна из барок подошла к шхуне вплотную, пытаясь взять ее на абордаж. Матросы Гарибальди отстреливались, сам он дрался как лев. Когда рулевой Фиорентино был убит, Гарибальди сам взялся за рулевое колесо. В эту минуту вражеская пуля пронзила ему шею. Он упал, обливаясь кровью, и потерял сознание. Матросы шхуны продолжали упорно отбиваться. Неприятель понес большие потери и вынужден был отступить. Раненого Гарибальди перенесли в каюту; там он пришел в себя. Товарищи с волнением следили за каждым его жестом. Знаком он попросил подать ему карту и, вглядевшись в нее, указал место, куда следует плыть: Санта-Фе на реке Паране.

Много дней шхуна плыла по реке, никуда не причаливая. Наконец встретившееся бразильское судно взяло шхуну на буксир и отвело ее в Гвалегай (город аргентинской провинции Энтрериос).

Гвалегайский губернатор дон Паскуале Эчагуэ любезно предоставил раненому Гарибальди своего врача. Хирург извлек пулю, которая, войдя слева под ухом, пробила шею, к счастью не

задев ни сонной артерии, ни гортани. Благодаря своему могучему организму Гарибальди сравнительно быстро начал поправляться. Губернатор отнесся к больному довольно снисходительно и подверг его только домашнему аресту «на честное слово», одновременно запросив инструкций аргентинского диктатора Розаса. Но из Буэнос-Айреса не приходило никаких известий, и выздоравливавший Гарибальди шесть месяцев спокойно прожил в квартире гостеприимного доктора Хасинто Андреуса. В виде вознаграждения за реквизированную шхуну губернатор приказал ежедневно выдавать Гарибальди по одному дуро (5 франков) — сумму, по тому времени немалую. Ему разрешались даже прогулки верхом, но не дальше десяти-двенадцати миль.

Находясь в Гвалегае, Гарибальди возобновил переписку с Кунео. В своих письмах он говорил только об одном: об Италии и перспективах ее освобождения.

«Большую часть времени я провожу за чтением книг, — писал он Кунео, — этим я обязан безмерной доброте моего хозяина. По вечерам, в хорошую погоду, я гуляю, навещаю знакомых и меланхолически созерцаю красоты природы, а затем возвращаюсь домой. И всегда в моем сердце — Италия. С горечью я восклицаю:

Io la vorrei deserta
Ed i suoi palagi infranti
Pria che vederla trepida
Sotto il baston del Vandalo disonorata![14]

(Стихи Гарибальди)

Неожиданно дон Эчагуэ уехал, оставив заместителем Леонардо Миллана, человека грубого и жестокого. Некоторые «благожелатели» стали намекать Гарибальди, что его присутствие в городе очень обременительно для правительства. Поверив, что это указание исходит от правительства и что, следовательно, он свободен от данного слова, Гарибальди принял провокационный совет. В соседней эстансии один знакомый раздобыл ему проводника и лошадей. Однако, проехав свыше 50 миль, Гарибальди услышал топот копыт: это мчался посланный за ним в погоню полицейский отряд. Сопротивление было бесполезно. Скрутив ему за спиной руки, его взвалили на коня и привезли назад в Гвалегай.

Губернатор Миллан лично допрашивал Гарибальди. Резким тоном он потребовал «выдать сообщников».

— У меня нет сообщников, — ответил Гарибальди, — я без посторонней помощи организовал побег.

Услышав это, Миллан стал избивать пленника хлыстом, а затем повторил вопрос:

— Кто ваши сообщники?

Гарибальди снова отрицательно покачал головой. Рассвирепевший Миллан велел подвергнуть его пытке. К связанным сзади кистям рук Гарибальди привязали длинную веревку. Перекинув ее свободный конец через блок, укрепленный в потолке, пленника стали поднимать, пока он не повис в воздухе на выкрученных из суставов руках. Время от времени ему давали понемногу воды, чтобы затянуть мучения.

Рассчитывая, что Гарибальди достаточно обессилел, Миллан возобновил свой допрос: не намерен ли тот теперь что-либо сказать.

«Все, что я мог сделать, — рассказывает Гарибальди в «Мемуарах», — это плюнуть ему в лицо, и я не отказал себе в этом удовольствии».

— Хорошо, — сказал губернатор, спокойно утираясь и уходя, — когда арестант скажет, что хочет сознаться, спустите его и позовите меня.

В течение двух часов Гарибальди висел в таком положении…

«Два часа подобных страданий!! Тело мое пылало, как горящая печь, — вспоминал он впоследствии. — Я все время глотал воду, которую давал мне солдат, но она мгновенно высыхала у меня в желудке, как если бы ее лили на раскаленный металл… Страдания мои были невыносимы! Когда меня развязали, я не произнес ни слова жалобы… Я был полутрупом. И, несмотря на это, меня заковали в кандалы, хотя я только что перед этим проехал 54 мили по болотистой местности, со связанными руками и ногами, не имея возможности защищаться от заедавших меня комаров…»

Больного, истерзанного морально и физически, Гарибальди перевезли в Бахаду, столицу провинции Энтрериос. После двух месяцев заточения его, наконец, освободили по распоряжению вернувшегося Эчагуэ, и он уехал в Монтевидео к своим преданным друзьям — Кунео и Россетти.

От пыток в Гвалегае навсегда остался след — неизлечимый артрит суставов, мучивший Гарибальди всю жизнь. Впоследствии случай предал в руки Гарибальди его мучителя Миллана, но Гарибальди, свободный от чувства мести, только махнул рукой:

— Я не желаю его видеть… уберите его немедленно!

Спустя месяц Гарибальди уехал с Россетти в Риу Гранди, чтобы снова сражаться в войсках героической маленькой республики.

Президент Бенто Гонзалес принял Гарибальди с

распростертыми объятиями и сразу же назначил «адмиралом флота» (пока еще не существовавшего). Вместе с американцем Джоном Григсом Гарибальди с увлечением приступил к постройке кораблей. Были построены два судна — «Рио Пардо», — капитаном которого впоследствии стал Гарибальди, и «Республикано». На каждом корабле установили по две бронзовые пушки. Была набрана команда из шестидесяти человек. С этими скромными средствами Гарибальди собирался вступить в состязание с могучим по тому времени имперским флотом Бразилии, состоявшим из тридцати парусников и даже одного парохода.

Со своими двумя кораблями Гарибальди крейсировал по мелководному заливу Дос Патос, пользуясь всякой оплошностью неприятеля, чтобы отбить у него то одно, то другое судно.

Но Гарибальди действовал не только на море, но и на суше. На его судах имелись седла и другая сбруя, а так как в этих местностях лошадей можно было достать сколько угодно (повсюду в степях бродили дикие табуны), то при каждом удобном случае флотилия приставала к берегу, высаживалась и превращалась в кавалерийский отряд, наводивший ужас на врагов.

Быстрота передвижений, несравненная находчивость в самых отчаянных обстоятельствах, уменье воодушевлять своих воинов уже тогда характеризовали Гарибальди как будущего выдающегося военачальника.

Вскоре флот Гарибальди пополнился еще двумя судами. Храброму адмиралу маленького флота предстояло принять участие в очень рискованной экспедиции. Риуграндское правительство узнало, что в бразильской провинции Санта Катарина, расположенной севернее, вспыхнуло восстание. Решено было соединиться с повстанцами и на суше и в море. Морскую часть операции поручили Гарибальди. Задача была крайне трудна. Как переправить суда из Лагуны Дос Патос в океан, если она отделена от него полосой суши шириной в 150 километров, а устье Лагуны находится в руках врага? Но находчивый Гарибальди придумал выход: он решил перевезти свои корабли на колесах. Соорудив длинные помосты и поставив их на огромные катки, гарибальдийцы с большим трудом взгромоздили на них два судна. В каждую «повозку» запрягли по 25 пар быков, и, к величайшему изумлению местных жителей, необычный поезд медленно двинулся по руслу обмелевшей речки Капивари. Добравшись до озера, Гарибальди благополучно спустил суда на воду и стал дожидаться прилива. Наконец в восемь часов вечера моряки снялись с якоря, и их суда очутились на волнах океана.

Вскоре, однако, с юга подул сильный ветер, а к ночи разыгрался яростный шторм. Кораблю «Сейвал» — его капитаном был Григс — удалось выброситься на берег. Команда его спаслась. Маленький «Рио Пардо», сильно перегруженный, скоро пошел ко дну. Очутившись в шлюпке, Гарибальди меньше всего думал о себе: он тотчас занялся спасением товарищей. С волнением следил он, как его любимец — боцман Карнилья из последних сил цепляется за снасти полузатонувшего корабля. Гарибальди направился к нему в лодке. Спрыгнув в воду и держась одной рукой за борт, он другой вынул нож из кармана. Он пытался разрезать воротник и спину тяжелой кожаной куртки Карнильи, которая мешала ему выплыть. Вдруг налетела большая волна и сильным ударом перевернула шлюпку. Гарибальди удалось выплыть на поверхность, но друг его скрылся под водой навсегда.

Чувствуя, что силы его скоро иссякнут, Гарибальди поспешил добраться до суши. Глубоко опечаленный, он медленно побрел вдоль берега. Вдруг он услышал крики о помощи: это тонул другой его приятель — Эдоардо Мутру. Гарибальди снова бросился в воду. Поймав доску от трюма, он подал ее тонущему товарищу. Но когда Мутру протянул руку, пытаясь ухватиться, на него внезапно обрушился огромный вал и похоронил его в море. Сам Гарибальди, прекрасный пловец, еле выбрался из пучины.

Всего погибло шестнадцать человек, в живых осталось четырнадцать, из них — ни одного итальянца. «С этой минуты мир показался мне пустыней!» — Вспоминает Гарибальди.

Катастрофа произошла у берегов провинции Сан та Катарина. Безоружные, ослабевшие люди теперь со страхом думали о предстоящей встрече с имперскими солдатами. К счастью, восстание против бразильского правительства произошло именно в этой части провинции Санта Катарина. Местные жители радушно приняли Гарибальди и его немногих товарищей, спасшихся от кораблекрушения. Подкрепившись и отдохнув, гарибальдийцы догнали авангард республиканского войска, которым командовал полковник Тешейра. Узнав о приближении риограндских бойцов, гарнизон города Лагуна в панике бежал. После недолгого сражения в руках победивших республиканцев остались три небольших военных корабля. Гарибальди принял командование над семипушечной шхуной «Итапарика».

Несмотря на успехи республиканцев, Гарибальди был мрачен: он не мог забыть потери своих лучших друзей. В это время произошло одно событие, сыгравшее в его жизни большую роль. Вот что спустя много лет рассказывает об этом сам Гарибальди: «Я никогда не помышлял о браке и считал себя неспособным к нему вследствие независимости своего характера и склонности к

жизни, полной приключений. Иметь жену, детей — это казалось мне совершенно неуместным для человека, который посвятил всю жизнь борьбе за осуществление своих идей, борьбе, делающей невозможным душевный покой, необходимый для отца семейства. Судьба решила иначе. Потеряв Карнилью, Эдоардо Мутру и других своих сверстников, я остался совершенно одинок. Мне, казалось, что я один в целом мире!.. Мне нужна была подруга. Именно подруга, так как я всегда считал, что женщина — это совершеннейшее из существ. Что бы там ни говорили, именно среди них бесконечно легче найти любящее сердце. Обуреваемый такими печальными мыслями, я с кормы «Итапарики» глядел на берег. Невдалеке высился холм Морро делла Барра (на правом берегу устья Лагуны). Я увидал у его подножия нескольких женщин, занятых работой по хозяйству. Особенно понравилась мне одна из них, молодая. Я велел причалить к берегу и, высадившись, направился к дому, где жила эта женщина. У дверей дома я увидал человека, который пригласил меня войти — выпить чашку кофе. Войдя, я увидел ту, которая мне так понравилась. Это была Анита (впоследствии мать моих детей). Несколько мгновений мы стояли неподвижно, молча вглядываясь друг в друга. Затем я поклонился и сказал (я плохо говорил по-португальски и произносил слова с итальянским акцентом): «Ты будешь моей!» Я завязал узел, который могла разорвать одна только смерть!»

В таких выражениях Гарибальди повествует о своей первой встрече с самым лучшим, самым преданным другом, женой и боевым товарищем Анитой Рибейра. В дальнейшем жизнь этой смелой и страстной женщины, с первой же встречи полюбившей Гарибальди, без колебаний бросившей ради него отца, друзей, родной дом, тесно переплелась с его героической жизнью.

Анита была красивой женщиной, с большими черными глазами на удлиненном смуглом лице. В детстве она часто сопровождала отца на охоту и рыбную ловлю, всегда скакала бок о бок с ним на коне, ловкая, отважная дочь степей.

Юная Анита последовала за Гарибальди и вскоре приняла участие в первом же морском сражении. Оба они находились на борту одного корабля. Видя, что соседнее судно дало течь и пушка его сбита выстрелом, Гарибальди стал умолять Аниту отправиться в лодке на берег. Она рассмеялась и с карабином в руках продолжала обходить судно, ободряя сражающихся и упрекая трусов. Вдруг вражеское ядро ударило в палубу: несколько человек упало, в том числе и Анита. Двоих убило, но она не была даже ранена. Опасаясь за ее жизнь, Гарибальди потребовал, чтобы она немедленно спустилась в трюм.

«Хорошо», — ответила Анита. Но через несколько минут вернулась, с торжеством ведя за собой трех спрятавшихся в трюме матросов.

В дальнейшем Гарибальди уже не просил Аниту «беречь себя». В бою у Лагуны, когда Гарибальди с тремя судами отражал натиск имперской флотилии из двадцати двух судов, Анита, не обращая внимания на рвущиеся поблизости снаряды, бесстрашно подносила к пушке горящий фитиль. Почти все суда республиканцев были разбиты и выведены из строя.

Палубы их покрылись убитыми и ранеными. В эту трудную минуту Гарибальди приказал Аните организовать высадку людей на сушу и перевозку боеприпасов. Сам же он, оставшись один на полуразрушенном корабле, продолжал стрелять из пушки и только после высадки всего экипажа покинул судно. За это время Анита успела раз двадцать проехать взад и вперед, стоя на корме барки и громким голосом отдавая приказания.

Армия республики Риу Гранди терпела ряд неудач из-за нерешительности и неумелой стратегии президента Бенто Гонзалеса. Республиканцы вынуждены были оставить Таквари, отступить к Сан Леопольдо и Сеттембрине. Затем пришлось предпринять и общее отступление, крайне трудное и продолжительное — сквозь дебри девственного леса («сельвы»).

«Этот лес, величайший в мире, — пишет Гарибальди, — тянется от берегов Ла-Платы к берегам Амазонки и покрывает склоны Серра ду Эспиньясо на колоссальном протяжении». Отступившим приходилось пробиваться через густые лианы, обвивавшие огромные стволы сосен. Приходилось прокладывать дорогу среди опасных топей, образованных многими слоями разложившихся трав и мхов, гнилых листьев и обломков тростника «таквари». Лишь на пятый день удалось отыскать «пикаду» — искусственную просеку в девственном лесу — и добраться через нее до полей Лажес.

Анита, в то время беременная, не желала покидать мужа и героически сражалась рядом с ним. Незадолго до отступления Гарибальди поручил ей организовать доставку боеприпасов. Выполнив поручение, Анита возвращалась с несколькими бойцами к месту боя. Внезапно неприятельский отряд перерезал им путь и открыл огонь. Окруженная врагами, Анита храбро дралась до той минуты, пока не пал ее конь, сраженный пулей. Ее схватили и привели к командиру отряда. Анита держалась гордо, говорила презрительно и насмешливо. Но когда один из ее конвоиров сказал, что Гарибальди убит, Аните пришлось смириться: она стала просить разрешения разыскать тело своего мужа и целый день бродила среди трупов. Поиски оказались

безуспешными, и в сердце ее затеплилась надежда: значит, он жив! Тогда Анита решила бежать. Ночью она незаметно покинула вражеский лагерь и спряталась в одной из хижин соседней деревни. Но куда идти? Она решила двинуться по направлению к Лажес, куда, как ей было известно, отступили республиканцы.

Поймав в степи неукрощенного жеребца, Анита с огромным трудом заставила его повиноваться своей воле. Началась дикая скачка, без отдыха, по горам и лесам. Через бурные потоки, разбухшие от дождей, Анита переправлялась на коне, крепко вцепившись руками в его гриву.

После восьми дней, в течение которых Анита питалась только дикорастущими плодами и незрелыми кофейными зернами, она добралась, наконец, до Лажес и, безгранично счастливая, упала в объятия своего Джузеппе.

С этого момента и до переезда в Монтевидео Анита уже не разлучалась с мужем. 16 сентября 1840 года она родила своего первенца Менотти в бедной хижине Мустарды, близ Сан Симона.

Беззаветная любовь к своему «Жозе» (как она называла Гарибальди по-португальски) совершенно переродила юную полудикую бразилианку. Чтобы не разлучаться с мужем, она научилась владеть мушкетом, как заправский солдат. Вскоре она стала делать перевязки и лечить раны не хуже опытной сестры милосердия. Она ставила паруса и боролась с бурей, как старый моряк. Эта храбрая, терпеливая женщина проводила целые ночи верхом на коне, перенося в походе множество тяжелых лишений, и в такой обстановке сумела выкормить и воспитать троих детей!

Дела республиканцев с каждым днем становились все хуже. В бою с Морингэ погиб близкий друг Гарибальди — Россетти: он был ранен, свалился с лошади, но не желал сдаться в плен и был убит. Его смерть явилась тяжелым горем для Гарибальди. Неудачи следовали за неудачами. Гарибальди снова пришлось участвовать в тягостном отступлении, «самом страшном во всей моей жизни», как говорил он. Это происходило зимой 1841 года. Под непрерывными потоками дождя, без провианта, в густой, темной чаще бесконечных лесов голодные, больные воины республики теряли всякую надежду на спасение. Вздувшиеся от дождей потоки уносили их снаряжение и пожитки. Были съедены почти все лошади. Жены и дети, сопровождавшие воинов по местному обычаю, часто падали на дороге, обессилев. Они оставались умирать от голода или становились жертвой хищных зверей. Анита смертельно волновалась за жизнь своего трехмесячного ребенка. При переправе через реку Гарибальди обычно привязывал завернутого в платок маленького Менотти к своей шее и грел его своим дыханием.

Наконец отступление кончилось. Уцелевшие люди добрались до Ваккарии, где их ожидал Гонзалес со своей дивизией. На этом, собственно, закончилось участие Гарибальди в революционной борьбе Риу Гранди. В своих воспоминаниях он пишет: «Шесть лет жизни, полной лишений и всевозможных приключений (1836–1842), не испугали бы меня, будь я человеком одиноким. Но я уже обзавелся к тому времени небольшой семьей. Я обязан был позаботиться об улучшении условий жизни моей дорогой жены и ребенка. Поэтому я решил переехать в Монтевидео, хотя бы временно».

В начале 1842 года Гарибальди приехал с женой и ребенком в Монтевидео.

До конца первой четверти XIX века провинция, заключенная между линией Серра Санта Анна — река Ягуаран (южной границей Риу Гранди ду Сул), с одной стороны, и реками Уругвай, Ла-Платой и океаном — с другой, называлась Banda Oriental (Восточная полоса). Когда Бразилия провозгласила свою независимость от Португалии, возник вопрос, куда должна отойти Banda Oriental — к Бразилии или Аргентине? Вопрос этот решил сам уругвайский народ. Кавалерийский отряд добровольцев под командой Хуана Лаваллеха («поход тридцати трех») вторгся в Монтевидео и при общем сочувствии населения провозгласил Уругвай независимой республикой. Вскоре была создана небольшая флотилия, а в новую республиканскую армию стало стекаться много добровольцев. Уругвайцы настолько успешно отстаивали свою независимость, что в конце концов добились ее признания (27 августа 1828 года).

Однако и Бразилия и Аргентина в дальнейшем продолжали ссориться из-за Banda Oriental, и это не раз приводило к кровопролитным конфликтам. Уругвай являлся «лакомым куском»: покрывающие страну густые леса изобилуют отличным строительным материалом — хвойными деревьями, кедрами, ивами, черным лавром. В плодородных равнинах кедровые, финиковые и фиговые рощи чередуются с фруктовыми садами и огородами. Почва орошается бесчисленными потоками и судоходными реками. В горах Уругвая скрыто много золота, серебра, меди, железа и свинца.

В то время, когда Гарибальди приехал с семьей в Монтевидео, аргентинский президент Розас, жестокий и бесчеловечный диктатор, прилагал все усилия, чтобы прибрать к рукам Уругвай. Благодаря его интригам был низложен первый уругвайский президент Рибера и вместо него избран ставленник Розаса — Орибе.

Внутри самого Уругвая шла борьба двух партий: «белых»

(«blancos»), представлявших интересы крупных земельных собственников и скотоводов, во главе с Лаваллехой и Орибе, и «красных» («colorados»), опиравшихся на прогрессивную крупную и мелкую буржуазию во главе с Рибера. В 1838 году в Уругвае вспыхнуло восстание, низложившее Орибе. Но Орибе бежал в Буэнос-Айрес к Розасу и, очутившись там, объявил, что по-прежнему считает себя президентом Уругвая. Розас поставил его во главе большого войска, двинувшегося на завоевание Уругвая.

Вполне понятно, на чьей стороне были симпатии Гарибальди. Гарибальди всей душой был с «красными», или «унитариями», храбро боровшимися за независимость своей маленькой страны. И поэтому, когда уругвайские патриоты обратились к нему с просьбой помочь им в борьбе против кровавого диктатора Розаса, он пошел им навстречу.

Розас ввел по всей стране жестокий белый террор, без суда казнил многих «унитариев», уничтожил свободу печати и слова, закрыл все либеральные журналы и разжигал самые кровожадные страсти лозунгом: «Смерть дикарям унитариям!» Его слуги устраивали охоту на людей. Самым усердным исполнителем его палаческих приказов являлось гнусное общество «Mas Horca!» («Больше виселиц!»), совершавшее неслыханные злодеяния. Розас без жалости расправлялся с собственными помощниками и приближенными. Даже наилучший исполнитель его велений Кирога — «тигр Пампы» — не избег этой участи и погиб загадочной смертью, как и многие другие. Незадолго до приезда Гарибальди в Южную Америку в самой Аргентине вспыхнуло восстание против Ризаса, закончившееся кровавым террором: тиран приказал «не брать пленных живыми». Всего погибло тогда четырнадцать тысяч человек.

Гарибальди принял участие в борьбе против Розаса и Орибе из глубоко принципиальных соображений.

Вот что говорит он сам, объясняя мотивы своего участия в борьбе с тиранами уругвайского народа: «Когда я слышу о так называемой «воинской чести», мне хочется презрительно смеяться! Особенно, когда речь идет о «чести» бурбонских, испанских, австрийских и французских вояк, нападавших, как бандиты на большой дороге, на бедняков. Одни считают честью резать сограждан, другие — политических единомышленников. А в это самое время, исподтишка посмеиваясь над теми и этими, тиран, проститутка и коронованный бездельник живут в свое удовольствие, проводя время в кабаках Неаполя, Вены, Мадрида и Парижа. Да, мы тоже сражались во имя чести! Но наши поступки по крайней мере диктовались указаниями совести: мы боролись за народ против двух тиранов, боролись, окруженные со всех

сторон врагами…»

***

Предложение уругвайского президента Рибера принять командование над тремя судами — «Costitucion», «Pereira» и «Procida» — застало Гарибальди в Монтевидео, где он занимался педагогической деятельностью. После некоторого раздумья он принял предложение Рибера и отплыл в район Корриентес, где, по слухам, вспыхнуло восстание против Розаса.

Гарибальди предстояло совершить трудное и опасное плавание на протяжении шестисот миль: пробить себе дорогу под огнем аргентинской эскадры и батарей острова Мартин Гарсиа, расположенного у слияния рек Уругвая и Параны, образующих Ла-Плату; оттуда подняться по Паране, берега которой находились в руках врагов, а под конец очутиться в отдаленной провинции без всякой надежды на помощь в случае опасности.

В этом тяжелом походе Гарибальди проявил величайшее мужество и искусство полководца. Почти добравшись до цели, он вынужден был принять 15 августа 1842 года у Нуэва Кава бой с более сильным противником и сражался трое суток. С разбитыми, залитыми водой кораблями, получившими во многих местах пробоины, с сильно поредевшим, обессилевшим экипажем судов, он продолжал упрямо отбиваться — до последнего снаряда, до последнего патрона. Когда снаряды были израсходованы, он велел зарядить пушки цепями якорей и дать последний залп, затем поджег свои суда, не желая оставить противнику ничего. Этот подвиг привел в восхищение даже врагов Гарибальди.

Высадившись на берег, остатки гарибальдийцев, неустанно преследуемые провинциальной аргентинской милицией, сумели, наконец, сквозь пески и болота благополучно добраться до Эскины, небольшого городка в провинции Корриентес, охваченной восстанием против диктатора Розаса. Там они нашли поддержку и помощь.

Через несколько месяцев Гарибальди узнал, что 6 ноября 1842 года в бою с Орибе при Аррохо Гранди Рибера потерпел страшное поражение. Войско его было уничтожено, и Уругвайская республика оказалась почти беззащитной. Но оставалась еще столица — Монтевидео, где вооружилось все население. В городе царили подъем и энтузиазм. Поспешно возводился двойной ряд укреплений; все рабы получили свободу и оружие.

10 апреля 1843 года специальный декрет военного министра уполномочивал полковника Гарибальди, Наполеона Кастеллани и

Оригоне создать итальянский легион. К концу мая легион уже имел четыреста человек. 2 июня он получил предписание выступить в поход против войск Розаса. Но первые же стычки с неприятелем обнаружили серьезные недостатки в организации легиона. Вскоре одиннадцать его офицеров перебежали на сторону неприятеля. Гарибальди энергично занялся переформированием легиона.

У Гарибальди в то время было уже три сына. Его жена Анита жила в Монтевидео, отказывала себе во многом. Хлеб и масло, немного вина — вот почти все, чем питалась семья. Доктор Одичини рассказывал биографу Гарибальди Джесси Марио, что, когда родилась Терезита, в доме не было огня и, кроме гнилой фасоли, не из чего было приготовить бульон для роженицы. Доктору пришлось пойти домой и принести все необходимое для больной Аниты.

Для Аниты было невыносимым страданием расставаться с Гарибальди, уезжавшим из Монтевидео в далекие и опасные экспедиции, и не иметь возможности сопровождать его, биться рядом с ним, защищать его! В своей скупо освещенной комнате, укачивая в колыбельке ребенка, Анита печально прислушивалась к доносившемуся издали грому пушек.

Итальянский легион между тем героически сражался с войсками Розаса. Особенной славой покрыли себя гарибальдийцы в бою при Сальто Сант Антонио.

Вот как описывает это сражение генерал Сакки, его свидетель и участник: «В 8 часов утра Гарибальди выступил с итальянским отрядом в 190 пехотинцев и 200 кавалеристов. К полудню отряд достиг берегов Уругвая и вдоль них направился к высотам Тапеви. Неприятельские части двигались где-то поблизости в том же направлении. Пехота наша расположилась под соломенными навесами, защищенными от жгучих лучей солнца, а кавалеристы направились к Тапеви на разведку.

В течение получаса неприятель ничем не обнаруживал своего присутствия. (Позже мы узнали, что в роще Тапеви прятался сильный отряд, поджидавший, пока мы выйдем в открытое место, чтобы неожиданно напасть на нас.) Но вот впереди начался бой: наша кавалерия, атакованная большими неприятельскими силами, вынуждена была отступить. Тогда Гарибальди обратился к легионерам со словами: «Неприятельский отряд силен, но для нас это количество невелико, не правда ли? Итальянцы, этот день вас прославит! Предупреждаю: стреляйте только тогда, когда неприятель подойдет вплотную!» На нас надвигалась кавалерия, и мы надеялись, что справимся с ней: но каково же было наше смущение, когда мы увидели, что позади каждого кавалериста на

крупе его лошади сидит еще один пехотинец. Таким образом, на нас двигалось свыше тысячи человек! Спрыгнув с коней, пехотинцы пошли в атаку, а тем временем кавалерия стала заезжать с флангов и тыла. Когда атакующие находились в тридцати шагах, мы встретили их таким ураганным огнем, что они вынуждены были остановиться. Командир их упал с лошади. Среди вражеской пехоты начался переполох. Ободряемые примером Гарибальди, мы бились врукопашную и совершенно уничтожили неприятельский отряд! Этим воспользовалась и наша кавалерия, атаковавшая в три раза более сильного неприятеля… Казалось, что в каждого из итальянских воинов вселилась душа Гарибальди, — там, где появлялся Гарибальди, наши силы возрастали во сто крат, — а он был повсюду! Возле каждой группы солдат слышался его успокаивающий голос. Он умел воодушевить и заставить драться даже людей, которые, казалось, уже обессилели: я видел юношей с восемью и даже десятью ранами, продолжавших сражаться…

Но, несмотря на победу, положение наше было критическим. У нас разрывалось сердце при виде умирающих страдальцев, просивших дать им напиться, а у нас не было ни капли воды! Мы сами изнемогали от жажды, и за глоток воды многие отдали бы жизнь; некоторые собирали в башмаки мочу и утоляли ею жажду! Оставшиеся в живых почти все были ранены. Наша энергия истощалась, и на смену ей пришла апатия… Некоторые бросались на землю, и им казалось, что они уже не встанут… Плохо бы нам пришлось, если бы в эту минуту противник напал! Тут только проявилось во всем своем блеске величие души Гарибальди: он умел всех воодушевить и поднять бодрость каждого… Он объяснил, что нам безусловно удастся отступить, как только стемнеет… Укрывшись от назойливых пуль за грудой человеческих и конских трупов, мы дожидались ночи. Это время мы использовали на то, чтобы ухаживать за ранеными, и изорвали свои рубашки, превратив их в бинты.

Вдруг среди общей тишины прозвучал громкий голос Гарибальди, певшего национальный уругвайский гимн; к нему присоединились голоса всех, не исключая раненых:

Свобода! Свобода! Призыв этот смелый
Отечество спас, уругвайцы!
Дрожите, тираны, пред гневом народа!
Сумеем святыню свою защищать:
Мы вступим в сраженье во имя Свободы
И с криком «Свобода» пойдем умирать!
(Слова поэта Фигероа)

Эта дружная огненная песня так неожиданно грянула среди безмолвия ночи, прерываемого лишь слабыми стонами раненых, что неприятеля охватил ужас. Паника в его рядах была настолько велика, что, несмотря на все уговоры и угрозы офицеров, им не удалось организовать новой атаки… Тогда они послали к нам парламентера, предлагая условия сдачи, но мы и слышать не хотели о том, чтобы сдаться».

Чтобы вывести своих людей к Уругваю, протекавшему на расстоянии мили от места боя, Гарибальди придумал ловкий маневр. Тихо, в полном порядке, итальянский легион двинулся к роще, где находились неприятельские части. Ошеломленные этой неожиданностью, вконец растерявшись, они пропустили итальянцев.

«Замечательнее всего, — продолжает Сакки, — что ни один итальянец не вышел из рядов, не бросился к реке утолить жажду. Все наши бойцы рассыпались цепью и в абсолютном молчании ожидали приближения неприятельских эскадронов. Вскоре прозвучали трубы, возвещавшие появление белых, и, дождавшись, пока они приблизились на расстояние двадцати шагов, мы «приветствовали» их убийственным залпом, обратившим их в бегство.

И только тогда Гарибальди крикнул нам, что можно напиться! Утолив жажду, мы отступили к Сальто».

Геройский подвиг легиона гарибальдийцев был отмечен особым декретом республиканского правительства Уругвая.

«Желая выразить благодарность отечества храбрым воинам, столь героически сражавшимся на поле битвы Сант Антонио 8 февраля с. г., правительство. с согласия Государственного Совета, постановляет:

§ 1. Сеньор генерал Гарибальди и все сопровождавшие его в этот славный день удостоены звания заслуженных граждан Республики.

§ 2. Вышить золотом на знамени Итальянского легиона следующие слова: «Славное дело 8 февраля, совершенное Итальянским легионом по приказанию Гарибальди».

§ 3. Всем, участвовавшим в этом деле, поставить на левой руке значок с надписью, окруженной лавровым венком: «Непобедимые сражались 8 февраля 1846 года».

Весть о подвигах Гарибальди в борьбе за свободу Уругвая достигла, наконец, Италии. Газеты печатали подробные сообщения, поэты сочиняли оды и гимны, была открыта подписка на «почетную шпагу для полковника Гарибальди».

Оказав такие услуги стране, в которой он жил и за которую сражался, Гарибальди оставался бедняком. Современники поражались необычайному бескорыстию Гарибальди: он всегда отказывался от денежных наград, подарков и земель, которыми уругвайское правительство хотело наградить его и легионеров. Уругвайский посланник в Париже Пачеко-и-Обес рассказывал: «В доме Гарибальди, главы Итальянского легиона, человека, отдавшего жизнь за Монтевидео, по ночам не было света, так как свечи не входили в солдатский паек (а это было все, на что жил Гарибальди с семьей). Я, занимавший тогда пост военного министра, послал Гарибальди со своим адъютантом Торресом 100 патаккони. Но тот, удержав для себя только половину, другую половину передал одной вдове, которая, по его мнению, нуждалась больше, чем он. Итак, 50 патаккони — это все, что Гарибальди получил от Уругвайской республики. Семья его жила в бедности, сам он одевался так же, как все прочие солдаты. Часто его друзьям приходилось прибегать к хитрости, чтобы заставить его купить себе новое платье вместо изношенного».

Желая вознаградить итальянских легионеров, президент Фруттуозо Рибера в 1845 году написал письмо Гарибальди, предлагая ему и товарищам в дар участки земли. Гарибальди ответил следующим письмом:

«Многоуважаемый сеньор!

Полковник Пароди, в присутствии всех офицеров Итальянского легиона, передал мне ваше любезное письмо от 30 января и акт, которым вы дарите Итальянскому легиону часть принадлежащих вам земель — между Арройо де Авенас и Арройо Гранди, к северу от Риу Негру; кроме того, все стада и фактории, которые находятся на этой территории. Вы говорите, что это дар за услуги, оказанные нами Республике. Итальянские офицеры, выслушав текст письма и акта, единодушно заявили от имени Легиона, что, получив оружие и предложив свои услуги Республике, они вовсе не предполагали получить иной награды, кроме чести делить все опасности с жителями страны, оказавшей им гостеприимство. Поступая так, они повиновались голосу своей совести и считали свои поступки просто исполнением долга… Они не желают иной награды, кроме этой. Имею честь, ваше превосходительство, сообщить вам ответ Легиона, вполне соответствующий и моим убеждениям и чувствам. Прилагаю оригинал дарственного акта.

Джузеппе Гарибальди»

Несмотря на блестящие победы Итальянского легиона в Уругвае, на горячую признательность и любовь к нему уругвайского народа, Гарибальди стал заметно охладевать к

уругвайскому освободительному движению, когда из письма Мадзини узнал, что в Италии поднимается новая могучая волна народного движения.

С этого момента все помыслы Гарибальди принадлежали родной Италии, ее борьбе за свободу.

ВЕСТИ О РЕВОЛЮЦИИ. ДОМОЙ, В ИТАЛИЮ!

До далекого Уругвая доходили лишь отрывочные сведения о начавшемся в Италии новом революционном подъеме. Одним из первых событий, ставших известными Гарибальди, были «реформы», проведенные летом 1846 года папой Пием IX под давлением революционного брожения в массах. 16 июля папа объявил амнистию политическим заключенным, и в тот же день заключенные замка св. Ангела были выпущены на волю. Пий IX разрешил также организовать национальную гвардию и провозгласил свободу печати, разумеется в очень узких рамках.

Этот либеральный жест папы, вызванный главным образом боязнью революции и стремлением обмануть массы, произвел сильное впечатление на католические слои итальянской буржуазии, усмотревшей в этом «начало новой освободительной эры». Энгельс иронически пишет об этом поступке Пия IX, «первого буржуа Италии»: «*Италия* показала нам необычайное зрелище того, как человек, занимающий самый реакционный пост во всей Европе, представляющий собою окаменевшую идеологию средневековья, — как римский папа стал во главе либерального движения»[15].

«Трудно, — пишет Кунео, — описать впечатление, которое производили на Гарибальди эти известия из Италии. На лице его появилось новое выражение. Он был очень возбужден, часто задумывался, а на устах его появлялась легкая улыбка, словно у человека, которого ждет большая радость… Уругвайское правительство никак не могло примириться с потерей такого человека. Оно пыталось удержать его, бесконечно откладывая день его отъезда в Европу. Все эти проволочки и препятствия причиняли Гарибальди глубокое огорчение: он говорил, что «каждый лишний день, проведенный в чужом краю, украден у родины».

«Подобно прочим, — говорит Гарибальди в «Мемуарах», — и я поверил, что Италия вступает в новую эру свободы. Я тотчас решил поддержать папу в его великодушных намерениях, предложив ему помощь мою и моих товарищей по оружию». 12 октября 1847 года Анцани и Гарибальди написали письма папе, выражая восхищение его реформами. Они рассказывали об успехах Итальянского легиона в Америке и предлагали «реформатору» свои услуги. Увы! Их наивный энтузиазм не встретил в Ватикане никакого отклика. Тем не менее Гарибальди

и часть легионеров твердо решили уехать в Италию. (Уже после их отъезда, в Монтевидео был получен ответ от папского нунция Бедини — человека, впоследствии терроризовавшего всю Романью и превзошедшего жестокостью даже австрийских оккупантов. В письме выражалось удовлетворение «патриотизмом и набожностью» Гарибальди, но Бедини лицемерно «сожалел», что «дальность расстояния, равного половине земного шара, мешает воспользоваться его великодушным предложением».)

Расстояние в целое полушарие не могло остановить такого человека, как Гарибальди, когда речь шла об освобождении родного итальянского народа. Полный новых сил и радостного возбуждения, он стал готовиться к поездке на родину. «Я намерен был, — писал он, — оказать поддержку революции всюду, где она вспыхнула, и разжигать ее там, где она еще не дала себя знать, например в Абруццах.

А пока… ни у кого из нас не было ни гроша на поездку…»

Что же происходило в это время в Италии?

Вплоть до 1848 года в итальянских государствах непрерывно росло возмущение против иноземного гнета и всего феодально-деспотического строя. Большую роль сыграла и революционная пропаганда «Молодой Италии», которая непрерывно продолжалась, несмотря на провал мадзинистских заговоров. Писатели и ораторы помещали свои пламенные сочинения в подпольных листках и журналах, передававшихся из рук в руки, из одного конца Италии в другой. Сочинения эти распространялись в огромном количестве. Время от времени вспыхивали заговоры, кончавшиеся для их участников трагически. Так, болонский заговор мадзинистов 1843 года закончился преданием его участников военному суду. После подавления восстания на морском берегу у Роданины в мае 1844 года было казнено двадцать человек. 23 сентября 1844 года вспыхнуло восстание в Римини, также окончившееся неудачей.

Особенно памятны были события 1844 года в Калабрии: восстание, стоившее жизни многим участникам и вождям повстанцев — Доменико Моро и двум братьям Бандиера. Неаполитанский король Фердинанд, искавший предлога для расправы с калабрийскими и сицилийскими революционерами, подослал к сыновьям адмирала Бандиера, Аттилио и Эмилио, шпиона корсиканца Боккечиампе. Этот негодяи, выдававший себя за революционера, вкрался в доверие братьев Бандиера и уверил их, что в «Италии все готово», что национальное восстание нуждается в таких вождях, как они, что их появления там ждут с огромным нетерпением. Напрасно Мадзини (находившийся в это время в лондонской эмиграции) пытался в письмах отговорить

энтузиастов Бандиера от их намерения, советуя быть осторожными. Как выяснилось впоследствии, переписка Мадзини с братьями Бандиера вскрывалась английским правительством и пересылалась неаполитанскому королю.

12 июня 1844 года восемнадцать человек во главе с Аттилио и Эмилио Бандиера высадились на берегу Калабрии, чтобы освободить из козенцской тюрьмы политических заключенных, а затем соединиться с партизанами гор. В числе этих восемнадцати был и шпион Боккечиампе. По прибытии в Сан Северино он поспешил донести обо всем властям. В Спинелло революционеров встретил полицейский отряд в семьдесят человек. Первая стычка окончилась не в пользу полиции: начальник отряда и один солдат были убиты, остальные обратились в бегство. Но из Неаполя и Козенцы уже двигались новые правительственные отряды. Вскоре семнадцати храбрецам пришлось иметь дело с тысячным войском. Сопротивление было бесцельным. Военный суд приговорил братьев Бандиера и их товарищей к расстрелу. Казнь состоялась 25 июля. Неустрашимые революционеры до последней минуты пели:

«Кто умирает за отечество, тот жил уже достаточно!»

Но репрессии и казни не могли остановить национально-освободительного движения, которое нарастало по мере того, как капитализм пробивал себе дорогу сквозь рогатки феодально-деспотического строя.

В сороковых годах XIX века машинное производство, до того сосредоточенное только в Ломбардо-Венецианской области, начинает распространяться и по другим государствам полуострова. Развивается машинная текстильная индустрия. Постепенно механизируется добывание серы на сицилийских рудниках, обработка оливкового масла в Центральной Италии. К тому же времени относится и постройка первых железных дорог (линии Неаполь — Портичи, Милан — Венеция и Ливорно — Пиза). Этим создавалась основа для широкого торгового оборота на пространстве всего полуострова.

Однако в своей промышленной деятельности буржуазия продолжает встречать сопротивление отдельных монархов. Феодально-абсолютистский строй ощущался теперь особенно остро как препятствие для развития капитализма, для создания внутреннего итальянского рынка. Добиться этого можно было только одним путем — объединением Италии в единое государство. Вот почему итальянская буржуазия проявляет в конце сороковых годов особенную активность в борьбе с пережитками феодализма и остается основной движущей силой национально-освободительного движения.

Широкие массы народа страдали от феодального гнета еще больше, чем буржуазия. Бедственное положение итальянских ремесленников, рабочих и крестьян принимало грозные размеры. Так, например, доход многих крестьянских семей в Апулии не превышал 0,75 лиры в день. Чтобы представить себе, что это значит, достаточно сказать, что килограмм хлеба стоил 1 лиру 20 чентезими, то есть на заработанные деньги крестьянская семья могла купить всего 625 граммов хлеба! В городах рабочий день был равен 12–15 часам. В Ломбардии рабочие хлопчатобумажной промышленности зарабатывали от 0,87 до 1,35 лиры в день, ткачи — от 0,82 до 1,45 лиры. Особенно тяжело было положение крестьянских масс в Сицилии. Там «условия аренды по большей части настолько тяжелы, что огромное большинство земледельцев работает исключительно на сборщика податей и на барона, почти ничего не производя сверх того, что необходимо для уплаты налогов и рент. Сами они живут или в полной нищете, или, по меньшей мере, в сравнительной бедности. Хотя они культивируют знаменитую сицилийскую пшеницу и выводят прекрасные фрукты, сами они круглый год питаются исключительно бобами»[16]. Недовольство существующим строем нарастало повсюду: «В настоящее время политический, административный и фискальный гнет тяготеет над всеми классами народа»[17], — писал Маркс.

Неслыханные бедствия и нужда итальянского народа усугублялись жестокой тиранией иноземных угнетателей — австрийцев. Покончить с этим гнетом, объединить разрозненные и порабощенные мелкими деспотами части Италии стало первой и главной задачей не только либеральной буржуазии, но и мелкобуржуазных революционеров — мадзинистов. Назревала широкая национально-освободительная революция.

Но, по примеру прошлых лет, либеральная буржуазия начала е того, что снова возложила свои надежды на «бывшего карбонария» Карла Альберта, сардинского короля. Она готова была теперь простить ему его неоднократное предательство, лишь бы он согласился возглавить борьбу с Австрией. Поэт-эмигрант Берше, тот самый Берше, который недавно бросил Карлу Альберту в стихах гневное проклятие «Esecrato, Carignano!» (Будь проклято, о кариньянец, имя твое!), теперь распинался в восхвалениях этого короля. Повсюду распространялась только что отчеканенная медаль с надписью: «Лев савойского герба разрывает на куски австрийского орла». Ярые альбертисты раздавали населению листки с текстом королевского письма графу Кастаньето: «Если провидение повелит мне возглавить войну за итальянскую независимость, я стану во главе войск и

поступлю так, как Шамиль в России».

Король Карл Альберт одним из первых начал под давлением крупной буржуазии проводить в Пьемонте некоторые реформы. Итальянские либералы мечтали, что «король-освободитель» Карл Альберт возглавит национально-освободительное движение и освободит страну от иностранного гнета. Но Карл Альберт меньше всего желал народного восстания. Он настолько боялся «республиканской заразы» из Франции, где революция уже вступала в свои права, что послал даже особый отряд в Савойю для образования вдоль французской границы «санитарного кордона».

Умеренные элементы итальянской буржуазии и либерального дворянства объединились в партии «Возрождение», куда перешло немало буржуазных патриотов и из рядов «Молодой Италии».

Но представители революционной мелкой буржуазии были захвачены в этот период идеей использования «либеральных» государей для возглавления национальной революции. Так, римский ремесленник Чичеруаккио, популярнейший из народных вождей, прямо призывал папу стать во главе освобождения Италии.

Энгельс дал блестящий анализ движущих сил национально-освободительного движения в Италии накануне революции 1848 года: «Сейчас в Италии… оно [движение. — *А. Л.*] имеет две цели: внешнюю независимость и внутренние реформы. Пока не требуют конституции, а добиваются лишь административных реформ; пока что избегают серьезных конфликтов с правительством для того, чтобы сохранить наибольшее единство перед лицом иноземного засилия. Но каково свойство требуемых реформ и кому они должны пойти на пользу? Прежде всего буржуазии…

Движение в Италии является, таким образом, совершенно определенным буржуазным движением. Все сочувствующие реформам классы, начиная от князей и дворянства и кончая пифферари и лаццарони, выступают сейчас как буржуа… Но все эти классы испытают жесточайшее разочарование, как только удастся свергнуть австрийское иго. Как только буржуазия справится с внешним врагом, она произведет у себя дома отделение овец от козлищ. И тогда князьям и графам снова придется обращаться с воплями о помощи к Австрии, но уже будет поздно; рабочие же Милана, Флоренции и Неаполя увидят, что *их* работа еще только начинается»[18].

Эти предсказания Энгельса блестяще оправдались в ходе итальянской революции 1848–1849 годов. Они дают также ключ к пониманию поведения и ошибок мелкобуржуазной демократии и ряда промахов, допущенных в этот период вернувшимся в Италию

Гарибальди.

Первые признаки близкой революционной бури обнаружились в оккупированных областях, где озлобление против австрийских угнетателей достигло предела. Поведение австрийцев было беспримерно наглым. В сентябре 1847 года на празднествах в Милане по случаю приезда нового архиепископа австрийские войска без всякого повода стреляли в толпу. Итальянские патриоты, возмущенные этой жестокостью, решили в отместку объявить бойкот австрийскому табаку. Этим они надеялись чувствительно задеть материальные интересы правительства, получившего в прошлом году большой доход от налога на табак — 7 миллионов лир. 1 января 1848 года миланцы впервые стали осуществлять решение тайного комитета — не курить на улицах и в публичных местах. Полиция ответила на это провокацией: уже на следующий день какие-то субъекты «с наглой физиономией висельников и уголовных преступников» с сигарами в зубах разгуливали по улицам Милана под охраной вооруженных агентов. Курили также австрийские офицеры. Этот невинный, по-видимому, конфликт вскоре принял более серьезные формы. 3 января миланские улицы заполнились гуляющими солдатами, которые задевали прохожих и пускали им в лицо сигарный дым. Раздражение итальянцев росло, но они все еще старались сдерживаться. Вскоре появились патрули, угрожающе забряцало оружие, заблестели штыки и сабли. Для большей храбрости австрийцы основательно перепились. Еще немного, и они стали истреблять мирное население. В результате этой гнусной расправы на улицах Милана оказалось двадцать убитых и шестьдесят раненых. Среди убитых были старики, женщины и дети…

Начальник миланского гарнизона австрийский фельдмаршал Радецкий похвалялся в приказе войскам, что еще крепко держит шпагу, которой владеет шестьдесят пять лет, и не преминет пустить ее в ход для установления порядка и пресечения «авантюр безумцев».

Одновременно был опубликован рескрипт австрийского императора об учреждении чрезвычайного военного трибунала.

Карательные мероприятия Австрии обрушились и на Венецию. Видных венецианских патриотов адвоката Манина и поэта Томмазео заключили в тюрьму. Впрочем, недолго пришлось им сидеть за решеткой: скоро по Европе прокатилась новая могучая волна революции, открывшая двери и австрийских казематов…

Но еще до того, как Париж и Вена открыли эпоху революционных взрывов 1848 года, началось народное восстание

в Сицилии.

В первых числах января 1848 года на стенах Палермо был расклеен следующий ультиматум: «Если правительство до 12 января не даст Сицилии тех учреждений, на которые она имеет все права, то народ добьется их силой оружия!»

В назначенный срок толпа палермских женщин, одетых в глубокий траур, отправилась к дворцу сицилийского короля узнать, согласен ли он дать конституцию. Король ответил отказом. Тогда улицы Палермо огласились звуками набата, палермский народ дружно выступил против бурбонских солдат. С 13 по 15 января в Палермо гремела артиллерия и раздавалась непрерывная стрельба. Народ вооружился, чем мог, и одержал полную победу. Бурбонские войска были изгнаны с острова и укрылись в Мессинской крепости. Буржуа, мелкие дворяне, ремесленники, рыбаки, крестьяне — все объединились в борьбе против гнета Бурбонов. В эти дни Сицилия оглашалась восторженными криками: «Да здравствует Италия! Да здравствует конституция! Да здравствует независимость Сицилии!»

Народное восстание заставило короля неаполитанского Фердинанда II согласиться на конституцию и на изгнание иезуитов, которым пришлось уехать на остров Мальту. Немедленно после этого Рим, Турин и Флоренция стали требовать таких же реформ.

Победа народа над королевскими войсками в Сицилии, неаполитанская конституция вызвали необычайный подъем в ломбардо-венецианских владениях Австрии. В Милане, в знаменитом театре Ла-Скала, происходили многолюдные митинги. На богослужении «в честь павших за свободу в Палермо» в соборе и на площади присутствовало тридцать тысяч человек. В феврале начались массовые народные собрания в Венеции.

24 февраля грянула революция в Париже. 13 марта революция совершилась в Вене, этом центре европейской реакции. Имперские войска были изгнаны из столицы восставшим народом. Сам император Фердинанд, о силе оружия которого с таким пафосом говорил в Милане Радецкий, вынужден был сменить министерство и обещать конституцию. Недавно еще всесильный Меттерних бежал из Вены. Революция в Вене вызвала немедленный взрыв в Ломбардии. 17 марта из Милана бежал австрийский вице-король Райнер. Под конвоем гусар он наспех увез все свои пожитки, а вечером восставший народ уже разгонял полицейские пикеты.

На заре 18 марта известный миланский философ и ученый Карло Каттанео сидел над корректурой теоретической работы «Об

оружии и свободе для всех наций». К нему ворвалась возбужденная толпа миланской молодежи и заявила:

— Учитель, час пробил! Ведите нас, и мы выгоним из Милана австрийцев!

— Но у вас ведь нет оружия! — колеблясь, возразил Каттанео.

— Это неважно! — ответили они. — Ваши советы помогут нам победить, но знайте, что ваш отказ помочь тоже нас не остановит!

Каттанео встал из-за письменного стола, задумался и, решительным жестом швырнув корректуру в корзину, последовал за своими учениками, шумной гурьбой устремившимися на улицу. Совместно с Терцаги, Клеричи и Чернуски он образовал военный совет. В спешном порядке были написаны и размножены воззвания и инструкции о постройке баррикад. В полдень толпа миланских граждан захватила губернаторский дворец.

Собравшиеся на площади тысячи миланцев требовали политических свобод, амнистии, создания городской гвардии и народного представительства, прекращения надругательства со стороны австрийских войск.

Ни о каких уступках старому строю и австрийскому гнету народ теперь не желал и слышать. Полицейский архив был уничтожен. Граждане самых различных профессий сооружали на улицах Милана баррикады, начались уличные бои. Напор масс был так силен, что Радецкому с трудом удалось бежать. Он укрылся в замке, оставив в городе свой гардероб и… ту самую шпагу, которой еще недавно грозил миланцам.

Но армия Радецкого окружала город. Численность ее достигала четырнадцати тысяч человек, у нее имелась сильная артиллерия. В распоряжении же восставших имелось всего сотни три-четыре ружей, а пороху и пуль почти не было.

19 марта на рассвете раздались набат и крики: «К оружию!» Загремели пушки, сражение возобновилось. Миланские граждане проявили огромный энтузиазм, решимость и находчивость. Они собирали в музеях старинное оружие, ломали на куски металлические решетки и оттачивали острия железных прутьев. Женщины кипятили масло и растопляли свинец. Мебель, черепица, булыжник — все пошло в ход в качестве метательных снарядов. Аптекари готовили порох. Число баррикад возрастало с каждым днем. 20 и 21 марта защитники баррикад не отступили ни на шаг. Бои продолжались с большим упорством. Австрийцев атаковали с такой энергией, что они вынуждены были оставить свои последние позиции внутри города, и Радецкий предложил подесте (городскому голове) двухнедельное перемирие.

— Ни за что! — резко заявил Каттанео. — Если бы мы даже и

согласились на этот позорный компромисс, вам не удастся уговорить народ покинуть баррикады…

21 марта Радецкий вторично предложил перемирие, и Каттанео вторично категорически отказался. Представитель либерального дворянства граф Дурини попытался убедить Каттанео, что перемирие крайне необходимо, так как за это время Милан успеет запастись продовольствием.

— У нас хватит пропитания всего на двадцать четыре часа! — заявил он.

— Отлично, — сказал Каттанео. — Двадцать четыре часа мы будем сыты и двадцать четыре часа будем поститься. А после этого мы тоже не сдадимся: лучше умереть от голода, чем на виселице.

22 марта, в последний из «пяти героических дней», несколько часов подряд шел ожесточенный бой у ворот Тоза. Группа смельчаков во главе с Лучианом Манара произвела удачную вылазку, установила связь со спешившими на помощь Милану провинциальными отрядами и обратила в бегство две тысячи австрийцев. Пораженный Радецкий писал Фикельмону: «В Милане теперь не сотни, а тысячи баррикад! В осуществлении своих планов неприятель обнаружил столько знания, осторожности и вместе с тем отваги, что я уверен, что во главе горожан стоят иностранные военные специалисты».

Эти «иностранные специалисты» были на самом деле те же Каттанео, Терцаги, Клеричи, Чернуски. Ни один из них не был на военной службе и не знал военного дела! При помощи аэростатов они распространяли в окрестностях воззвания о помощи, и в ответ на их призыв отовсюду являлись добровольцы, вооруженные вилами, заступами и кирками.

После захвата миланцами Комских ворот положение австрийцев пошатнулось. Видя, что повсюду в окрестностях пылает восстание, Радецкий решил отступить, но предварительно разрушил город ужасающей бомбардировкой из шестидесяти орудий. Так закончились вошедшие в историю знаменитые «миланские пять дней» — изумительный образец победы восставшего народа над целой армией.

Энгельс с величайшим вниманием следил за героической борьбой миланских народных масс и называл события «пяти дней Милана» «самой славной революцией из всех революций 1848 года»[19].

Примеру Милана последовала Венеция. Уже 17 марта, после получения известий о революции в Вене, толпы народа направились к тюрьме и силой освободили заключенных в ней Манина и Томазео. Вместе с ними были освобождены и другие

видные республиканцы. 22 марта предводительствуемые Манином массы захватили арсенал, убив австрийского коменданта Мариновича. Вооруженные рабочие арсенала под предводительством Манина вышли на площадь, провозглашая Венецианскую республику. В это время австрийские войска, узнав об отступлении Радецкого от Милана, покинули Венецию. 23 марта Венеция сделалась республикой во главе с Манином, избранным президентом. Отступая, австрийцы творили невероятные жестокости. Вот что пишет очевидец: «Было найдено восемь детей, из которых одни были убиты ударом о стену, другие брошены на землю и раздавлены ногами. Двоих нашли пригвожденными к ящику; двое были облиты скипидаром и сожжены; один ребенок, проткнутый штыком, был пригвожден к дереву и корчился в агонии на глазах своей матери… Несколько человек было сожжено в извести, заживо погребено в водосточных трубах и колодцах. Других сжигали, предварительно обмазав смолою…»

Крестьяне, раньше избегавшие принимать участие в событиях, теперь в некоторых местах становились на сторону восстания. Жители города Комо 18 марта провозгласили республику, овладели хлебом, предназначенным для австрийских войск, захватили пороховой склад в Сено, а 20 марта атаковали австрийцев в их казармах. Город Лекко последовал примеру Комо, и его отряды присоединились к отрядам повстанцев.

Известие о миланской победе воспламенило всю Италию. Повсюду звучал клич: «К Милану, к Милану! На помощь нашим братьям!»

Пламя итальянского национально-освободительного движения разгоралось. Две тысячи человек болонской гражданской гвардии, тысяча триста волонтеров Ливорно, студенты и гражданские гвардейцы Пизы, Генуи и Флоренции и десять тысяч римлян выступили на север, предварительно уничтожив герб на здании австрийского посольства. Семь тысяч тосканцев подошли к По, а неаполитанцы прислали «депутатов со штыками», сообщивших, что ими завоевана конституция, что в скором времени на север будет послан сильный отряд.

Колебавшийся до самой последней минуты Карл Альберт сообразил, наконец, что к нему повернулось «колесо фортуны»: роль «освободителя Италии» можно использовать с выгодой. Он принял делегацию миланцев и из королевской лоджии показался народу. Подогреваемая «альбертистами» толпа приветствовала его как «освободителя Италии». 24 марта 1848 года на стенах Турина было расклеено воззвание Карла Альберта к «народам Ломбардии и Венеции». В торжественной форме он обещал им

«помощь, которую брат вправе ожидать от брата, друг от своего друга». Карл Альберт извещал, что его войска движутся из Пьемонта в Ломбардию и Венецию с «гербом Савойи на трехцветном знамени Италии».

Через три дня после изгнания австрийцев из Милана Карл Альберт перешел с войском Тичино. Спустя шестнадцать дней произошло первое сражение между пьемонтцами и австрийцами.

Всего этого Гарибальди, находившийся в Монтевидео, еще не знал, но известия о январских событиях 1848 года уже дошли до него. Он метался, как лев, запертый в клетке, и с беспокойством повторял: «Боюсь, что мы прибудем в Италию последними, когда все уже будет кончено!»

Он прилагал все усилия, чтобы достать денег на организацию экспедиции на родину.

Отправив еще в декабре 1847 года Аниту с детьми в Италию, он продолжал энергично готовиться к отъезду. Среди итальянцев, живущих в Южной Америке, был открыт сбор денег на экспедицию в Италию под командой Гарибальди. Один из эмигрантов, Стефано Антонини, подписался на тридцать тысяч лир. Была зафрахтована и снабжена всем необходимым бригантина «Бифронте», получившая название «Сперанца» («Надежда»). Уругвайскому правительству пришлось примириться с потерей таких ценных людей, как Гарибальди и его легионеры. Правительство оказало экспедиции необходимую помощь: бригантину снабдили пушками, оружием и боеприпасами. Первым выехал в Европу, по поручению Гарибальди, Джакомо Медичи — молодой энергичный революционер, горячо веривший в успех освободительного движения в Италии. С невольной завистью глядели собравшиеся на пристани товарищи на стройную фигуру улыбавшегося Джакомо, который стоял на палубе отплывающего иностранного корабля. «Счастливец, — думали они, — он первым увидит Италию, первым ступит на ее благодатную почву и услышит итальянскую речь!»

Медичи должен был в Лондоне увидеться с Мадзини; затем, добравшись до Италии, объехать Пьемонт и Тоскану, распространяя революционные идеи и призывая народ к восстанию. Дальнейшей задачей Медичи являлась подготовка тайных складов оружия и боеприпасов. Выполнив все это, он должен был терпеливо дожидаться прибытия бригантины «Сперанца» в одном из пунктов тосканского побережья между Пиомбино и Виареджио.

Гарибальди не имел ни малейшего представления о том, какая встреча ожидает его в Италии.

— Помни, — предупреждал он Медичи в своих

инструкциях, — что название нашего судна «Сперанца». На ней будет развеваться флаг Уругвая! Для того чтобы ты мог легко узнать ее издали, мы поднимем на носу белый флаг, пересеченный во всю длину горизонтальной черной полосой.

Час отъезда экспедиции приближался. Полный радости, что увидит Италию, Гарибальди в то же время с сожалением расставался со своей «второй родиной» — страной, давшей ему приют и убежище. «Мы покидали народ, — пишет он в «Мемуарах», — который успели сильно полюбить, — славный уругвайский народ! Нам ведь столько времени приходилось делить с ним немногие его радости и бесчисленные горести… Мы расставались с нашими братьями по оружию… Да, это было очень печально!»

В назначенный срок — 15 апреля 1848 года — «Сперанца», на борту которой находились Гарибальди и шестьдесят три легионера, снялась с якоря. В числе пассажиров были тяжело больной Анцани и раненный в колено Сакки.

Рейс судна через Атлантический океан оказался на редкость удачным. Погода была отличная, океан спокоен. Время проходило незаметно в гимнастических упражнениях и учебных занятиях (грамотные обучали неграмотных). По вечерам океанский простор оглашался национальным итальянским гимном, сочиненным и положенным на музыку одним из легионеров (Кочелли). Хор из шестидесяти голосов с энтузиазмом распевал новый гарибальдийский гимн.

Гимн гарибальдийцев

Разверзлись могилы, и мертвые встали,
И наши страдальцы пред нами предстали,
Венчанные лавром, как некогда в жизни,
С любовью к отчизне в горячей груди.
Восстань же! Восстань же, о юность народа!
Несет наше знамя под ветром свобода.
Восстань же с оружьем и мощным припевом,
С любовью и гневом в горячей груди!

Долой, уходи из Италии нашей,
Ступай, чужестранец, откуда пришел!

Отчизна цветенья, и песен, и смеха
Оденется в сталь боевого доспеха.

Пусть руки в оковах — мы свергнем тирана,
И слава Леньяно вернется в наш век!
Австрийскую палку на части ломая,
На битву за родину Рим поднимая,
Ярмо наше скинем, австрийцев прогоним,
Колен не преклоним пред ними вовек.

Долой, уходи из Италии нашей,
Ступай, чужестранец, откуда пришел!

Наш дом — вся Италия наша родная.
Ступай, чужестранец, живи на Дунае;
Не трогай ни хлеба, ни нив наших спелых,
Сынов наших смелых не смей отнимать.
Два моря и Альп вековые отроги —
Вот наша граница. Пускай же дороги
Пробьют Апеннины, и встанет за нами,
И встанет под знамя вся родина-мать.

Долой, уходи из Италии нашей,
Ступай, чужестранец, откуда пришел!

Уста наши немы, сплетемся руками,
Не дрогнем и встретимся грудью с врагами,
На горных отрогах ударим оружьем,
Всей жизнью послужим, отчизна, тебе.
Довольно грабители нас угнетали.
Все люди Италии дружно восстали.
Как сто городов итальянских едины,
Мы будем едины в священной борьбе.

Долой, уходи из Италии нашей,
Ступай, чужестранец, откуда пришел!

С трогательной заботливостью ухаживал Гарибальди за своими больными друзьями. Раненого Сакки он каждое утро на руках выносил на палубу, чтобы избавить его от духоты каюты.

«Операнда» благополучно миновала Гибралтарский пролив. Скалы Гибралтара и Сеуты, выделявшиеся своей белизной на голубом фоне моря, остались позади. Средиземное море встретило гарибальдийцев безоблачной погодой и штилем.

«Вдруг, — рассказывает Сакки, — моряки, стоявшие на носу бригантины, заметили на горизонте корабль с новым, никогда не

виданным флагом. Все взоры, все подзорные трубы устремились на маленькую, колышущуюся полоску.

— Странно, — заметил Гарибальди, глядя в трубу, — красный и белый цвета, внизу, кажется, синий… Трудно разобрать, как будто трехцветный французский флаг, и все же не похож. Интересно, какой же он национальности?

По мере приближения неизвестного судна нижняя полоса флага, казавшаяся синей, приобретала другой оттенок: теперь было уже отчетливо видно, что она *зеленая!*

— Красный, белый, зеленый. Это наш, наш, итальянский флаг! — крикнул вне себя от восторга капитан Пегорини.

— Наш флаг! — откликнулись голоса остальных легионеров.

Гарибальди, взволнованный не менее их, приказал держать курс на этот корабль и, приложив к губам рупор, крикнул:

— Что означает этот флаг и что нового в Италии? Голос с мостика итальянского корабля ответил:

— Милан восстал! Австрийцы бегут! Вся Италия охвачена революцией! Да здравствует свобода!

Трудно представить себе эффект, произведенный этими известиями на эмигрантов, возвращавшихся за родину. Моряки и легионеры обнимались с капитаном и друг с другом, целовались, кричали, плакали и смеялись одновременно. Сотни возгласов, восторженные речи, революционные песни…

Гарибальди велел спустить флаг Монтевидео и, наскоро смастерив итальянский из белого полотенца, куска красного сукна и зеленых обшлагов легионерской куртки, поднял его на грот-мачту. Вокруг мачты начались пляски под звуки музыки и песен.

Но первые восторги прошли, и снова возникло сомнение. Известие о революции нуждалось в проверке. Решили причалить к берегам Испании недалеко от Картены — к мысу Сан Пола. Капитан «Сперанцы» побывал на берегу у французского вице-консула: тот подтвердил все, что они узнали от встреченного в море итальянского судна.

«Эти известия, — пишет Гарибальди в «Мемуарах», — могли свести с ума даже более трезвых, чем мы, людей. Палермо, Милан, Венеция и все «сто городов-сестер» совершили чудесную революцию! Пьемонтское войско преследует обратившихся в бегство австрийцев. Вся Италия, как один человек, откликнулась на призыв «К оружию!».

— Поднять паруса! Поднять паруса! — потребовал весь экипаж, и требование это было исполнено: мы тотчас снялись с якоря. Ветер, казалось, сочувствовал нам и, понимая наше нетерпение, быстро гнал бригантину вперед, к берегам

обетованной земли — Италии».

Нетерпение эмигрантов было так велико, что, забыв свой уговор с Медичи, Гарибальди решил плыть не к тосканскому побережью, а в ближайший итальянский порт — Ниццу. Приблизившись к Ницце, он «на всякий случай» снова переменил флаг на уругвайский.

«Сперанца» бросила якорь в Ницце 21 июня 1848 года в одиннадцать часов утра.

КОРОЛЕВСКАЯ ИЗМЕНА

Задолго до приезда Гарибальди в Италию Анита с детьми очутилась на родине ее мужа — в Ницце, среди чужих людей, в незнакомой стране. Она плохо понимала итальянский язык и, несмотря на ласковое отношение к ней свекрови и окружающих, чувствовала себя одинокой. Зная, что приезд Гарибальди зависит от политических событий в Италии, Анита внимательно читала газеты, расспрашивала сведущих людей, стремилась быть в курсе всех подробностей национально-освободительной борьбы. 7 марта 1848 года она писала своим знакомым в Монтевидео:

«…Генуэзский народ необычайным образом меня приветствовал. Более 3 тысяч человек стояли под моими окнами, восклицая: «Да здравствует Гарибальди!», «Да здравствует семья нашего Гарибальди!» Мне подарили красивое знамя итальянских национальных цветов и просили передать его мужу, как только он приедет: Гарибальди первый, говорили генуэзцы, водрузит это знамя на ломбардской почве! Если б вы только знали, как его здесь любят! Вся Италия горит желанием его видеть, особенно Генуя!

Ежедневно толпы народа заполняют набережную и вглядываются в прибывающие из Монтевидео корабли, на каждом корабле они жадно ищут взорами Гарибальди. Итальянские дела очень хороши. В Неаполе, Тоскане и Пьемонте провозглашена конституция. Рим скоро тоже ее получит. Повсюду организована национальная гвардия. Из Генуи и вообще отовсюду изгнаны иезуиты и все их сторонники. Повсюду только и говорят, что Италия должна быть объединена в политический и таможенный союз, что надо освободить ломбардских братьев от иноземного владычества…»

Это письмо уже не застало Гарибальди в Монтевидео. Он находился в пути. С громадным нетерпением ждали итальянцы его приезда.

21 июня народ Ниццы шумно приветствовал на пристани Гарибальди и легионеров, прибывших на своей «Сперанце».

«Ничто не могло быть выше счастья, обрушившегося на меня в Ницце, — пишет Гарибальди. — Поистине счастье это было слишком велико… Тысячи людей устремились со всех сторон приветствовать горсточку храбрецов, которые, презрев расстояние и опасности, переплыли океан, чтобы пожертвовать своей кровью для родины. На берегу собрались земляки. Они аплодировали, улыбаясь и гордясь моими скромными успехами. Незабвенная минута, когда я смог прижать к своей груди Аниту и детей!»

В минуту великого триумфа и радостной встречи с близкими Гарибальди не забыл о своих больных товарищах. С необыкновенной заботливостью и нежностью он перенес на берег Сакки и Анцани. Последний был очень плох; Гарибальди даже боялся, что он умрет тут же у него на руках.

Пребывание в Ницце явилось сплошным праздником. «Героя Монтевидео» буквально носили на руках. 25 июня он выступил на банкете, данном в его честь в отеле «Иорк». Выступление это очень важно для понимания политических взглядов Гарибальди. Заявляя о своей готовности служить в войсках короля Карла Альберта, он со всей силой подчеркивает, что эта готовность — лишь вопрос тактики, но что по убеждениям он был и остается республиканцем.

— Я всегда был республиканцем, — заявил Гарибальди. — Но сейчас я вижу, что ради блага Италии мне приходится отказаться от единственной формы правления, которая соответствует нуждам отечества, и вступить в союз с Карлом Альбертом… Вы все хорошо знаете, что я никогда не был сторонником королей. Но поскольку Карл Альберт берется защищать народное дело, я считаю себя обязанным предложить ему помощь свою и товарищей.

Не прошло и пяти дней, как Гарибальди распрощался с родными и уехал в Геную, — надолго, может быть, навсегда; ведь он ехал воевать с врагами итальянской свободы!

В Генуе Гарибальди навестил умирающего Анцани, которого перевезли туда тотчас по приезде в Италию. Это была их последняя встреча. Вскоре Гарибальди уехал в ставку главнокомандующего в Ровербелло.

Через несколько дней в Геную приехал Джакомо Медичи. Как было условлено в Америке, Медичи усердно вербовал добровольцев в Тоскане и терпеливо ждал на берегу прибытия «корабля с белым флагом, пересеченным черной полосой». Он совершенно не подозревал, что планы Гарибальди изменились. Долго пришлось бы ему «ждать у моря погоды», если бы он случайно не узнал о приезде Гарибальди в Ниццу. Однако при встрече с Гарибальди в Турине Медичи забыл свою обиду и сердечно обнял своего учителя и друга.

— Что слышно в Ровербелло? — спросил Медичи. — Вы ведь поехали туда, чтобы предложить свою шпагу Карлу Альберту?

Гарибальди презрительно усмехнулся:

— Эти люди, — сказал он, — не заслуживают, чтобы мы им подчинялись. Нет, это не люди, дорогой Медичи! Единственное, чему мы должны теперь служить, это отечество и только отечество!

Больше он не желал ничего рассказывать, несмотря на настойчивые просьбы Медичи.

А дело обстояло так. 4 июля в ставке состоялось свидание Гарибальди с королем Карлом Альбертом. Король, как этого и следовало ожидать, обошелся с ним очень холодно и сухо, предложил ему «уехать в Турин и там дожидаться распоряжений военного министра Риччи». Долго пришлось ждать герою… Наконец Риччи соблаговолил пригласить его во дворец. Министр завел длинную беседу, пересыпанную пустыми любезностями, и вскользь заметил:

— А знаете, что бы я вам посоветовал? Поезжайте-ка в Венецию. Там во главе маленькой флотилии из нескольких барок вы сможете быть полезным Венеции в качестве корсара. Думаю, что это самое подходящее для вас место и занятие.

Гарибальди, пожав плечами, спокойно отвечал:

— Вы ошибаетесь, сеньор, я вольная, а не ручная птица.

Второй раз Гарибальди предложил свою жизнь и шпагу итальянским «либеральным» властителям (первый раз — Пию IX) и вторично получил высокомерный отказ. Сам Карл Альберт, смертельно ненавидевший республиканцев, не желал, конечно, связываться с революционером и бывшим изгнанником. Тем более, что этот «бандит 1-й категории» (как значилось в приговоре суда) был когда-то его же собственным, короля, именем приговорен к позорной казни!

«Я увидал его, — писал впоследствии Гарибальди, — увидал этого человека, который убил благороднейших сынов Италии, который приговорил меня и других товарищей к смертной казни… И я понял, отчего он так холодно со мной обошелся. Однако я готов был служить Италии при короле с тем же рвением, как намерен был служить при республике. Объединить Италию, освободить ее от проклятых чужеземцев — такова была цель моя и всех моих соотечественников в то время. Скажу лишь, что, будучи приглашен возглавить войну за независимость, Карл Альберт не оправдал нашего доверия… Он был главной причиной итальянского поражения».

Оскорбленный, страдающий от приступов лихорадки, схваченной в Ровербелло, Гарибальди уехал в Милан. Там он предложил свои услуги временному правительству Ломбардии; состоявшему из сторонников конституционных реформ. В революционном городе «героических пяти дней» Гарибальди встретил значительно большее понимание и сочувствие. С балкона отеля «Белла Венециа» он произнес речь перед приветствовавшей его толпой:

— Дорогие миланцы! Я благодарю вас за овации, но теперь

нельзя тратить время на крики и болтовню, — теперь время действовать! Мы должны преградить врагу путь в наши прекрасные земли!

«Члены временного правительства, — пишет Гарибальди в «Мемуарах», — были порядочные люди, и я ценил их, несмотря на то, что наши политические взгляды расходились. Все было бы хорошо, если бы на них не оказывал дурного влияния королевский посол Собреро. Меня изводили лихорадка и беседы с Собреро (который, между прочим, не выносил наших *красных рубашек,* уверяя, что они… являются прекрасной мишенью для врага)».

С мая в Милане находился приехавший из Лондона Мадзини. Он писал пламенные статьи в своем журнале «Italia del Popolo», доказывая, что войну с Австрией необходимо сделать как можно более популярной и для этого привлечь к защите родины героя Монтевидео. Наконец временное правительство решилось назначить Гарибальди начальником «всех волонтеров» в районе между Миланом и Бергамо, то есть примерно трех тысяч человек.

Добровольцы эти представляли пеструю смесь всех наций и были очень скверно обмундированы. Одни были одеты в штатское, другие в военную форму; одни нарядились в «риттеры» (австрийские куртки, брошенные имперской армией во время бегства из Милана 23 марта), другие носили бархатные блузы и калабрийские шляпы с перьями; вооружением одних были швейцарские карабины, других — австрийские «зильдеры» или охотничьи ружья. Но все это не смущало Гарибальди: в Монтевидео ему случалось и не то видеть. Он был счастлив, что сможет, наконец, сразиться с ненавистными чужеземцами, угнетателями Италии. Лучшему из добровольческих отрядов он дал название «Анцани» (в честь погибшего товарища), назначив командиром его Медичи. 25 июля он выехал, согласно приказу временного правительства, в Бергамо.

Но Гарибальди приехал слишком поздно. В тот же день австрийцы разбили пьемонтскую армию под Кустоццой, и она спешно отступала к Милану. Крупная, прекрасно вооруженная и дисциплинированная армия Карла Альберта вовсе не уступала австрийской. Она и сейчас могла бы дать отпор врагу, если бы во главе ее стояли опытные командиры, верящие в народное дело; она и сейчас смогла бы защитить против 35 тысяч австрийцев огромную столицу Ломбардии, с мужественным, поголовно вооруженным населением, с богатым артиллерийским парком. Но пьемонтской армии не хватало главного: веры в освободительное дело.

Кроме того, Карл Альберт целых пять месяцев не

предпринимал решительных военных действий, теряя золотое время и упуская множество прекрасных возможностей овладеть положением. Если бы еще в марте, тотчас после миланского восстания, пьемонтская армия обрушилась на отступающие войска Радецкого и не позволила им добраться до «четырехугольника крепостей» (Мантуя, Пескьера, Леньяго и Верона), вероятно, австрийцев уже не было бы в Италии. Но Карл Альберт и тут был верен своей трусливой медлительной тактике. Так, в мае, после наполовину выигранной битвы при Санта Лучия (близ Вероны), устрашившись грозного «четырехугольника крепостей», он приказал войскам отступить.

О знаменитом «четырехугольнике крепостей», при помощи которого австрийская армия господствовала над верхней Италией и охраняла Бреннерский проход в Альпах, Энгельс пишет в статье «Как Австрия держит в своих руках Италию» следующее: «Существует старинная поговорка, что кто держит в своих руках Мантую, тот господствует в Италии… Будет не так-то легко выгнать австрийцев из Италии, даже если в их руках будет находиться одна только Мантуя»[20].

Анализируя далее силу этой позиции, занятой австрийской армией, Энгельс пишет: «В чем же заключалась сила позиции Радецкого? Она заключалась попросту в том, что крепости не только прикрывали его от атаки, но что они заставляли неприятеля разделять свои силы, между тем как Радецкий под их защитой мог действовать всей совокупностью своих сил, в любом данном пункте, против той части неприятельской армии, которая могла бы оказаться перед ним… Более того: итальянцам приходилось действовать разрозненными корпусами по обеим сторонам рек, и ни один из этих корпусов не мог оказать быстрой поддержки другому, между тем как Радецкий, благодаря своим крепостям и предмостным укреплениям, мог по своему желанию передвигать всю свою армию с одного берега реки на другой… Чтобы блокировать Мантую, требуется три армии… При искусном маневрировании посреди рек и крепостей *каждая* из этих трех армий может быть ad libitum [по желанию] атакована *всеми* австрийскими силами… Мы без колебаний решаемся сказать, что эта позиция является одной из сильнейших в Европе…»[21]

В данном случае своевременные быстрые действия объединенных войск итальянских государств могли бы еще в 1848 году окончательно изгнать из Италии войска Радецкого, тем более что войска эти уже не имели в тылу прежней мощной австрийской монархии.

«Если бы Пьемонт был республикой, если бы туринское правительство было революционным и имело мужество

прибегнуть к революционным мерам, — писал Энгельс, — ничто не было бы потеряно. Но итальянской независимости нанесен удар, — не оружием непобедимых австрийцев, а трусостью пьемонтской королевской власти»[22].

В той же статье Энгельс пишет, что здесь действовала не только одна трусость. «Изменник ли Карл-Альберт или нет — одной *его короны, одной лишь монархии* достаточно, чтобы привести Италию к гибели.

Но Карл-Альберт изменник. Во всех французских газетах сообщается о грандиозном европейском контрреволюционном заговоре всех великих держав и о плане похода контр-революции в целях окончательного порабощения всех европейских народов. Россия и Англия, Пруссия и Австрия, Франция и Сардиния — все подписали этот священный союз.

Карл-Альберт получил приказ начать войну с Австрией, дать нанести себе поражение и тем доставить австрийцам возможность восстановить «спокойствие» в Пьемонте, Флоренции, Риме и ввести повсюду сословную конституцию. За это Карл-Альберт должен получить Парму и Пьяченцу…»[23]

Вести о поражениях пьемонтской армии и о потере линии Минчио — Ольо, открывавшей для австрийского наступления всю Ломбардию, привели миланцев в ужас. Проклиная Карла Альберта, толпа стала осаждать дворец Гресси. Бледный, как стена, король пытался уверить народ, что решил «победить или умереть со своими миланцами», но словам этим никто уже не верил…

В Милане спешно создался «Комитет самозащиты». Он организовал работы по укреплению города и баррикадированию улиц, собирал оружие и т. д. В Милан был срочно вызван Гарибальди. С тремя тысячами бойцов Итальянского легиона он двинулся в Монцу, рассчитывая занять там выгодную позицию на правом фланге неприятеля и, непрерывно атакуя, помогать этим осажденному Милану.

Но напрасны были все усилия, бесполезны все героические порывы! Короли всегда имеют свой расчеты, противоположные народным интересам. 4 августа Карл Альберт предложил австрийцам заключить перемирие, и предложение это было принято. Ярость и озлобление миланцев были неописуемы. Они осадили дворец короля. Ночью, тайком, он бежал, как вор, спасая свою шкуру. 5 августа пьемонтская армия покинула Милан. Многие богатые миланцы с семьями ушли из города вместе с отступавшей армией. Оставшиеся в припадке, отчаяния стреляли в уходящих пьемонтских солдат. Более половины населения бежало из Милана.

Оставаться теперь в Монце было для гарибальдийцев и бесцельно и опасно. «Перемирие, капитуляция, бегство, — пишет Гарибальди в «Мемуарах», — эти известия поразили нас одно за другим, как удары грома. Страх и деморализация объяли людей. Некоторые трусы, к несчастью, оказавшиеся в рядах моего легиона, побросали ружья на улицах Монцы и бросились бежать куда глаза глядят. Остальные товарищи, возмущенные их позорным поведением, стали целиться в них из ружей, ко я удержал их. Благодаря мне и другим офицерам удалось предотвратить кровопролитие».

Гарибальди еще верил в возможность отстоять Милан. Он решил идти на помощь столице Ломбардии и обратился к своим волонтерам с манифестом, который заканчивался такими словами: «Ободритесь и присоединитесь все к моей колонне, движущейся к Милану, чтобы оказать помощь его благородным жителям и прогнать ненавистного врага. Спасение родины зависит от быстроты ваших действий. *Генерал Гарибальди*».

Но в это самое время пьемонтцы начали уже отступать к Тичино, и Радецкий с триумфом входил в Милан…

Гарибальди сообщает в «Мемуарах»: «При таких обстоятельствах я решил удалиться и направиться к Комо с тем, чтобы выжидать в этой гористой местности результата событий и, за отсутствием другого исхода, начать партизанскую войну».

В его партизанской колонне простым рядовым шагал Джузеппе Мадзини с английским карабином за плечами. Впрочем, это был только красивый жест. Вскоре у Мадзини произошла первая крупная размолвка с Гарибальди, и из Комо Мадзини уехал в Швейцарию. Об этом конфликте Гарибальди говорит в «Мемуарах» довольно глухо; «Я совершил в Милане ошибку, которую Мадзини никогда не мог мне простить: я указал ему, что нехорошо поддерживать у такого большого количества молодых людей иллюзию, будто мы в состоянии провозгласить республику, в то время как войска и волонтеры дрались с австрийцами». (Очевидно, подразумевается: «дрались под знаменем пьемонтского короля».)

Единственным итальянским городом, сумевшим в это время отстоять свою свободу и независимость, являлась Венеция. Но и она едва не стала жертвой вероломства пьемонтского короля. 3 июля, венецианское собрание постановило, во имя объединения всех сил итальянцев против австрийцев, немедленно войти в состав пьемонтского королевства. Карл Альберт «великодушно» согласился принять этот дар, предварительно договорившись с Веной о… передаче Венеции австрийцам!

Никто из итальянских патриотов не подозревал такого

омерзительного предательства. 10 июля английский посланник в Турине Аберкромби весьма секретно уведомил английского премьера лорда Пальмерстона: «Его величество король сардинский согласен, чтобы границей королевства на востоке была река Адидже». Это означало, что все итальянские земли восточнее Адидже (Этча) перейдут к Австрии. А после этого, 7 августа, королевские комиссары Колли, Чибрарио и Кастелли опубликовали следующее жульническое воззвание к венецианцам:

«Граждане! Призванный вашим свободным голосованием король Карл Альберт принимает вас и объявляет вас одной из лучших частей своей великой семьи… Венецианцы! Король опоясался шпагой, чтобы пролить свою кровь и кровь своих сынов за вас!.. Благодаря вашей храбрости вы сейчас свободны. Этого высшего блага никто не может у вас отнять!»

Все эти высокопарные фразы имели целью только скрыть истинное положение вещей. Уже готов был предательский план — «принять» свободную Венецию в королевские объятия и предать ее, связанной и порабощенной, австрийским тиранам.

Об оставлении Милана венецианцы узнали из генуэзского журнала «Il Pensiero Italiano». Улицы Венеции мгновенно наполнились взволнованными толпами. Народ требовал объяснений от королевских комиссаров. Те поспешили опубликовать новое воззвание, в котором говорилось: «Венеция находится в исключительном положении. Наш флот защищает ее с моря. Венеция может и хочет сопротивляться. Она — истинный оплот итальянской свободы, она первая подала пример свободной жизни!»

Но правду скрыть не удалось: в этот же день начальник главного штаба пьемонтского войска генерал Саласко подписал позорное перемирие.

«Это перемирие, — писал Гарибальди, — взбесило всех… И мы, пришедшие на помощь Ломбардии, не смогли даже обнажить за нее шпагу! Можно было сойти в могилу от стыда».

Узнав обо всем, венецианцы собрались толпой, готовые растерзать королевских комиссаров. Последним с трудом удалось спастись.

Венецианцы твердо решили защищаться. Даниель Манин снова был облечен властью президента. Благодаря решимости и сплоченности своих граждан Венеция, наперекор предательскому договору, заключенному Карлом Альбертом, осталась независимой республикой.

В это время Гарибальди удалось добраться с верными ему волонтерами до Варезе, а затем до Кастеллетто (близ Ароны). Генуэзский герцог приказал ему «немедленно распустить свои

банды и убраться вон с пьемонтской территории». Но Гарибальди твердо заявил герцогу:

— Я свободный гражданин, пьемонтского короля я не признаю, и никто не смеет лишить меня права гнать чужеземцев из родной страны!

Затем Гарибальди опубликовал воззвание (по утверждению одного из биографов Гарибальди, Гверцони, оно оставалось много лет неизвестным и только в конце прошлого века было обнаружено в манускрипте Пикоцци):

«К Итальянцам

Будучи избран в Милане народом и его представителями вождем людей, поставивших своей единственной целью — независимость Италии, я не могу примириться с унизительными условиями перемирия, подписанного королем Альбертом с ненавистным чужеземцем, властвующим в нашей стране…

Если сардинский король сохранил свою корону при помощи преступлений и низостей, то я и мои товарищи не хотим идти на подлость, чтобы сохранить свою жизнь.

…Теперь, когда все единодушно признали высшую истину, требующую уничтожения тиранов; теперь, когда разоблачены предатели, взявшие в свои руки поводья революции с целью ее погубить, — теперь *народ не хочет больше обманов! Он понял свою величественную мощь, он проверил ее на опыте и желает сохранить ее ценою жизни.* Мы не намерены скитаться, как бродяги, на земле, которая принадлежит нам по праву, мы не будем безучастно глядеть на дерзость предателей и разорение, причиняемое чужеземцем. Мы будем драться, как львы, без передышки, в святой войне за независимость Италии, — и последний наш вздох отдадим отечеству.

Кастеллетто, 13 августа 1848. Гарибальди»

Что означало это гордое воззвание? На что надеялся и на что мог рассчитывать Гарибальди со своей кучкой волонтеров? Во всяком случае, воззвание это лишний раз подтверждает, что Гарибальди, несмотря на временные заблуждения, уже тогда отдавал себе отчет в том, какой единственный правильный путь освободительной борьбы в Италии. Он видел, что спасение — в республике, в объединении всех сил народа для решительного разгрома и изгнания интервентов-иноземцев, как это сделала Французская республика 1793 года. Энгельс писал: «Такая *подлинно* национальная война, — война, подобная той, какую ломбардцы вели в марте 1848 года, когда они прогнали Радецкого за Олло и Минчо, — вовлекла бы в борьбу всю Италию и наполнила бы безмерной энергией римлян и тосканцев…

Но массовое восстание, всеобщая инсуррекция народа, это —

средства, пред применением которых королевская власть отступает в ужасе. К таким средствам может прибегать только республика, — это показал 1793 год»[24].

Захватив силой в порту Арона пароходы «Сан Карло» и «Вербано», Гарибальди переправил на них полторы тысячи своих добровольцев и 14 августа расположился лагерем в Луино. На следующее утро на него напал корпус австрийцев в три тысячи человек, но был разбит гарибальдийцами и в панике бежал, оставив на дороге сто восемьдесят человек ранеными и убитыми. 18 августа Гарибальди вступил в Варезе; население встретило его восторженно. Таким образом, Гарибальди бросил вызов огромной австрийской армии, не желая признавать унизительного для итальянского народа перемирия.

Затем Гарибальди задумал и выполнил удивительно смелый маневр. 20 августа он оставил у Арчизате двести человек под командой Медичи, приказав им держаться как можно дольше и непрерывно тревожить австрийцев перестрелкой. Сам он отошел на север к холмам Индуно. Уже через три дня дивизия д'Аспре (одиннадцать тысяч штыков) вступила в Варезе, а две остальные австрийские колонны шли из Луино и Комо, занимая все проходы в Швейцарию.

Генерал д'Аспре все еще воображал, что Гарибальди находится к северу от него. Между тем основные силы Гарибальди в течение двух дней осторожно пробирались на юг, в обход австрийцев. «Все это время, — вспоминал Гарибальди, — приходилось часто менять направление, почти каждую ночь переходить на новое место и лавировать, чтобы обмануть неприятеля». Наконец Гарибальди удалось проникнуть незамеченным в тыл австрийцев у Мораццоне. Но его смелый маневр был открыт по доносу шпиона.

26 августа пятитысячная колонна австрийцев неожиданно обрушилась на гарибальдийцев, изнуренных и ослабевших после трудного перехода.

Несмотря на свою малочисленность, гарибальдийцы продержались до наступления ночи. Если бы командир австрийской колонны лучше ориентировался в обстановке, он ударил бы в правый фланг партизанского отряда — именно там пролегали тропы, ведущие в Швейцарию. Благодаря этому упущению австрийцев гарибальдийцам удалось спастись.

«Сделав кое-как перевязку раненым и усадив некоторых на коней, — рассказывает Гарибальди, — мы начали незаметно пробираться по одной из забаррикадированных нами улочек. Мы заставили пойманного нами священника указать нам дорогу, но он делал это с большой неохотой и скоро сбежал. (Да оно и

понятно: эта раса вампиров существует в Италии для того, чтобы быть агентами и лакеями иностранцев.) Ночь была темной, и окрестности освещались только заревом пожара… Нас было около семидесяти человек. В течение ночи нам удалось отойти от неприятельского расположения. Во время этого утомительного ночного марша по почти непроходимым тропинкам около тридцати товарищей от нас отстали и добрались до швейцарской границы лишь вечером следующего дня». Второй группе гарибальдийцев под командой Медичи также удалось пробраться за границу.

Так неудачно кончилась первая попытка Гарибальди организовать общенациональный отпор интервентам, угнетателям Италии.

Именно в это время Гарибальди сделал важное открытие: основная масса народа Северной Италии — крестьянская масса — довольно безучастно относилась к национально-освободительному движению.

«Здесь, — пишет он в «Мемуарах», — я впервые узнал на опыте, что деревенское население питает мало симпатий к национальному делу; возможно, это потому, что они находятся под влиянием духовенства; или же потому, что они вообще враждебно относятся к своим господам, которые при нашествии чужеземцев большею частью эмигрируют, предоставляя, таким образом, крестьянам расхлебывать заваренную ими кашу».

Гарибальди всем своим существом тяготел к народным массам и ждал от них поддержки и помощи. Но разобраться по-настоящему в особенностях жизни и быта крестьян и в отношении их к национальной революции Гарибальди не сумел — об этом говорят приведенные выше его рассуждения. Между тем вовсе не везде умами крестьян владело только духовенство, да и настроения деревни были неодинаковы даже в пределах итальянского севера, где действовали отряды Гарибальди.

Интересны с этой точки зрения высказывания великого русского мыслителя и революционера Н. Г. Чернышевского, который внимательно следил за освободительной борьбой в Италии.[25]

Чернышевский приводит в «Современнике» следующие наблюдения корреспондента английской газеты «Таймс»:

«Поселяне Ломеллинской провинции (земли между Сезией и Тичино) не любят ни австрийцев, ни французов; ни своего правительства. Они имеют только одно чувство — ненависть ко всем «проклятым господам». Они думают, что богатые, — «богатыми» они называют всех, кто не работает руками, — имеют выгоду от войны и приносят ей в жертву поселян и их интересы…

Кроме того, в Сардинии есть сильная реакционная партия. Я встречал, кроме священников, также и фермеров, сельских старшин и других людей, принадлежащих к ней. «E troppo cara la Liberta!», — сказал один из них («Слишком дорого обходится свобода!»). Прежде он платил в казну только 150 франков, а теперь подати с него постепенно повысились до 400 франков».

Комментируя рассказ корреспондента, Чернышевский делает чрезвычайно ценное замечание: «Важно отметить, что чувство ненависти к австрийцам-поработителям итальянское крестьянство испытывало только там, где были кровно затронуты его экономические интересы». В доказательство Чернышевский приводит следующие факты, почерпнутые из той же корреспонденции «Таймса»: «В горах, где больше мелких собственников и где, стало быть, карман народа страдает от тяжелой поземельной подати, наложенной австрийским правительством, поселянин так же сильно желает низвержения австрийского правительства, как по всей Ломбардии желают этого высшие классы горожан». «Напротив, — добавляет Чернышевский, — в оккупированных равнинах, где итальянский крестьянин видел перед собой крупного помещика, эксплуатирующего его, он всю свою ненависть и горькое озлобление обрушивал на этого барина». Однако, как подчеркивает Чернышевский, эти крестьяне заблуждались, ибо, по сути дела, они должны были «за все винить австрийское правительство, которое угнетало их через посредство землевладельцев». Отмечая это настроение ломбардских крестьян, Энгельс также ссылается на корреспонденцию «Таймса» и указывает, что австрийцы нарочно освобождали от налогового бремени определенные сельские районы, чтобы не портить отношений с крестьянством. Так, например, в Ломеллине австрийские «реквизиции и поборы, повидимому, насколько возможно, ограничивались собственностью знати и городами, являющимися центрами итальянского патриотизма, между тем как крестьянство было, насколько возможно, пощажено. Такая политика является характерно австрийской, и она была таковой с 1846 г…»[26]. Ни Гарибальди, ни вообще республиканская партия не умели еще разобраться в сложных особенностях крестьянских интересов. Они не могли и не пытались разъяснить крестьянину, что в конечном счете коренным источником его бед является иноземное австрийское иго, что без изгнания оккупантов-австрийцев нельзя вести никакой борьбы и против собственного помещика. Вот почему во время походов по Северной Италии героические гарибальдийцы не сумели сдвинуть и поднять массу крестьянства на путь национально-освободительной борьбы,

несмотря на то, что пользовались сочувствием крестьян и даже пополняли свои ряды одиночками-добровольцами из деревень.

БОРЬБА ЗА РИМСКУЮ РЕСПУБЛИКУ

Позорное «перемирие Саласко» 9 августа 1848 года вызвало новый подъем национально-освободительного движения на всем Апеннинском полуострове. Предательство Карла Альберта, нежелание его и либерально-монархической клики по-настоящему добиваться объединения итальянских государств, неспособность дать отпор оккупантам, постоянные дипломатические сделки в интересах савойской династии — нее это вызвало возмущение в широчайших слоях итальянского народа. Вновь стали пользоваться успехом республиканские лозунги мадзинистов; теперь они требовали уже низвержения всех итальянских монархов и создания единой итальянской республики. «Кто снова предастся династическим иллюзиям, — говорил в этот период Мадзини, — тот докажет, что у него ни ума, ни сердца, ни истинной любви к Италии». Даже откровенным сторонникам «умеренной» политики приходилось признаться в ее полном крахе. «Война государей закончилась, начинается народная война», — встревоженно резюмировал положение д'Азелио (один из наиболее дальновидных представителей либерально-монархической партии).

Первая искра вспыхнула в Болонье 8 августа 1848 года. Болонцы, вооружившись, изгнали австрийцев из города и, прижав их к реке По, заставили перейти на другой берег. Особенно сильные волнения происходили в Тоскане. Герцогское правительство ввело в столице герцогства Флоренции осадное положение. Стоявшие во главе герцогской оппозиции Монтанелли (профессор) и Гверацци (писатель) вынуждены были поддерживать народ в его требованиях решительных реформ. Они поняли, что при таком возбуждении масс созыв в Риме *всеитальянского учредительного собрания,* избранного всеобщим голосованием, явится единственным выходом из положения. Волнение народа все время усиливалось. Арест Гверацци герцогским правительством только подлил масла в огонь. Флорентийские рабочие и ремесленники восстали, захватили арсенал и, вооружившись, освободили из тюрьмы этого популярного в народе деятеля. 23 августа вспыхнуло восстание рабочих, ремесленников и матросов в Ливорно.

Революция приняла такие размеры и участие в ней широких масс было настолько явным, что испуганному Леопольду II пришлось пригласить в министерство обоих вождей радикальной партии — Гверацци и Мон-танелли. Идея всеитальянского учредительного собрания в Риме приобретала все больше и

больше сторонников. В Тоскане революционная волна также продолжала нарастать.

Именно в это время в порту Ливорно появился Гарибальди; он собрал в Швейцарии остаток своих волонтеров (500 человек) и направился с ними в Венецию, чтобы там принять участие в освободительном движении.

Ливорнские события взволновали и захватили его. Уступив настояниям тосканских патриотов, приглашавших его во Флоренцию, Гарибальди с волонтерами двинулся туда. 9 января он опубликовал воззвание «К тосканцам», приветствуя мужество и неустрашимость «граждан, стремящихся к возрождению итальянской нации».

Однако, несмотря на все просьбы Гверацци, Монтанелли и тосканского населения, Гарибальди не остался во Флоренции: он торопился оказать помощь героической Венецианской республике, с сентября 1848 года упорно отстаивавшей свою независимость. Осажденная австрийцами Венеция провозгласила гордый лозунг: «La difesa ad ogni costo!» («Защита республики любой ценой!») Этот яркий республиканский маяк, твердо стоявший под напором интервентов, влек к себе Гарибальди. Но для того чтобы попасть в Венецию, необходимо было сперва пересечь папскую территорию. Очутившись на ее границе — в Филигари — Гарибальди узнал, что папское правительство приказало не пропускать гарибальдийцев. Из Болоньи уже двигался к границе отряд папских наемников-швейцарцев с двумя орудиями, чтобы оказать сопротивление Гарибальди. Но тут на помощь народному герою пришли народные массы Болоньи. Выступления масс в городе были настолько внушительны, что власти пошли на уступки и решили пропустить волонтеров. Факельным шествием и овациями болонцы приветствовали Гарибальди и его бойцов.

Гарибальди *уже* добрался до Равенны (18 ноября), когда получил важное известие: три дня назад в Риме убит папский министр Пеллегрино Росси…

Этот факт имел колоссальное значение. Пеллегрино Росси яростно боролся с национально-освободительным движением и, в частности, с республиканцами. Он ввел в Рим своих карабинеров и в прокламациях недвусмысленно угрожал республиканцам расправой. Республиканская партия, возглавляемая ремесленником Чичеруаккио, приобрела к этому времени большое влияние на народные массы Рима, среди которых началось серьезное движение. 15 ноября Росси должен был выступить на сессии палаты депутатов. Когда его карета подъехала к зданию палаты, громадная толпа демонстрантов

встретила его враждебными возгласами. Внезапно из группы reduci (вернувшихся из Ломбардии волонтеров) выступил неизвестный и нанес Росси смертельный удар кинжалом в ту минуту, когда министр выходил из кареты.

«В Риме народ, национальная гвардия и армия восстали, как один человек, — писал Энгельс, — низвергли отступническое, контр-революционное министерство, добились демократического министерства и во главе проведенных ими требований стоит: правительство на основе принципов итальянской национальности, т. е. предложенное Гверацци участие в итальянском учредительном собрании»[27].

18 ноября толпы римских граждан устроили внушительную демонстрацию перед Квириналом[28]. 24 ноября папа Пий IX, переодетый простым аббатом, бежал в неаполитанскую крепость Гаета. Тем самым Пий IX демонстративно отдал себя под покровительство самого ненавистного, самого реакционного из итальянских монархов — «Короля Бомбы»[29]. Власть в Риме перешла в руки представителей либеральной буржуазии, составивших Верховный комитет («джунту»). Под давлением революционно настроенных масс Верховному комитету пришлось издать декрет о созыве Учредительного собрания.

Все эти известия взволновали и воодушевили Гарибальди. Он решил прервать свой поход в Венецию и двинулся с волонтерами в Рим, где после многих веков папской тирании впервые зарождалась молодая республика.

Оставив свой отряд в Чезене, Гарибальди уехал в Рим. Там его ждал неприятный сюрприз. Новые правители Рима, как оказалось, сильна опасались Гарибальди, которого они прозвали «диким гверильясом, предводителем шайки бандитов».

Однако, не решаясь из боязни перед народными массами отказаться от услуг Гарибальди, Верховная джунта Рима приняла компромиссное решение. Министр Кампелло дал «любезное согласие» включить волонтеров в состав римского войска и вызвать их в Рим для доукомплектования. Впрочем, как только Гарибальди уехал, это распоряжение было отменено.

За время своего пребывания в Риме Гарибальди подружился с популярным народным вождем Чичеруаккио. Ему Гарибальди посвящает в своих «Мемуарах» много прочувствованных строк. «В минуты бедствий внезапно появляются люди, берущие на себя руководство массами, твердо и уверенно подставляющие грудь ударам невзгод. Признательный народ запомнил их имена: Арно из Бреши, Савонарола, Кола ди Риенци, Мазаниелло, Жозеф де Ризи и Чичеруаккио. Эти люди обычно рождаются бедными, из среды народа, который в такие времена обречен на страдания.

Анджелло Брунетти был одним из этих избранных. Он родился в Риме, в 1802 г., и так как в детстве был полным и румяным мальчиком, мать дала ему шутливое прозвище «Ciceruacchio», что значит «крепыш». Во время осады Рима он пользовался всеобщей любовью и огромным авторитетом. Слава и власть не развратили его. Став одним из вождей Римской республики, Чичеруаккио остался таким же скромным, честным и открытым, каким был до сих пор. Бедняк, протянувший к нему руку за помощью, никогда не получал отказа. Во время частых наводнений Тибра Чичеруаккио превращался в лодочника и неутомимо перевозил пищу пленникам волн, помогая им и утешая ласковыми словами».

Не подозревая о кознях римской джунты, Гарибальди в декабре уехал из Рима и нашел свой отряд в Фолиньо. Там его ждал приказ — немедленно идти в Фермо (восточный порт Апеннинского полуострова). Негодованию его не было границ. Плохо одетым, измученным волонтерам предстояло в сильную стужу переходить Апеннины и в дальнейшем проводить зиму в чрезвычайно тяжелых условиях. Возмущенный Гарибальди прекрасно понимал смысл всей этой интриги и справедливо говорил: «Занявшие место, деспота болтуны и попугаи стремились усыпить народ и облегчить дорогу нараставшей реакции». Естественно, что эти люди старались отослать опасного бойца-революционера подальше от столицы. За короткое время пребывания в Фермо, а затем в Мачерате (к югу от Анконы) Гарибальди завоевал настолько глубокое уважение горожан, что уже 21 января 1849 года его избрали депутатом этого города в Римское учредительное собрание.

С радостью узнал Гарибальди о победе революционного народа в Тоскане. 10 января 1849 года состоялось историческое решение тосканского парламента, постановившего, что Тоскана пошлет 39 депутатов в Римское (т. е. Всеитальянское) учредительное собрание. Леопольд II понял, что песенка его спета. Устрашенный мощными народными манифестациями, герцог бежал в Сиену.

Узнав об этих событиях, Мадзини, занимавшийся тогда в Лугано литературной деятельностью, воспрянул духом. Он поспешил во Флоренцию, где ему устроили триумфальную встречу. 8 февраля Мадзини находился уже в Ливорно.

Мадзини стал энергично агитировать за провозглашение Тосканы республикой. Хитрый и властный Гверацци, который при герцоге стоял во главе оппозиции, сейчас занял уклончивую позицию. Однако, вопреки его возражениям, созданное во Флоренции временное правительство провозгласило Тоскану республикой.

Второй приезд Гарибальди из Мачераты в республиканскую столицу Рим был значительно радостней. С характерным для него пафосом Гарибальди восклицает в своих воспоминаниях: «Я присутствовал при возрождении гигантской Римской республики! Я находился в Вечном городе! Сколько надежд! Какие перспективы! Итак, не были пустой фантазией мои ранние грезы — этот вихрь идей и пророчеств, воспламенявших мое воображение, когда я, тогда еще 18-летний юноша, впервые бродил среди развалин великолепных памятников Рима! Не были фантазией эти надежды на возрождение родины, заставлявшие меня трепетать в глуши американских лесов, среди бурь океана и побуждавшие выполнять свой долг в отношении угнетенных, страдающих народов!.. Итак, завтра в Капитолии, на форуме будет провозглашена республика — народом, который страдал столько веков!»

«8 февраля 1849 года, — рассказывает Гарибальди, — меня, больного ревматизмом, внес на своих плечах в залу Римского собрания мой адъютант Буэно».

Вот выдержки из отчета о заседании 8 февраля 1849 года Учредительного собрания (цит. по «Scritte discorsi politici e militari di Garibaldi» — «Политические и военные статьи и речи Гарибальди»):

«Производится подсчет депутатов. Присутствует 140 человек.

Президент. Просят каждого из граждан депутатов написать свое имя на клочке бумаги и бросить эту бумажку в урну. Имена будут сгруппированы по секциям — но 14 человек в каждой.

Гарибальди. Прошу слова. Полагаю, что каждый из присутствующих чувствует, что здесь происходит нечто очень важное. Я предлагаю, чтобы заседание не прекращалось, чтобы депутаты вышли из этого помещения не раньше, чем будет удовлетворено желание народа. Здесь присутствуют все представители народа. Будет ли тут проделано больше или меньше формальностей и церемоний, не имеет никакого значения. Надо решить, какова должна быть форма правления в стране. Таково, я думаю, желание не только римского народа, но и всей Италии. Повторяю, формальности и церемонии не важны для судеб итальянской нации.

Президент. Речь идет не только о формальной стороне дела, но и о том, чтобы прочно, основательно установить все необходимое, чтобы президент и секретари предпослали нужные соображения…

Гарибальди. Сейчас мы обязаны поставить и решить жизненный, принципиальный вопрос! Медлить, хотя бы одно мгновение, является, по-моему, преступлением. Сейчас добрая

треть итальянского народа порабощена, миллионы наших братьев томятся, страдают и стонут. А мы что делаем? Занимаемся здесь формальными дискуссиями! Я твердо убежден, что раз предшествовавшая форма правления уничтожена, то единственно подходящей для Рима сейчас формой является республика! (Аплодисменты, чередующиеся с легким изъявлением неудовольствия.) Разве сегодняшние римляне, потомки древних римлян, не способны быть республиканцами?»

Однако председательствовавший решительно заявил, что без формальностей обойтись нельзя. Несмотря на горячее нетерпение Гарибальди, точка зрения председателя собрания одержала верх. Лишь в час ночи были оглашены следующие тезисы:

«1. Светская власть папы объявляется упраздненной.

2. Папе будет гарантирована полная возможность свободно осуществлять свою духовную власть.

3. Формой правления римского государства будет чистая демократия со славным именем *Римской республики*».

В 2 часа пополудни, 9 февраля, была провозглашена Римская республика. Все провинциальные города Римской области единодушно и радостно встретили это решение. В Рим стали стекаться тосканские, генуэзские и сицилийские волонтеры. Здесь же нашли убежище многие деятели национально-освободительного движения, бежавшие из различных итальянских государств и среди них — Мадзини, взгляды и действия которого встречали упорное сопротивление тосканских либералов и их вождя Гверацци. Избранный депутатом Римского учредительного собрания, Мадзини 5 марта приехал в Рим. Уже на следующий день он участвовал в заседаниях Учредительного собрания. В своих выступлениях он настаивал на военном союзе Римской республики с Пьемонтом против Австрии.

Но вскоре стало известно о поражении пьемонтцев под Новарой (23 марта). С этого момента положение становилось крайне серьезным. Римской республике приходилось теперь самой заботиться о себе, срочно принимать меры самообороны. Учредительное собрание постановило вручить всю исполнительную власть и предоставить чрезвычайные полномочия по защите республики триумвирату. 29 марта в состав триумвирата были избраны Мадзини, Саффи и Армеллини.

В то же время семнадцать тысяч венецианцев по-прежнему были готовы бороться за свободу и республику. 2 апреля президент Манин поставил на обсуждение палаты депутатов следующие вопросы;

— Сопротивляться австрийцам или нет? Все депутаты встали с мест и воскликнули:

— Да!

— Любой ценой?

— Да, любой ценой! — последовал единодушный ответ.

Был принят следующий декрет:

«Во имя бога и народа. Собрание представителей Венеции постановляет:

Венеция будет сопротивляться австрийцам любой ценой.

Президент Манин облекается с этой целью неограниченными полномочиями».

Трудно описать энтузиазм народных масс, наполнивших площадь св. Марка. По требованию горожан, на самой высокой колокольне взвилось *красное знамя.* Была отчеканена бронзовая медаль с надписью: «Истреби в себе малейшие следы трусости!»

События в Италии развивались с исключительной быстротой.

23 марта 1849 года восстает население Генуи; 6 апреля Катанья подпадает под власть кровавого пса Бурбонов — Филанджери; 12-го реакция побеждает в Тоскане и восстанавливает на престоле эрцгерцога; 20-го Филанджери уже у ворот Палермо. Почти одновременно с этим папа обращается к европейским державам и своей католической пастве с воззванием: «Кто не знает, что Рим теперь стал — увы! — лесом, населенным рычащими зверями, что он переполнен людьми всевозможных наций — вероотступниками, еретиками или вождями коммунизма и социализма?» Впрочем, святой отец не смог бы привести никаких доказательств о засилье «коммунистов и социалистов». Частная собственность в Риме была не тронута, за исключением огромных церковных имуществ. Реакционная пресса Европы открыла яростную кампанию против республиканского Рима, а европейские монархи готовились вступиться за интересы папы. Австрийцы начали постепенно оккупировать Римскую область. «Таймс» в передовых статьях (30 марта, 11 мая) заявлял, что «цели и методы Римской республики такие же, как были у «красных» в Париже». Все это утверждалось вопреки умеренной программе римского триумвирата, опубликованной 5 апреля. В ней говорилось: «Не должно быть классовой борьбы, вражды к богатым, нарушения прав собственности; но необходимо постоянно стремиться улучшить материальные условия классов обездоленных».

Пий IX нашел союзника в лице Луи Наполеона, ставшего к тому времени президентом Французской республики. Стремясь угодить выдвинувшей его католико-монархической «партии порядка», будущий император Луи Наполеон решил восстановить папу и уничтожить Римскую республику. Он воспользовался для этого следующим предлогом. Республиканское большинство

французского Учредительного собрания настаивало на том, чтобы французская армия пришла на помощь пьемонтцам в их борьбе с Австрией. Вскоре после поражения пьемонтцев под Новарой (23 марта) Учредительное собрание в Париже постановило (30 марта): «Если исполнительная власть для более верного обеспечения неприкосновенности пьемонтской территории и для более твердой охраны интересов и чести. Франции считает необходимым подкрепить дипломатические переговоры частичной и временной оккупацией в Италии, то Собрание готово оказать исполнительной власти полную поддержку». Собрание вотировало чрезвычайный кредит на трехмесячную военную экспедицию «для охраны французского влияния и защиты цивилизации». Но вместо того чтобы отправить этот экспедиционный корпус по его прямому назначению, то есть на помощь Пьемонту, Луи Наполеон послал его… в Чивита-Веккию для разгрома *Римской республики.*

25 апреля французская армия в восемь-десять тысяч человек под командой генерала Удино высадилась в Чивита-Веккии. Генерал получил от президента инструкцию «не признавать Римской республики, триумвиров и Национального собрания, но вежливо обращаться с каждым из членов его в отдельности, мирным и дружеским образом (?) оккупировать Рим; но в случае, если жители его окажутся настолько глупы, что окажут сопротивление, — применять вооруженную силу».

В ответ на упреки радикальных элементов Парижа Луи Наполеон лицемерно уверял, что он лишь собирается «спасти» Рим от «нашествия иностранцев, собравшихся в столицу со всех концов Италии и угнетающих римских жителей». Разумеется, к таким «иностранным демагогам» он причислял Мадзини и Гарибальди.

Генерал Удино не рассчитывал на серьезное сопротивление и презрительно заявил итальянским делегатам: «Les Italiens ne se battent pas» («Итальянцы не умеют драться»).

Но скоро Гарибальди и его легионеры показали наглым интервентам, что итальянские патриоты умеют отлично драться, когда дело идет о защите свободы и родной страны.

«1-й Итальянский легион» Гарибальди по-прежнему стоял в маленьком городке Ананьи; тотчас после провозглашения республики Гарибальди пришлось уехать из Рима. Несмотря на просьбы Гарибальди, его «друг Пиппо» — Мадзини (с марта он фактически являлся главой триумвирата и диктатором) упрямо не соглашался на перевод легиона в столицу. Революционная решительность Гарибальди пугала Мадзини. Он предпочитал держать героя Монтевидео в почтительном отдалении. Он знал,

что Гарибальди с осуждением относился к его нерешительности и не разделял его мистически-религиозных взглядов на революцию. На этой почве у них происходили очень частые размолвки. Именно сейчас Мадзини мечтал осуществить свой лозунг «Dio e popolo» («бог и народ»). Свергнув тиранию папской власти, он хотел взамен ее установить… «демократию, распространяющую из Рима евангелие общественной любви».

Мадзини крайне снисходительна относился к контрреволюционным вылазкам духовенства и даже по отношению к явным шпионам из среды священников не принимал никаких репрессивных мер. Пасквили на священников были запрещены; епископу Чивита-Веккии не мешали сноситься с бежавшим папой; а когда брат папы был уличен в проповеди реставрации папской власти, его только выслали за границу. С такой же беспечностью относились триумвиры к происках других политических врагов. Папские газеты распространялись беспрепятственно; французскому агенту Мерсье не мешали организовывать заговор против республики. Мудрено ли, что Мадзини в этой обстановке не хотел вмешательства Гарибальди, этого непреклонного революционера, «старого борца за свободу, который… знает цену дисциплине»[30] (как выразился впоследствии Ф. Энгельс), в дела триумвирата.

Гарибальди давно уже был встревожен происходящими событиями и рвался в Рим. Когда легион его находился в Субиако, 19 апреля, то есть за несколько дней до высадки войск Удино, Гарибальди писал Аните: «Да… предательство парализовало всякий великодушный порыв; мы опозорены; имя итальянцев будет посмешищем в любой стране мира. Я положительно стыжусь, что принадлежу к поколению, насчитывающему столько трусов! Но не думайте, что я упал духом, нет! У меня сейчас еще больше надежд, чем когда-либо. Можно опозорить безнаказанно одного человека, но нельзя безнаказанно позорить нацию. Сердце Италии еще трепещет, и если оно не совсем здорово, оно еще способно отсечь больные свои части. Реакции удалось деморализовать народ, но народ ей не простит подлостей и предательства. Он стряхнет с себя оцепенение. Могучий, он поднимется и уничтожит низких виновников своего позора».

Тщетно его друзья и соратники пытались повлиять на правительство и добиться приглашения Гарибальди в Рим. Интересны письма начальника штаба гарибальдийцев Даверио. Излагая Мадзини один смелый стратегический план Гарибальди, он писал: «Дорогой Пиппо… вы еще не знаете хорошо этого человека. Уверяю вас, я каждый день обнаруживаю в нем новые и

новые достоинства. Вы назначили Авеццану военным министром. Отлично. Но отчего же вы забыли о Гарибальди? Поверьте мне, этот человек может подавать отличные идеи и полезные советы; во всяком случае, он безукоризненно честный и преданный человек, и в этом отношении мало найдется ему равных!»

Враг находился почти у ворот Рима. И, только почуяв грозную опасность, Мадзини решился призвать на помощь Гарибальди.

В полдень 27 апреля 1849 года Гарибальди и его легионы, наконец, вступили в Рим. Весь Корсо оглашался радостными криками: «Он здесь, он здесь! Он приехал!»

Скульптор Джибсон, находившийся в то время в Риме, так описывал въезд в столицу воинов Гарибальди: «Это были загорелые, с давно нечесанными волосами люди, в конических шапках, украшенных черными, развевающимися в воздухе перьями, худые, запыленные лица их окаймлены всклокоченными бородами; ноги обнажены. Они столпились вокруг своего вождя, который ехал на белом коне, мужественный и красивый, величавый, как статуя».

Внешность самого Гарибальди художник Кельман описывал так: «Мы инстинктивно оглянулись: Гарибальди въехал в ворота. Высокого роста, хорошо сложенный, широкоплечий, с могучей грудью, хорошо очерчивающейся под форменной блузой, — он очутился перед нами. Его глаза были синие с фиолетовым отливом. В них было нечто замечательное, как по их цвету, так и по манере глядеть — прямой и открытой. Они поразительно отличались от черных сверкающих глаз его итальянских солдат, точно так же, как светло-коричневые волосы, ниспадающие по его плечам, были не похожи на их блестящие черные кудри. Лицо его было красным, загорелым. Крупные усы и светлая борода придавали его открытому овальному лицу воинственное выражение… На нем была красная блуза. На голове — маленькая черная шапка с черными страусовыми перьями».

Положение Рима было угрожающим. В среде римских триумвиров и депутатов царили смятение и нерешительность. Триумвир Армеллини пытался даже доказывать, что следует «дружески принять французские войска, так как они окажут помощь против австрийцев».

Когда два делегата римского правительства, отправленные в Чивита-Веккию с решительным протестом против насилия, встретились на полпути с представителями Удино — полковником Лебланом и двумя другими офицерами (25 апреля), — Леблан был «страшно поражен» этим протестом и «возмущен» неуместным термином «вторжение».

— Помилуйте! — воскликнул бравый французский

полковник, симулируя благородное негодование. — Ведь основная цель нашей экспедиции — защитить вашу республику от австрийцев! Мы намерены поддержать правительство, избранное большинством народа, и добиться полного примирения Пия IX с римским народом.

Но римское правительство уже поняло подлинные намерения врага и постановило «на насилие ответить насилием». Мадзини отказался от своей идеализации «братской Французской республики», и Рим начал готовиться к обороне. В течение целой недели велась лихорадочная работа. Четыре литейные печи пылали день и ночь. Спешно изготовлялись снаряды, отливались пушки, чинились испорченные орудия. Под наблюдением опытных мастеров женщины и дети изготовляли порох и патроны. Баррикадная комиссия (Чернуски, Каттабене, Кальдези) организовала укрепление каждой улицы, всех городских ворот. В одном из своих воззваний они писали: «Наука баррикадного боя доступна всякому. Главное, это раз навсегда решить: «Мы больше не хотим владычества духовенства!» Французы хотят нам преподнести этот подарок. Пусть они оставят его себе… Граждане, сохраняйте лишь тот порядок, который они называют «анархией», — и республика победит!»

Между тем, выступив из Чивита-Веккии, генерал Удино занял 28 апреля Пало, 29-го — Кастель Гвидо. Оттуда он отправил к городу группу разведчиков. В том месте, где Via Aurélia делится на две ветви — «Старую» и «Новую», на страже стояли римские республиканские солдаты.

— Что вам нужно? — крикнули они иностранным солдатам.

— Мы идем в Рим!

— Вы не войдете в Рим!

— И все-таки мы войдем — во имя Французской республики!

— Во имя Римской республики — назад!

— Огонь! — скомандовал французский офицер (брат генерала Удино). Началась стычка.

На рассвете 30 апреля Удино подступил к Риму. Увидев вдали передовые части французов, римляне ударили в набат. Мгновенно укрепления покрылись тысячами граждан, получивших в арсенале оружие. Те, у кого не было оружия, занялись перевозкой раненых и убитых, транспортировкой провизии и боеприпасов. Шесть тысяч женщин предложили свои услуги госпиталям. Храбрые римлянки воодушевляли мужей и братьев и посылали в бой взрослых сыновей.

Позиции защитников Рима страдали серьезными недостатками: западные стены их укреплений были расположены ниже, чем возвышенность парков Корсини и Памфили,

господствовавшая над городом. Гарибальди сразу понял, что отдать эту гору неприятелю было бы гибелью для Рима, и в тот же день поспешил занять эту высоту. Расположившись на возвышенной террасе виллы Корсини, Гарибальди мог следить за передвижением неприятеля, который собирался атаковать ворота Пертуза.

Первая атака Удино была успешно отбита. С городских стен грянуло несколько пушечных выстрелов, давших понять интервентам, что итальянцы собираются драться всерьез. Тогда французская батарея открыла огонь по Ватикану. Французы снова бросились в атаку, на этот раз на ворота Кавалледжиери, но не устояли перед огнем римских батарей и снова отступили. Удино сделал последнюю попытку: он велел одной из своих колонн с батареей обойти с севера выступ городских стен, защищающих Ватикан. Он надеялся ворваться в ворота Анджелика. Но обход по скверной дороге, по крутому склону оказался чересчур трудным для французов, тем более, что римская артиллерия продолжала их нещадно истреблять.

И тут-то Гарибальди впервые обрушился на неприятеля с юга. «Глубокая тропа»[31], отделявшая его от французов, пролегала по цветущей долине, покрытой виноградниками, и соединяла ворота Сан Панкрацио с главной дорогой в гавань Чивита-Веккии. По этой тропе двигались тысячи пехотинцев 20-го французского линейного полка; они шли на помощь своему арьергарду и правому флангу. Гарибальдийский авангард, состоявший из двухсот-трехсот студентов и ремесленников, с жаром напал на французов. Несмотря на храбрость добровольцев Гарибальди, прекрасно дисциплинированные французские войска оттеснили их почти до самых стен Рима. Тогда Гарибальди двинул в бой резервы под командой полковника Галлетти, выступившего из ворот Сан Панкрацио с восемьюстами опытных бойцов. Вместе с ними двигалась рота юных студентов, которые шли в бой первый раз в жизни.

Взбегая по холмам, перебираясь через глубокий ров, отделявший виллу Корсини от парка Памфили, гарибальдийцы ринулись в бой. Среди них ясно можно было различить «тигров Монтевидео» — длинноволосых, бородатых людей в красных, ниспадавших до колен рубахах. В шуме и хаосе сражения возвышался на своем коне Гарибальди в белом американском пончо, невозмутимый и величественно-спокойный в самые опасные минуты.

Огромными усилиями гарибальдийцы отбросили неприятеля с территории виллы Памфили на север от «Глубокой тропы». Перелезши через стену, гарибальдийцы ворвались в

виноградники, которыми густо поросла долина, и снова началась рукопашная.

Французов совершенно ошеломила безумная отвага этих «дикарей и молокососов». Атакой руководил сам Гарибальди. Он показал неприятелю, что такое штыковой бой гарибальдийцев и в открытом бою разбил наголову французов, считавшихся тогда лучшими солдатами в мире. Он захватил виллу Памфили и взял в плен триста шестьдесят пять человек (кроме того, пятьсот французов в этом бою было убито и ранено). Сам Гарибальди был ранен, но ни словом не обмолвился об этом. Он твердо решил использовать победу до конца: гнать разбитого противника до морского берега и отрезать ему отступление к кораблям в Чивита-Веккии.

Каково же было его негодование, когда римское правительство, по настоянию Мадзини, приказало прекратить преследование. Гарибальди вынужден был подчиниться. За эту ошибку триумвиров Риму пришлось потом дорого поплатиться.

Отчего же Мадзини не позволил Гарибальди использовать свою победу до конца? Здесь сказалась во всей силе доктринерская убежденность Мадзини, что «республиканская» Франция не может питать злых намерений по отношению к братской Римской республике. Мадзини боялся «слишком рассердить» Луи Наполеона, того самого Луи Наполеона, который вскоре стал императором и сыграл решающую роль в подавлении национально-освободительного движения в Италии.

Действительно, с внешней стороны дело обстояло будто бы так, как рассчитывал Мадзини. Учредительное собрание в Париже выразило недовольство действиями генерала Удино и приняло резолюцию: «Собрание приглашает правительство безотлагательно принять необходимые меры, чтобы итальянская экспедиция более не отвлекалась от предназначенной ей цели». В Рим послан был для мирных переговоров ловкий и красноречивый Фердинанд Лессепс[32]. Но одновременно с этим Лессепс получил от президента Луи Наполеона тайные инструкции противоположного характера. Озлобленный поражением войск Удино и желая восстановить репутацию своей армии, Луи Наполеон попросту стремился выиграть время, чтобы успеть отправить в Италию новые подкрепления.

Лессепсу удалось заключить перемирие на тридцать дней. Тем временем Учредительное собрание в Париже сменилось Законодательным, в котором большинство принадлежало уже католической партии. Это реакционное собрание одобрило действия Удино, и 31 мая Лессепс, выполнивший свою «миссию», был отозван.

Римляне очень приветливо обходились с пленными французскими солдатами, говорившими, что их обманули заявлением, будто «они идут защищать Рим от австрийцев и неаполитанцев». Несколько сот пленных французов было освобождено, за что генерал Удино выразил римскому правительству свою «признательность».

Тем временем над Римом нависла новая опасность: с юга началось наступление реакционных войск неаполитанского короля Фердинанда II, решившего использовать затруднительное положение молодой Римской республики.

Гарибальди выступил против двадцатитысячной армии неаполитанцев, разбил их в первом же бою и взял много пленных. Встретив неаполитанцев при Веллетри, Гарибальди с авангардом напал на лагерь противника и одержал победу, заставив противника отступить в беспорядочном бегстве.

Но дальнейшие попытки Гарибальди выбросить врага за пределы республики встретили сопротивление со стороны главнокомандующего Римской республики Росселли — малоспособного и политически весьма «умеренного» генерала, который упорно тормозил его инициативу. В ту минуту, когда неаполитанцы в панике отступали, Гарибальди заявил Росселли:

— Разрешите мне со свежими силами ударить неприятелю в тыл и с флангов!

Но упрямый Росселли не соглашался.

— Это не отступление, — сухо заявил он, — а маневр: неаполитанцы попросту перестраиваются, чтобы напасть на нас.

— Помилуйте, какой же это маневр? — воскликнул взбешенный Гарибальди (из окна дома Блази, где происходил разговор, прекрасно видна была дорога, усыпанная мчащимися повозками и бегущими солдатами). — Неужели вы не видите, что враг бежит? Завтра в Веллетри не будет ни единого бурбонского солдата!

Однако Росселли настаивал на своем. Нахлобучив в гневе шапку на лоб, Гарибальди вышел во двор и всю ночь провел под открытым небом. Ночью он послал Дандоло с сорока людьми на разведку. Разведчики подтвердили, что Веллетри оставлен неаполитанцами. Можно себе представить тяжелую обиду и возмущение Гарибальди!

Ночь с 19 на 20 мая Гарибальди провел без сна. Он не пил и не ел ничего, здоровье его заметно ухудшилось: в последнем бою он был ранен и сильно помят вражеской лошадью. Но не физические, а нравственные страдания были для него тяжелее всего…

На рассвете он получил от Росселли неожиданный приказ:

послать часть солдат для преследования бегущих. Гарибальди тотчас написал генералу письмо, прося разрешения не останавливаться, пока его войска не проникнут на неаполитанскую территорию, население которой безусловно восстанет. Это предложение привело Росселли в ужас. Он немедленно снесся с военным министром Римской республики, указывая, что «затея Гарибальди связана с множеством трудностей». В ответ на это Рим отозвал, наконец, с фронта Росселли и большую часть его войск. Гарибальди с остатками армии получил разрешение наступать. Он занял Вальмонтоне, Фрозиноне, затем долину Лирас (по пути в Неаполь). Всюду население встречало его восторженно.

«В Рокка д'Арче к нам явились различные депутации из окрестных местностей, приветствуя нас как освободителей, требуя нашего вступления в королевство и уверяя, что весь народ нам симпатизирует и нас поддержит. В жизни народов, как и в жизни отдельных людей, бывают решительные моменты. Таков был и данный момент — решительный и торжественный… Мы находились в сердце бурбонского государства, на склонах Абруццских гор, население которых было расположено в нашу пользу… К этому надо добавить деморализацию разбитого вражеского войска, пыл наших юных воинов-победителей, настроение Сицилии, далеко еще не укрощенной. Все это предвещало успех». На площади д'Арче Гарибальди произнес речь.

— Здесь решаются судьбы Италии, — заявил он. — Победа, одержанная под Капуей, отдаст в наши руки Италию.

Замечательное предсказание! Оно свидетельствовало о большом военном таланте и проницательности Гарибальди. Позже, уже в шестидесятых годах, своей победой под Волтурно он доказал, что план его вполне осуществим. Только взятие первоклассных крепостей Капуи и Гаеты позволило блестяще завершить освобождение всей Италии.

Но смелые планы Гарибальди не улыбались римским триумвирам. Они знали, что Анкона уже занята австрийскими войсками Вимпфена, что корпус Лихтенштейна уже приближается к Перуджии. Они решили «быть осторожными», и 27 мая Гарибальди был отозван в Рим.

В эти критические, дни ярче всего выявились расхождения между Мадзини и Гарибальди. Мадзини значительно хуже разбирался в военно-стратегической обстановке, чем Гарибальди, и не умел оценить по достоинству его смелых планов. Даже сейчас, когда французские войска подступили к Риму, еще можно было спасти положение, если начать подлинную «отечественную

войну» и сохранить живую силу республиканской армии, в случае надобности даже пожертвовав временно Римом. «Если бы Мадзини, слово которого было абсолютно решающим в триумвирате, — жалуется Гарибальди в «Мемуарах», — понял, наконец, что и я тоже кое-что смыслю в военном деле… и позволил мне вторгнуться в Неаполитанское королевство, где население готово было встретить нас с распростертыми объятиями, — как бы все изменилось! Вместо этого он отзывает войска со всех концов республики — от бурбонской границы до Болоньи — и концентрирует их в Риме, преподнося их в виде лакомого куска французскому тирану. Мадзини не понимает, что Наполеон вместо 40000 человек готов послать, если понадобится, 100000, чтобы истребить наше войско одним ударом. Тот, кто знает Рим и его извилистую линию стен, тянущуюся на 18 миль, прекрасно понимает, что нельзя было защитить его с небольшой армией против огромного и прекрасно оснащенного технически неприятельского войска, каким были французы в 1849 году». Поэтому Гарибальди предлагал оставить для обороны только часть армии, удалиться с большей ее частью в глубь страны, где есть много неприступных позиций, и призвать к оружию все население страны. Вместе с тем принять решительные меры против духовенства, которому до сих пор была предоставлена полная возможность шпионить и интриговать против республики. Энгельс писал об этом моменте: «Поражение при Новаре причинило лишь стратегический ущерб… Этот ущерб совсем не имел бы значения, если бы вслед за проигранным сражением началась *подлинная революционная война,* если бы уцелевшая часть итальянской армии провозгласила себя ядром всеобщего национального восстания, если бы обычная стратегическая *война армий* превратилась в *народную войну,* подобную той, которую вели французы в 1793 году»[33].

Всего этого Мадзини не хотел и не мог сделать, так как боялся вовлечь в борьбу широкие массы. Упорно выдвигая свою формулу «бог и народ», он боялся ссориться с духовенством. Наконец, что важнее всего, Мадзини пренебрежительно относился к крестьянству, недооценивал его, как одну из движущих сил революции; в противоположность этому вопрос об отношении крестьянства к освободительному движению всегда сильно заботил и волновал Гарибальди, и он подчас находил (как мы увидим впоследствии) способ вовлечь крестьян в движение. «Триумвирам Римской республики 1848 года, — писал Маркс, — предоставившим крестьянам Кампаньи пребывать в более безнадежном порабощении, нежели рабство их предков эпохи Римской империи, было легко разглагольствовать насчет низкого

духовного уровня сельского населения»[34].

Подходя к Риму 1 июня, Гарибальди сделал последнюю попытку спасти положение и просил правительство дать ему неограниченные военные полномочия. Когда был получен уклончивый ответ, терпение Гарибальди истощилось; он послал Мадзини следующее письмо:

«Командование 1-й дивизии. Римская республика.

Мадзини! Вы спрашиваете меня, чего я хочу, и я отвечаю: для блага республики я могу быть полезным только в двух ролях — или неограниченного диктатора или просто солдата. Выбирайте.

Ваш *Дж. Гарибальди*»

Разумеется, Гарибальди говорил только о военной диктатуре. Мадзини, однако, и на этот раз его не послушался.

Измученные войска Гарибальди получили приказ готовиться к походу против австрийцев. Они надеялись хоть несколько дней отдохнуть в столице. Увы, почти всех их ждал отдых… в могиле! Вероломный французский генерал Удино неожиданно, раньше срока, напал на Рим и занял парк Памфили и виллу Корсини — «Казино Четырех Ветров». В ответ на упреки хитрый Удино хладнокровно объяснил, что он «только обещал не нападать на город, но отнюдь не на прилегающую к нему территорию». Сорокатысячная армия, шесть батарей, осадные орудия, большой отряд опытных инженеров и саперов, получивших специальную подготовку для осады и взятия Рима, — таковы были в тот момент силы интервентов.

Вступив в Рим, Гарибальди с ужасом увидел, что не было принято никаких мер, чтобы помешать Удино занять важнейшие опорные пункты! Когда Гарибальди узнал, что «Казино Четырех Ветров» занято французами, он с горечью воскликнул: «Consummatum est!» («Все кончено!»).

Позиция эта, как неоднократно и настойчиво указывал Гарибальди, являлась ключом к обороне города. Занимал ее, неприятель, укрытый и защищенный густой массой деревьев и кустов, множеством статуй, террас и парапетов, мог использовать свое положение с максимальным удобством. Наоборот, гарибальдийцам, получившим приказание идти в атаку на этот холм, приходилось подставлять грудь под убийственный огонь скрытого наверху неприятеля. Но другого выбора не было.

Чтобы спасти Рим, надо было взять эту позицию, и Гарибальди повел своих героев в этот замечательный бой.

«Рано утром, — вспоминает Гарибальди, — нас разбудил гром канонады и ружейных выстрелов у ворот Сан Панкрацио. Забили тревогу. Утомленные легионы мгновенно вооружились и двинулись к месту битвы… Я велел атаковать «Казино Четырех

Ветров». Я чувствовал, что от этого зависело спасение Рима».

Началось достопамятное сражение 3 июня, не имеющее себе равных даже среди многочисленных победоносных сражений гарибальдийцев. Это была беспримерная штыковая атака, кровопролитный рукопашный бой. Мужеством и самоотверженностью гарибальдийцы пытались возместить численное преимущество отлично вооруженного врага. Первыми в бой кинулись Мазина и Леджиеро во главе отряда храбрецов. Они ворвались за решетку «Казино Четырех Ветров», бросились вверх по тенистой аллее, где их встретил град пуль. Мазина был ранен в грудь, но продолжал мчаться на коне вверх по мраморной лестнице парка. Получив новую рану прямо в сердце* он упал, держа карабин в руке, зацепившись ногами за стремена… Французы стреляли из окон, из дверей, со стен, из-за живых изгородей и деревьев. Все же храбрецам удалось захватить виллу Корсини и штыками выбить оттуда французов. Гарибальди верхом на коне спокойно и твердо отдавал распоряжения. Белый пончо его развевался в самых опасных местах боя. В этой атаке пали самые доблестные его товарищи. Он горестно вспоминает в «Мемуарах»: «Мазина, Даверио, Дандоло, Раморино, Морозини, Паницци, Давид, Мелара, Перальто, Мамели, Минуто — какие имена! — и многие другие герои, имен которых не припомню, пали жертвой духовенства и солдат Французской республики, истреблявших своих братьев. 3 июня решило участь Рима».

Отчаянные усилия Гарибальди спасти город и удержать виллу Корсини были сопряжены с огромными жертвами. После гибели Мазина и Перальто в атаку бросился Дандоло с шестьюдесятью бойцами, из которых погибло двадцать пять, сам Дандоло был смертельно ранен. Но «Vascello» («Корабль») — важный ключ к позициям — все же перешел в руки защитников города. Французы в беспорядке отступили. Затем явилось новое подкрепление… Почти все офицеры батальона Манары погибли. Гарибальди послал старика Паллини с приказом Манаре: «Не щадя жизни, до последней минуты удерживайте Vascello, так как в этих стенах заключается единственная возможность защитить Рим, спасти, граждан и честь нашего оружия».

Сперва Vascello защищался отрядом Сакки, затем оборона этого пункта перешла в руки Манары и, наконец, Медичи…

Сражение 3 июня стоило Гарибальди тысячи человек ранеными и ста восьмидесяти убитыми. И все же Рима спасти не удалось. Между тем, если бы еще 30 апреля была исполнена просьба Гарибальди, если бы ему доверили верховное командование республиканскими силами, господствующие над городом позиции не оказались бы в руках неприятеля.

Главнокомандующим продолжал оставаться все тот же Росселли, самоуверенный военный теоретик, человек, лишенный веры в народное дело. Впоследствии он обвинял Гарибальди, что тот «испортил замечательный проект» обороны, подготовленный им, Росселли.

«После 3 июня, — писал Гарибальди в «Мемуарах», — не могло быть и речи о спасении Рима. С той минуты, как 40-тысячная армия французов с 36 орудиями и неограниченным количеством снарядов, имеющая возможность свободно получать подкрепления со стороны моря, оказалась в состоянии беспрепятственно подступить к городским стенам, — вопрос о сроке падения осажденного города был предрешен с математической точностью. Единственным утешением в такие минуты является лишь возможность с честью погибнуть на своем посту».

Тем не менее Гарибальди ухитрился защищать Рим в течение еще целого месяца, отстаивая каждый клочок римской земли. В эти трагические недели гарибальдийцы совершили немало исключительных подвигов.

12 июня, закончив подготовительные осадные работы, Удино прислал письмо, обращенное к жителям Рима. «Мы не несем вам войны, — нагло заявлял он, — напротив, мы пришли установить у вас порядок и защищать вашу свободу. Вы ошибочно истолковали в дурную сторону намерения нашего правительства. Мы просим вас пощадить исторический город, полный памятников античной древности. Если вы отвергнете наши предложения, ответственность падет на вас».

Это было неслыханным издевательством. Интервенты, вторгшиеся в чужую страну, с иезуитским лицемерием «молили» свои жертвы «пощадить памятники античной древности»!

Впрочем, лицемерие это пытались в самом Париже разоблачить республиканцы Законодательного собрания. Крайняя левая партия («партия Горы») заявила, что президент нарушил конституцию, и потребовала предания его суду. В ответ на призыв Ледрю Роллена и других левых депутатов сотни национальных гвардейцев и рабочих выступили 13 июня с криками: «Да здравствует конституция! Да здравствует Италия!» Войска стреляли в манифестантов и разогнали их.

Это выступление послужило поводом к окончательному разгрому «партии Горы» и уничтожению всех республиканских свобод во Франции.

В эти тревожные дни Гарибальди не забывал о своем верном друге и неустрашимом товарище Аните. 1 июня он написал ей в Ниццу ласковое письмо, рассказывая о событиях в Риме и

выражая беспокойство о ее здоровье.

«14 июня утром, — пишет Гарибальди в «Мемуарах», — мы завтракали в Вилле Спада… Я был несколько взволнован, так как только что приговорил к расстрелу одного нашего офицера-неаполитанца за то, что он струсил и покинул свой пост… Вдруг я услыхал в коридоре быстрые шаги. Дверь открылась, и я увидел Аниту, которая приехала ко мне в сопровождении Оригони. Дорогая Анита! Я прижал ее к своему сердцу. В эту минуту мне казалось, что все наши желания сбудутся!..»

Анита рассказала мужу о своих переживаниях. С опасностью для жизни пробиралась она через территорию, занятую неприятелем. В Тоскане ей удалось обмануть бдительность австрийских шпионов и избавиться от их слежки. Наконец она благополучно пробралась через французский фронт. Отныне Анита уже не расставалась со своим «Жозе» до самой своей смерти.

«В ночь на 29 июня последняя наша пушка была уничтожена неприятельскими снарядами, — продолжает Гарибальди в «Мемуарах». — Стены у ворот Сан Панкрацио и 9-й бастион рушились. Чтобы помешать исправлению брешей, французская артиллерия стреляла всю ночь. Это была ужасная ночь! Словно саваном покрыла она Рим. Бушевала гроза, сверкали молнии, и грохот громовых раскатов смешивался с громом орудийной канонады. В полночь гроза и грохот пушек стихли. В 2 часа утра снова грянули три пушечных выстрела. Неутомимые берсальеры вышли из Вилла Спада и бросились к воротам Сан Панкрацио. Обнажив шпагу, я помчался во главе их с пением национального гимна. Признаюсь, в эту минуту я потерял всякую надежду на будущее, у меня было только одно желание: умереть в бою! Я бросился со своими воинами в атаку. Во время этой кровавей стычки я неожиданно получил приказ Собрания: немедленно явиться в Капитолий… Галопом я помчался туда. Когда я появился в дверях Собрания, все депутаты встали и начали аплодировать. Я оглядывался в недоумении, не понимая, что могло их так воодушевить. Я был весь в крови, моя одежда пронизана пулями и изодрана штыками. Все закричали: «На трибуну! На трибуну!» Я поднялся на трибуну и был засыпан вопросами».

Это необычайное приглашение Гарибальди с линии огня в Капитолий объяснялось неотложной необходимостью решить: продолжать оборону города или нет? Мадзини заявлял, что и слышать не желает о капитуляции. При всеобщем гробовом молчании он приблизился к трибуне, взял лист бумаги и, разграфив его на три столбца, написал вверху каждого

следующие три предложения: I. Капитуляция. 2. Защита Рима баррикадными боями на улицах города, упорная защита каждой пяди земли. 3. Уход из Рима правительства, Собрания и войска с тем, чтобы начать войну с австрийцами.

Мадзини предложил каждому написать свое имя в одном из трех столбцов. За капитуляцию не было подано ни одного голоса.

В эту минуту в Собрание явился Гарибальди. Он не намерен был скрывать истинного положения вещей и напрямик объявил, что защита города невозможна.

— Правда, — добавил он, — можно еще завязать баррикадные бои по ту сторону Тибра, при том условии, если все население за два часа успеет перебраться в глубь города. Я должен, однако, поставить вас в известность, что даже такая самозащита может отсрочить падение города всего на несколько дней. Рим могла спасти лишь неограниченная военная власть энергичного военачальника, но меня не послушались. Сейчас уже поздно… Теперь не остается ничего более, как выступить из Рима с остатками храброго войска и драться за наше знамя до последней капли крови.

После того как Гарибальди покинул Собрание, отправившись обратно на позиции, выступил триумвир Чернуски. Бледный, срывающимся от волнения голосом он предложил следующую резолюцию:

«Во имя бога и народа, Римское учредительное собрание прекращает сопротивление, теперь уже немыслимое, и остается на своем посту».

Характерно, что даже сейчас республиканское правительство не решалось облечь Гарибальди всей полнотой военной власти. Ему дали только «равные права с генералом Росселли». Лишь утром 1 июля вопрос этот был снова поднят Мадзини, но теперь это уже не интересовало Гарибальди. «Сейчас уже поздно!» — заявил он.

В полдень 2 июля, еще до вступления французов в город, Гарибальди собрал на Ватиканской площади своих бойцов. Когда он появился на коне, по всему Борго прокатился гул восторженных криков: народ приветствовал своего любимого героя. По данному им знаку воцарилось молчание, и он громко воскликнул:

— Я ухожу из Рима. Всякий, кто хочет продолжать войну с чужеземцами, пусть следует за мной. Я не могу предложить вам ни почестей, ни наград. Все, что я предлагаю, это голод, жажда, форсированные марши, сражения и смерть. Тот, кому дорога родина, пусть следует за мной!

Он возвращался с площади среди возбужденных или убитых

горем людей. Многие рыдали. Один Гарибальди был молчалив и спокоен.

…В сумерках отряд в четыре тысячи человек тихо дожидался, пока стемнеет, чтобы выступить из Рима через ворота Сан Джиованни по тибуртинской дороге. С отрядом шли Чичеруаккио, по обыкновению веселый и жизнерадостный; длинноволосый монах-революционер Уго Басси с крестом на шее и кожаным мешочком у пояса, где хранилась сочиненная им поэма; Анита в мужском костюме. В некотором отдалении теснилась толпа провожавших. Люди стояли в колясках, взбирались друг другу на плечи, чтобы увидеть эту прощальную сцену. Около восьми часов вечера был отдан приказ выступать. Отныне хозяевами Рима стали французские офицеры, папские клевреты и австрийские шпионы. Опять тюрьмы заполнились арестованными, на виселицах болтались сторонники республики, просуществовавшей так недолго…

Мадзини в течение нескольких дней бродил переодетым по улицам Рима. Через неделю ему удалось бежать в Англию, где он и оставался почти до самой смерти.

***

Отступление Гарибальди с отрядом было сплошным подвигом, свидетельствовавшим о его необычайных военных способностях и замечательном искусстве маневрирования. В течение ряда месяцев Гарибальди много раз прорывался сквозь железное кольцо трех армий, не давая себя разбить.

В походе Гарибальди требовал, чтобы солдаты его отряда платили за провизию наличными. Все отлично знали, что их командир, не моргнув глазом, расстреливал мародеров на месте. Так, возле Орвието он велел расстрелять солдата, обокравшего одну бедную женщину.

Но, несмотря на безупречное поведение гарибальдийских отрядов, крестьяне областей, через которые они проходили, по-прежнему проявляли мало интереса к движению Гарибальди. «Выступив в Тиволи, — пишет он в «Мемуарах», — я продвинулся на север, чтобы проникнуть к жителям этой области и попытаться пробудить в них любовь к родине. Однако мне не только не удалось привлечь к нам хоть одного человека, но каждую ночь… дезертировал то один, то другой из последовавших за мной из Рима».

Как затравленный зверь, метался Гарибальди со своим непрерывно таявшим отрядом из одного конца Италии в другой.

«Австрийцы всюду нас разыскивали, — продолжает он, — через многочисленных шпионов, т. е. попов, этих неутомимых предателей страны, терпевшей их на свое несчастье, австрийцы знали, что наша группа тает с каждым днем. Большая часть жителей была деморализована, напугана и боялась навлечь на себя опасность. Даже за большую цену я не мог достать проводников. Наше положение стало критическим».

Гарибальди ненавидел реакционное духовенство своей родины и продолжал приписывать ему значительную долю своих неудач. Богатые монастыри трепетали при его приближении. Гарибальди заставлял их оплачивать все нужды проходящего отряда. В монастырях же он обычно размещал своих солдат. Бывали случаи, что озлобленные реакционеры-монахи стреляли в гарибальдийцев из-за стен монастырей.

Гарибальди сделал все, что было в его силах, чтобы поддерживать пламя освободительной борьбы как можно дольше. «Австрийцы, — писал Энгельс, — недооценили этого человека, которого они называют атаманом разбойников; а между тем, если бы они потрудились изучить историю осады Рима и его похода из Рима в Сан-Марино, то они признали бы в нем человека необычайного военного таланта, выдающегося бесстрашия и весьма находчивого…»[35]

Убедившись в том, что дело с военной точки зрения проиграно, Гарибальди решил искать со своим отрядом убежища на территории крохотной республики Сан-Марино. Другого исхода у него не было. Бежать некуда: со всех сторон надвигались австрийские полчища! Арьергард гарибальдийцев почти вплотную соприкасался с авангардом австрийцев.

Приблизившись к границе Сан-Марино вечером 30 июля, Гарибальди отправил в качестве делегата Уго Басси просить у сан-маринского правительства убежища и съестных припасов для отряда. «Первый капитан-регент» республики Бельцонни любезно принял делегата Гарибальди и объяснил ему, что никоим образом не может согласиться на нарушение нейтралитета Сан-Марино. «Что же касается съестных припасов, — добавил он, — то это другое дело. Это мы обязаны сделать во имя гуманности. Если гарибальдийцы голодны, завтра у самой границы им будет передано необходимое количество провизии».

Неожиданное нападение австрийцев, разбивших одну из небольших групп гарибальдийцев и отнявших у отряда единственную пушку, заставило Гарибальди перейти границу. Испуганные жители республики стали умолять Гарибальди по крайней мере не вступать в город Сан-Марино. В девять часов вечера Бельцонни изменил свое решение и, опасаясь конфликта,

пригласил гарибальдийцев в город. Он надеялся путем переговоров с австрийцами облегчить положение преследуемых.

— Мы готовы сложить оружие, — сказал Гарибальди, — если правительство Сан-Марино возьмет на себя труд переговоров и добьется, чтобы нам была сохранена жизнь и свобода. Обещаю, что если австрийцы нас не тронут, мы также не будем их атаковывать.

Вслед за тем Гарибальди написал приказ и прикрепил его у дверей монастыря капуцинов, расположенного у входа в город:

«Сан-Марино, 31 июля 1849 года.

Солдаты! Мы находимся сейчас в стране, которая согласилась дать нам убежище, и обязаны вести себя примерно. Я освобождаю вас от обязанности следовать за мною дальше. Отправляйтесь обратно на вашу родину, но помните, что Италия не должна пребывать в рабстве и позоре и что лучше умереть, чем жить рабами иноземцев!»

Правительство Сан-Марино решило сдержать слово и попытаться помочь гарибальдийцам своим посредничеством. Вот что рассказывает об этом очевидец событий Оресто Брицци: «Правительство отправило лейтенанта Браски к генерал-майору эрцгерцогу Эрнесту. Делегату было поручено узнать, не согласятся ли австрийцы на льготные условия капитуляции Гарибальди. Лейтенант Браски увидел в лагере эрцгерцога 2500 солдат, изнемогавших от жары, озлобленных, с нетерпением ждавших разгрома неуловимого Гарибальди. Эрцгерцог заявил делегату, что действует от имени Верховного пастыря (папы) против врагов законного правительства. Поэтому единственное условие, которое для них приемлемо: сдаться без всяких условий на милость их повелителя. Он обещал по возможности пощадить республику и не начинать первым боя».

Положение становилось все более напряженным. Наконец в Сан-Марино прибыл уполномоченный австрийцев, подписавший совместно с регентом Бельцонни акт под названием: «Условия посредничества законного правительства республики Сан-Марино в отношении отряда Гарибальди». Согласно этому акту, оружие и касса гарибальдийского отряда должны быть сданы представителю республики, а последним — австрийским властям. Солдатам отряда обещана была свобода, «кроме тех, которые были виновны в преступлениях общего характера». Гарибальди, его жене и членам его семьи разрешалось получить паспорта, но с обязательством выехать в Америку.

Узнав об этих условиях, Гарибальди в одиннадцать часов ночи созвал офицеров и друзей и, рассказав об условиях врага, воскликнул:

— Итак, решайте! Тем, кто хочет идти со мной, я предлагаю новые битвы, страдания, изгнание. Но с чужеземцем ни на какие сделки я не пойду!

Двести человек согласились следовать за Гарибальди. Среди них были самые надежные друзья: его верная подруга Анита, Уго Басси, Чичеруаккио, англичанин Форбс, Чеккальди, Леверьеро… Гарибальди решил пробиться в Венецию, истекавшую кровью в борьбе за независимость. В полночь небольшой отряд гарибальдийцев благополучно покинул территорию крохотной гостеприимной республики.

Вечером 1 августа они увидали берег Адриатического моря — в Чезенатико. Обезоружив нескольких карабинеров и австрийских солдат, Гарибальди вышел со своим отрядом на берег моря. Узнавшие его рыбаки отдали в распоряжение отряда тринадцать лодок. Усадив в них бойцов и немногих пленных, Гарибальди дал приказ плыть по направлению к Венеции. Республиканская Венеция была для него, как и раньше, обетованной страной, сверкающим маяком свободы!

Гарибальди был страшно удручен тяжелым состоянием здоровья Аниты, которая в то время была на шестом месяце беременности. Она мужественно скрывала свое недомогание, уверяя, что чувствует себя прекрасно. Эту замечательную женщину гораздо более тревожила участь Джузеппе и его товарищей. Но она была серьезно больна. В Сан-Марино у нее начались приступы злокачественной лихорадки. Лишенная в течение многих дней хорошей пищи, часто не имея даже возможности утолить жажду, босая, в лохмотьях, беременная Анита невыносимо страдала. Но она ни за что не желала покидать отряда. «Я настоятельно просил ее, — вспоминает Гарибальди, — остаться в каком-либо убежище, где можно было бы, по крайней мере, позаботиться о родах. Но все было напрасно. Ее мужественное, благородное сердце воспротивилось всем моим предостережениям».

Итак, Гарибальди плыл к берегам Венеции. К несчастью, ночь была лунная, и австрийские суда вскоре заметили беглецов. Гарибальди приказал лодкам держаться ближе к берегу, чтобы таким образом выйти из лунного света. Но это не помогло. Враг при свете ракет открыл пушечную пальбу и осыпал лодки ядрами. Часть лодок повернула к берегу. Не желая покидать товарищей, Гарибальди последовал за ними. Пристать к берегу удалось всего четырем лодкам. Остальные уже находились в руках неприятеля.

«Я предлагаю читателю, — писал впоследствии Гарибальди, — представить себе мое состояние в эти ужасные часы. Жена моя умирает; Враг с моря с необычайной скоростью

преследует нас по пятам. Перед нами перспектива высадиться на берег, где нас, по всей вероятности, ожидают многочисленные вражеские отряды — австрийские и папские. Как бы там ни было, мы пристали к берегу. Я взял на руки свою жену, спрыгнул на берег и положил ее на землю. Своим спутникам я приказал разделиться и поодиночке искать убежища. Мне было невозможно уйти отсюда, так как я не мог оставить умирающую жену».

В сопровождении преданного товарища Леджиеро и одного крестьянина, согласившегося показать им дорогу, Гарибальди с больной женой на руках шел среди тростников и кустов и добрался, наконец, до уединенной хижины на гречишном поле. Там беглецы укрылись.

Не прошло и часа, как Гарибальди увидел приближавшегося к хижине молодого человека, который делал ему таинственные знаки.

— Боннэ! — радостно воскликнул Гарибальди и обнял юношу.

Это действительно был Джоваккино (Нино) Боннэ, бывший ломбардский волонтер и пламенный патриот, с которым Гарибальди познакомился в Равенне. Пренебрегая опасностью, храбрый юноша следил за движением Гарибальди и пришел вовремя, чтобы помочь ему бежать.

Боннэ настоял на том, чтобы Гарибальди и Анита перебрались на ферму его родственника, где им был обеспечен надлежащий уход. Устроив их, Боннэ поспешил уехать в Комаккио. Там он сговорился с несколькими знакомыми сторожами, что они перевезут его «брата» и друзей в условленное место. Вернувшись на ферму, Боннэ, к своему ужасу, узнал, что хозяйка фермы требует немедленного отъезда Гарибальди и Аниты: она догадалась, кто такие ее гости.

В то же время выяснилось, что сторожа тоже заподозрили обман. Боннэ был в отчаянии. Видя, что другого выхода нет, он решился на смелый шаг: ом открыл сторожам всю правду и заявил напрямик, что они обязаны спасти Гарибальди. При этом он пообещал им кругленькую сумму. Расчет Боннэ оказался верным: движимые жадностью и страхом, сторожа дали свое согласие. Бережно уложив в барку больную Аниту, Боннэ приказал сторожам отвезти ее и Гарибальди на ферму Гвиччиоли, возле Санто Альберто, сам же распространил ложный слух, будто генерал Гарибальди со своим отрядом отплыл 3 августа в направлении Венеции. Эта хитрость обманула австрийские патрули, охранявшие побережье.

Удостоверившись в благополучном отплытии барки, Боннэ лег спать. Ночью взволнованная сестра разбудила его и сообщила,

что сторожа на середине пути отказались грести и высадили Гарибальди с женой на пристани Павьеро. Боннэ тотчас отрядил доверенного человека на розыски Гарибальди, сам, вскочив в кабриолет, поскакал на ферму Гвиччиоли, где узнал, что все спокойно и что хозяйка ждет гостей. Затем он помчался в Равенну, подготовил там все необходимое для побега, и утром 5 августа, успокоенный, вернулся на ферму Гвиччиоли.

К сожалению, все старания этого энергичного и преданного человека оказались бесполезными. Он узнал печальную новость: Гарибальди с женой удалось добраться до фермы, но состояние Аниты было уже безнадежным. 4 августа 1849 года она умерла на руках своего мужа. Гарибальди впоследствии описывал эту сцену так:

«Мы приехали в Мандриолу в телеге, в которой на матраце лежала Анита… Подняв матрац за четыре угла, мы положили ее в постель, мне почудилось в ее лице выражение смерти. Я пощупал пульс: сердце больше не билось! Передо мной лежал труп… Это была мать моих детей, которую я так любил! Что я теперь отвечу детям, если при встрече со мной спросят о ней? Горько оплакивал я потерю Аниты, неразлучного товарища во всех приключениях моей жизни!»

В эту минуту вбежал один из товарищей с криком: «Спасайтесь, идут австрийцы!»— и Гарибальди бежал, оставив труп жены в хижине чужих людей…

Трагична была участь друзей Гарибальди, с которыми он расстался во время высадки на берег: Уго Басси и Чичеруаккио попали в руки австрийцев, были подвергнуты пыткам и расстреляны, «Бедный старый Чичеруаккио! — с болью вспоминал потом Гарибальди. — Это был типичный честный труженик из среды народа. Перед ним зияло девять свежевыкопанных ям, в которые должны были лечь он, его товарищи и сыновья. Младшему из сыновей было всего тринадцать лет. Все были расстреляны и зарыты, увы, итальянскими руками. Чужой солдат был хозяином в стране: он командовал своими рабами, и слушаться нужно было безоговорочно».

***

Во время своего бегства Гарибальди мог убедиться, как много друзей и единомышленников находилось у него повсюду. Руки неведомых благожелателей бережно и заботливо переправляли его из одного места в другое. Не раз, сидя в остерии (таверне), слыхал он совещания австрийских жандармов, разыскивавших

его. К счастью, все обходилось благополучно. Несмотря на опасность, Гарибальди не уступал просьбам друзей и не хотел сбрить свою характерную золотисто-рыжеватую бороду и остричь пышную шевелюру.

После долгих и мучительных скитаний он приехал, наконец, в родные края — в пьемонтский город Кьявари. Несмотря на всеобщее негодование, губернатор провинции граф де Коссилья арестовал Гарибальди и под охраной карабинеров отправил в Геную. 7 сентября, по приказу пьемонтского правительства, Гарибальди препроводили под конвоем в герцогский дворец. В ответ на возмущение населения Генуи генерал Ламармора заявил, что Гарибальди содержится во дворце в качестве «арестованного, а не пленника». Было, впрочем, трудно понять, в чем заключалась разница.

Весть об аресте национального героя, народного трибуна, которому Италия была стольким обязана, мгновенно облетела и другие города. Граждане Кьявари обратились к правительству с письменным протестом. Уже на следующий день после прибытия Гарибальди в Геную в парламенте произносились возмущенные речи. Старик депутат Баралис в яркой речи рассказал о подвигах и переживаниях великого защитника Рима. По окончании рассказа в палате воцарилось напряженное молчание, во время которого все взоры были устремлены на министра Пинелли. Побледнев и смутившись, Пинелли сослался в свое оправдание на § 35 гражданского кодекса, по которому всякий подданный, поступивший без разрешения государя на военную службу другой страны, лишается праз гражданства. Следовательно, утверждал министр, Гарибальди, став генералом Римской республики, этим самым потерял права пьемонтского гражданства. Это заявление вызвало бурю негодования и протестов, особенно после того, как Пинелли добавил, что правительство «считает неразумным разрешить генералу Гарибальди пребывание в стране». Выступившие затем члены парламента вскрыли все лицемерие и низость такого отношения к великому патриоту и борцу за национальную свободу.

Была принята резолюция: «Палата заявляет, что арест генерала Гарибальди и предстоящее изгнание его из пределов Пьемонта является попранием священных прав, оскорблением национальных чувств и итальянской славы, — и переходит к порядку дня».

Пьемонтское правительство хотело любой ценой избавиться от «красного дьявола». Существует версия (Массимо д'Азелио), что Гарибальди была обещана субсидия в триста лир ежемесячно с условием, что он поселится в Тунисе, и что Гарибальди якобы

принял ее — не для себя, а для матери… Биограф Гарибальди Джесси Марио называет эту версию лживой и вздорной, так как материальное положение самого Гарибальди и его семьи во все время изгнания оставалось чрезвычайно тяжелым. Уезжая, он даже просил друзей и сыновей продать его ценную шпагу работы флорентинца Бартолини.

Пачеко-и-Обес, чрезвычайный посол Уругвайской республики, потребовал было освобождения Гарибальди, как генерала этой республики. Но Гарибальди не хотел уезжать в Америку, он надеялся еще принять участие в борьбе за освобождение Италии. В конце концов Гарибальди вынуждены были освободить, но обязали добровольно уехать в изгнание. Утром 15 сентября 1849 года его увезли в Ниццу под охраной переодетых карабинеров. Толпы ниццардцев восторженно встретили своего героя, своего «Пеппино»: мужчины/женщины и дети, родственники, друзья, военные — все обнимали его, целовали, каждый старался проявить к нему как можно больше внимания и ласки.

Но Гарибальди пришлось очень скоро расстаться с матерью, детьми и друзьями. 16 сентября на корабле «Сан Микеле» он уехал в Геную, а затем, пересев на судно «Триполи», отправился в изгнание — в Тунис.

В сущности, в Италии ему теперь делать было нечего. 22 августа пала последняя республика — Венецианская. Север и центр Италии снова находились в руках австрийцев. Всюду торжествовала реакция. В воззвании, выпущенном 20 ноября, новый пьемонтский король Виктор Эммануил доводил до сведения своих подданных, что он подписал «почетный и не разорительный» договор с Австрией и распустил пьемонтский парламент, «отказавшийся дать на это свое безусловное согласие»..

Так окончилась в Италии революция 1848–1849 годов. Революция эта не принесла объединения Италии и не уничтожила внутреннего и внешнего феодально-монархического гнета, тяготевшего над раздробленной и измученной страной. Основной причиной этого являлось недостаточное развитие городского пролетариата и слабое участие в национально-освободительной борьбе обнищавшего, разоренного крестьянства. Единственная в Италии демократическая партия республиканцев-мадзинистов не сумела вовлечь эти основные массы населения в движение и совершала ошибку за ошибкой, находясь в плену иллюзии, что объединение Италии может совершиться под руководством таких «народолюбцев», как папа римский или пьемонтский король. С другой стороны, умеренная либеральная буржуазия, боявшаяся народной революции как огня, не останавливалась ни перед

каким обманом и предательством, чтобы удержать руководство движением в своих руках и оттеснить на задний план республиканские низы. Этим либералы помогали таким «деятелям», как король Карл Альберт, спекулировать национально-освободительной борьбой в Италии на мировой бирже и каждый раз извлекать из подъема народного движения выгоду для своих корыстных династических целей.

Таким образом, в революции 1848–1849 годов уже отчетливо определились два пути воссоединения Италии, за которыми стояли различные классовые силы. Один путь — объединение страны «сверху», вокруг какой-либо из «отечественных» монархий: такова была программа крупной буржуазии и втянутых в орбиту капитализма прогрессивных помещиков. Другой — народный, «плебейский» путь объединения Италии «снизу» в борьбе за окончательное уничтожение феодального гнета и установление республиканского строя. Это был путь революционной мелкой буржуазии.

Гарибальди всеми своими помыслами принадлежал ко второму, революционно-демократическому лагерю, и он ярко показал это впоследствии, когда волна национально-освободительного движения поднялась в Италии в третий и последний раз.

В первые годы после поражения революции Гарибальди пришлось много скитаться. То одно, то другое итальянское правительство требовало его высылки. Из Туниса его заставили уехать на Мальту. Оттуда он переехал на остров Маддалену (в заливе св. Бонифация).

В 1850 году у острова Маддалены неожиданно бросил якорь военный корабль «Колумб», привезший изгнаннику приказание переселиться в Гибралтар. Но и в Гибралтаре Гарибальди не разрешили остаться больше нескольких дней. Около года он жил в Танжере, где приступил к составлению своих мемуаров, пользуясь гостеприимством либерального сардинского консула Карпането.

В конце 1850 года Гарибальди очутился на улицах Нью-Йорка. У него не было никаких средств к существованию, но зато он обладал крепкими руками и сильной волей. Он не гнушался никакой работой. Однажды он встретился с земляком-генуэзцем Меуччи, хозяином свечной фабрики, и тот принял его к себе рабочим. И вот герой Монтевидео, победитель полчищ Луи Бонапарта, великий революционер, слава которого гремела в обоих полушариях мира, сидел, окруженный котлами с топленым салом и связками фитилей, и усердно изготовлял свечи, чтобы не

умереть с голоду!

Но Гарибальди не унывал. В следующем, 1851 году счастье ему улыбнулось: в Нью-Йорк приехал его танжерский друг Франческо Карпането, совершавший с коммерческой целью поездки в разные страны мира. По приглашению Карпането Гарибальди отправился вместе с ним в дальнее плавание. Где они только не побывали! В Лиме, Перу (Южная Америка), Кантоне (Китай), Новой Зеландии…

В начале 1854 года Гарибальди, вернувшись из рейса в Китай, получил предложение отвести в Европу судно, купленное в Америке одним итальянцем. На пути его путешествия лежал Лондон, куда Гарибальди прибыл в конце февраля.

Встретившись в Лондоне с Мадзини, Гарибальди при его посредстве познакомился с известным русским революционером-эмигрантом А. И. Герценом и близко с ним сошелся. Характерен один разговор Гарибальди с Герценом. На вопрос Герцена, почему он, Гарибальди, предпочитает жизнь моряка спокойной оседлой жизни в каком-либо из демократических государств Европы, Гарибальди отвечал: «Что теперь делать в Европе? Привыкать к рабству, изменять себе или в Англии ходить по миру. Поселиться в Америке еще хуже: это — конец, это — страна «забвения родины», это — новое отечество, там другие интересы, все другое; люди, остающиеся в Америке, выпадают из рядов. Что же лучше моей мысли (и лицо его просветлело), что же лучше, как собраться в кучку, около нескольких мачт, и носиться по океану, закаляя себя в суровой жизни моряков, в борьбе с стихиями, с опасностью. Пловучая революция, готовая пристать к тому или другому берегу, независимая и недосягаемая!»[36]

Эти мысли неотвязно мучили Гарибальди в печальные годы второго изгнания. Среди тяжких лишений он ни на минуту не забывал о единственной цели своей жизни, которая составляла весь смысл его существования: об освобождении Италии.

В том же году Гарибальди побывал в родной Ницце. За пять лет плавания по далеким странам он накопил небольшое состояние. Присоединив к своим сбережениям маленькое наследство, доставшееся после умершего брата Феличе, Гарибальди смог приобрести часть островка Капрера[37], очаровавшего его своей дикой красотой. Отныне Капрера стал его постоянным местожительством. Там Гарибальди занимался сельским хозяйством, рыболовством, охотой, литературой (впоследствии он приобрел весь остров).

Славное имя Гарибальди по-прежнему волновало революционную молодежь Италии, мечтавшую о новом освободительном походе. Но Гарибальди вел себя очень

сдержанно. Он говорил своему другу Форести (в прошлом один из узников Шпильберга, в 1856 году вернувшийся из Америки в Италию):

— Мне не дают покоя многие славные юноши, которые хотят во что бы то ни стало, чтобы я стал во главе их и поднял новое национальное восстание.

— Что же ты им ответил?

— Сказал, что я одобряю их благородные патриотические намерения, но лучше немного повременить.

В этот период реакция в Италии достигла наибольшей силы. Восстания, организованные Мадзини в 1852 и 1853 годах и руководимые им из-за границы, были потоплены в крови. Партия Мадзини пережила раскол: из нее ушла значительная часть умеренно настроенных элементов. Мадзинист Манин, бывший глава славной Венецианской республики, обратился в 1855 году с письмом к пьемонтскому королю Виктору Эммануилу, предлагая ему помощь «всех республиканцев и патриотов» в деле объединения Италии. Граф Камилло Кавур, ставший главой пьемонтского правительства и возглавлявший либерально-монархическую клику, ловко играл на этих настроениях бывших республиканцев. Всячески заигрывая с патриотами, он стремился сделать их орудием своей политики, направленной к превращению савойской династии Пьемонта в знамя освобождения и воссоединения Италии.

В 1857 году Манин совместно с маркизом Паллавичино и Джузеппе Лафарина основал «Национальное общество» («Società Nationale Italiana»), стремившееся ориентировать национально-освободительное движение на савойскую династию и выставившее своим лозунгом «Италия и Виктор Эммануил».

Большой ошибкой Гарибальди явилось то, что, уступая просьбам своего бывшего друга Паллавичино, он обещал поддержку этому реакционному обществу и был зачислен в его ряды. Многих республиканцев, знавших и ценивших героическое революционное прошлое Гарибальди, неприятно поразил этот поступок. Передовая радикальная интеллигенция Италии горестно недоумевала: что сталось с ее любимым героем? Впрочем, активного участия в работе «Национального общества» Гарибальди не принимал. В 1859 году он окончательно убедился в реакционности этой организации и объявил о своем уходе из нее.

Между тем «партия действия» Мадзини не теряла надежды на подъем революции. В 1856 году Мадзини тайно приехал в Геную и организовал сбор средств на приобретение десяти тысяч ружей на случай восстания в провинции. Вскоре группа революционеров

затеяла экспедицию в Сапри (в Неаполитанском королевстве), чтобы поднять там восстание. Гарибальди отказался присоединиться к ним: он не верил в успех этого предприятия. Во главе заговора стоял социалист Карло Пизакане — одна из самых ярких и своеобразных фигур революционного движения в Италии. Ряд высказываний Пизакане свидетельствовал о том, что этот пламенный революционер был знаком с учением Маркса и глубоко понимал задачи борьбы угнетенных классов — пролетариата и крестьянства. Характерно, что все почти участники его экспедиции были рабочими.

Однако предприятие Пизакане было организовано по традиционным заговорщическим принципам мадзинистов и не могло не кончиться печально. 30 июня 1857 года триста человек его отряда высадились в Сапри и вскоре были разгромлены реакционерами. Тридцать пять человек были расстреляны на месте, остальные убиты в Санце, в том числе сам Пизакане и Джиованни Фальконе. Тяжело раненный в голову и руку, соратник Пизакане Никотера был брошен на берегу ручья. Затем его нашли, снова арестовали и, заковав в кандалы, отправили с другими товарищами в салернские казематы. Приговор суда был таков: Никотера, Гальяни, Сантандреа, Джордано, Валлетта, Лазала, Демартино приговорены к смертной казни, двое подсудимых — к каторжным работам, девять — к тридцати годам в кандалах, пятьдесят два — к двадцати пяти годам и т. д.

В это время Гарибальди продолжал жить на Капрере. Но это был только временный уход от борьбы. Старый революционный боец выжидал, ошибался, но далеко не оставил надежды на осуществление своей заветной мечты — освобождения и объединения измученной родины.

«АЛЬПИЙСКИЕ СТРЕЛКИ»

Остров Капрера, где поселился Гарибальди, представлял собой почти необитаемую массу гранита, кое-где поросшую диким кустарником и ароматными травами. Спустя три года кустарник вырубили. На горе вырос красивый белый домик с плоской крышей и небольшим куполом, а вокруг него — окруженные гранитной стеной большой огород, плодовый сад, молодые кипарисы, каштаны, фиговые деревья. Целыми днями Гарибальди трудился, принимая близко к сердцу всякие хозяйственные неприятности. Гостившая у него журналистка Эльпис Мелена, издавшая «Мемуары» Гарибальди на немецком языке, описывает такую сцену:

«…Когда я проснулась утром и подошла к окну, я б испуге отшатнулась: мимо промчалась рассвирепевшая корова с опущенной головой и поднятым хвостом, а вскоре появились гнавшиеся за ней Гарибальди и его дочь Тереза. Он вооружился ведром, она держала в руках скамейку для дойки. Спустя час, за завтраком, Гарибальди извинялся предо мной за отсутствие молока. «Видишь, Тереза, — с упреком воскликнул он, — это ты во всем виновата! Сколько раз говорил я: с животными надо обращаться ласково. Таким путем можно добиться гораздо большего, чем посредством побоев. Зони — прекрасная корова, но она не переносит, когда ее бьют!»

Работая в свободное время над своими «Мемуарами», Гарибальди много читал. Какими вопросами он интересовался? Ответ на это отчасти дает его библиотечка на Капрере. Наряду с английскими трактатами о навигации и военном искусстве там стояли томики Шекспира, Юнга, Байрона, «Космос» Гумбольдта, «Этика» Плутарха и «Басни» Лафонтена.

Среди этого мирного жития Гарибальди никогда не оставлял надежды, что о нем вспомнят. Он не ошибся: о нем «вспомнили». В конце 1858 года на остров явился представитель «Национального общества» Джузеппе Лафарина с важным поручением от графа Камилло ди Кавура. Кавур приглашал Гарибальди немедленно приехать в Турин.

Вот как характеризует Лафарину К. Маркс: «Лафарина — уроженец Сицилии, где он выделялся в 1848 году среди революционеров не столько действительной энергией или замечательными подвигами, сколько своей ненавистью к республиканской партии и интригами в пользу пьемонтских доктринеров. После поражения сицилийской революции он во время своего пребывания в Турине опубликовал объемистую

историю Италии, где изо всех сил превозносил савойскую династию и клеветал на Мадзини. Преданный Кавуру душой и телом, он пропитал «Национальную ассоциацию в пользу итальянского единства» бонапартистским духом…»[38]

Зачем понадобился Гарибальди Кавуру? Отшельник Капреры довольно скоро догадался, в чем дело: «Побывав в Турине, — пишет он в «Мемуарах», — я скоро понял, с кем мне пришлось иметь дело и чего от меня хотят. Гарибальди должен стать приманкой для волонтеров, должен появляться и исчезать!»

Хитрый Кавур прекрасно учитывал огромную популярность Гарибальди в народных массах. «Но в то же время, — замечает Гарибальди в «Мемуарах», — меня просили оставаться на заднем плане, чтобы не давать повода для дипломатических осложнений. Вот положение!.. Меня это огорчало, но что делать? Приходилось из двух зол выбирать меньшее».

Чтобы избавить страну от «большего зла» (гнета австрийцев), Гарибальди готов был примириться с «меньшим злом» — службой под знаменами пьемонтского короля. Он день и ночь мечтал о войне с Австрией, а сейчас для этого создалась очень благоприятная обстановка. После недавно закончившейся Крымской войны общественное мнение Европы было настроено против Австрии. С другой стороны, маленькое Пьемонтское государство сумело завоевать симпатии великих держав (Франции и Англии) тем, что вовремя присоединилось к их союзу против России: в апреле 1855 года пятнадцать тысяч пьемонтцев отплыли из Генуи в Крым. Эта помощь пришлась тогда очень кстати. В знак благодарности пьемонтскому посланнику милостиво разрешили участвовать в Парижском мирном конгрессе.

Участие Пьемонта в Крымской войне вызвало неудовольствие даже в пьемонтском парламенте, состоявшем из умеренных буржуа и помещиков. Что касается народных масс, то подготовка к Крымской войне вызвала в них сильное возмущение и недовольство, на что пьемонтское правительство ответило усилением террора. Кавур был непоколебим: в своей политике он настойчиво домогался благосклонности и покровительства «всемогущего» императора французов Наполеона III. Покровительство это было необходимо ему не столько для содействия национальному освободительному движению итальянцев в оккупированных австрийцами областях, сколько для борьбы с революцией внутри самого Пьемонтского королевства.

Кавур в своем меморандуме, цитированном в статье Маркса «Сардиния», писал по поводу отказа держав от обсуждения

итальянского вопроса: «Когда они [итальянцы] узнают об отрицательных результатах Парижского конгресса… то не может быть сомнения, что на миг уснувшее раздражение пробудится с большей яростью, чем когда бы то ни было. Итальянцы, убедившись, что им нечего больше ждать от дипломатии, с присущим им южным темпераментом снова бросятся в ряды разрушительной революционной партии, и Италия опять сделается очагом заговоров и беспорядков, которые, конечно, можно будет подавить с удвоенной суровостью, но которые малейшее движение в Европе заставят вновь разразиться с величайшей силой»[39]. Документ этот обличает подлинное лицо этого лисы-дипломата, злейшего врага революции, участвовавшего в национально-освободительном движении лишь постольку, поскольку можно было мешать его более широкому развертыванию, лишь для того, чтобы подавлять его с удвоенной суровостью. Об этом важно напомнить потому, что многие буржуазные историки ложно изображали Кавура «спасителем Италии».

Результатом дипломатических маневров Кавура явилось заключение союза с Францией. Недаром Кавур ездил «лечиться» на Пломбьерский курорт в Вогезах. Там он при личном свидании окончательно добился согласия Наполеона III на совместную с Пьемонтом войну против Австрии. Согласно уговору, Пьемонт должен был получить после победы над австрийцами Ломбардо-Венецианскую область, а Франция, в компенсацию за помощь, — Савойю и Ниццу. Конечно, французский император заботился здесь и о политических выгодах. «Луи Наполеон, — пишет Энгельс, — …готов был помочь Италии и Германии избавиться от раздробленности при условии, что Германия и Италия за каждый свой шаг к национальному объединению заплатят ему уступкой территории. Это не только давало удовлетворение французскому шовинизму и постепенно расширяло империю до границ 1801 года, но и снова ставило Францию в исключительное положение просвещенной державы, освободительницы народов, а Луи Наполеона — в положение защитника угнетенных национальностей»[40].

Итальянские республиканцы-эмигранты относились с вполне обоснованным недоверием к французскому «просвещенному другу», который в 1849 году безжалостно разгромил Рим и продолжал оккупировать Папскую область. В своем воззвании «К итальянцам» (Лондон, 28 февраля 1859 года) группа эмигрантов заявляла, что новый «союзник» Пьемонта — Наполеон III — является для итальянского народа не меньшим врагом, чем австрийский император.

Некоторые последствия этого «союза» предугадывал и Мадзини, писавший еще 15 декабря 1858 года в «Pensiero ed Azione». «Последствия войны на нашей территории под главенством Бонапарта будут таковы: 1. Воцарение династии Мюрата на юге итальянского полуострова. 2. Раздел Неаполитанского королевства на две части. 3. С переменой хозяина в итальянских провинциях будет невозможен никакой свободный режим, так как малейшая свобода, предоставленная Бонапартом Италии, смертельно ранила бы французское самолюбие: тот, кто является тираном в собственном доме, не может, не совершая самоубийства, предоставлять свободу другим. 4. Внезапный, пагубный мир, фатальный для восставших, подобно кампоформийскому миру, предающий во власть врага восставшие провинции. Луи Наполеон, боясь затяжной войны народов, примет первое же мирное предложение Австрии. Мирные намерения остальных держав принудят пьемонтского короля уступить любую территорию и предательски покинуть венецианские провинции и часть ломбардских. 5. И, наконец, в уплату за территориальные приобретения Пьемонт лишится свободы…»

Предсказания Мадзини во многом оказались верными, но Гарибальди не желал тогда слушать никаких предостережений. Он рассуждал так: прежде всего надо очистить итальянскую территорию от австрийцев, а там видно будет!

Впоследствии в «Мемуарах» Гарибальди так объяснял свою позицию в то время: «С того момента, когда я убедился, что Италия должна идти вместе с Виктором Эммануилом, чтобы избавиться от власти иностранцев, я счел своим долгом подчиняться его приказам, чего бы это мне ни стоило, заставляя даже молчать мою республиканскую совесть. Более того: я считал, что кем бы он (Виктор Эммануил) ни был, Италия должна предоставить ему всю полноту власти до тех пор, пока ее территория полностью не освободится от иностранного владычества. Таково было мое убеждение в 1859 году. Но сейчас оно изменилось, так как преступления монархии слишком велики. Мы можем собственными силами создать целый мир, а вместо этого предпочитаем пресмыкаться, ползать на коленях и умолять о помощи».

Заявление это в высшей степени характерно для Гарибальди. Безудержная жажда национального возрождения Италии, освобождения ее от ненавистных интервентов-австрийцев заставляла молчать даже его «республиканскую совесть». Но как далек был он от приписываемого ему фашистскими фальсификаторами «монархизма» даже в этот период!

2 февраля 1859 года Гарибальди вторично вызвали в Турин, где его принял король Виктор Эммануил.

В воздухе уже пахло близкой войной. В Италии повторяли многозначительную фразу Наполеона III, сказанную австрийскому послу Гюбнеру: «Я сожалею, что мои отношения с австрийским императором стали хуже, чем прежде». «Таймс», обсуждая перспективы предстоящей войны, подчеркивал, что Австрия не найдет поддержки ни в ком. Наполеон поставил Кавуру следующие условия своего вмешательства: Австрия должна *первой* начать войну, и революционеры не должны принимать участия в войне.

Однако Кавур вовсе не собирался упускать из рук такой ценный козырь, каким был Гарибальди. Кавур нашел ловкий выход: он превратил Гарибальди для внешнего мира из «частного лица» в генерала его величества короля Виктора Эммануила.

17 марта был опубликован декрет следующего содержания: «На основании §§ 4 и 6 королевского декрета 17 марта 1859 года, по предложению генерал-майора Чиальдини, мы уполномочиваем господина Джузеппе Гарибальди принять командование корпусом «Альпийских стрелков», с чином генерал-майора и правами, установленными вышеупомянутым декретом, и принести присягу. Председатель Совета министров *К. Кавур*».

Этим самым гарибальдийский корпус волонтеров был легализован, и Наполеону не к чему было придраться.

Наполеон III не случайно выдвигал требование, чтобы Австрия начала войну первой. Он хотел выступить перед всей Европой в роли поборника «мира» и «защитника» итальянской независимости. Кроме того, он не был еще вполне подготовлен в чисто военном отношении; для этого требовалось еще несколько месяцев. Поэтому Наполеон III, сдерживая нетерпение Кавура, затеял сложную дипломатическую игру, предложив созвать мирный конгресс для обсуждения итальянского вопроса. Предложение это было выгодно для Австрии, которая понимала неизбежность войны с Пьемонтом и усиленно готовилась к ней. Не желая путем отклонения созыва конгресса выставить себя зачинщиком войны и уступить лавры поборника мира Наполеону III, император Франц Иосиф выдвинул, как предварительное условие своего участия в конгрессе… разоружение Пьемонта. Тогда Наполеон выдвинул через посредство Англии встречное предложение — всеобщего разоружения. Разоблачая игру Наполеона, Австрия «приняла» это предложение как основу для созыва конгресса. Наполеон стал увиливать и еще больше затягивал переговоры. Австрия, почувствовав, что проволочка идет только на пользу Франции и Сардинии, направила 22 апреля

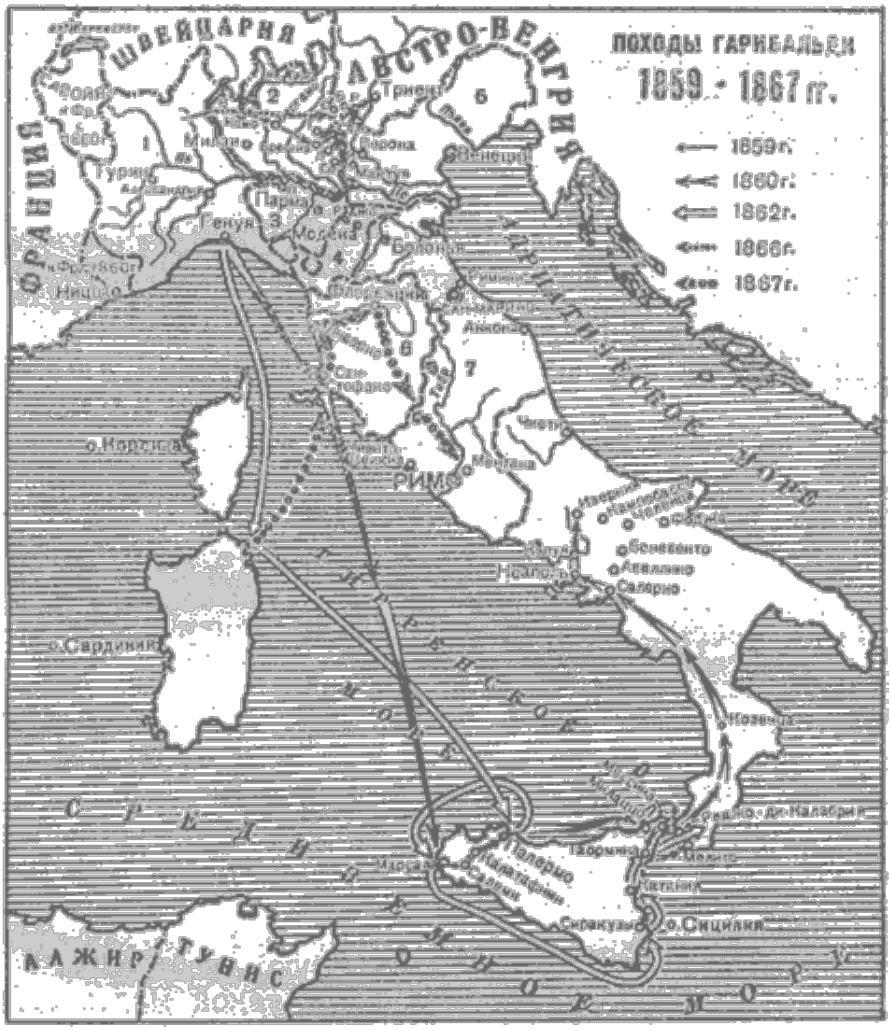
Сардинии невыполнимое ультимативное требование: разоружиться в трехдневный срок. Начало военных действий со стороны Австрии этим было предрешено.

Для характеристики Кавура прибавим, что он накануне получения австрийского ультиматума уже готов был… согласиться на разоружение и, изменив Наполеону, компенсировать Пьемонт династической сделкой с Австрией. Этому, однако, воспрепятствовал Виктор Эммануил, которому австрийский ультиматум дал основное, чего он добивался: ореол «защитника свободы Италии». 29 апреля 1859 года война началась: австрийские войска форсировали реку Тичино, а французские — перешли через Альпы.

В корпусе Гарибальди было не более трех с половиной тысяч добровольцев. Среди них находилось немало бывших мадзинистов, которые стали отовсюду стекаться на призыв Гарибальди. Без пушек, без достаточного снаряжения, без кавалерии, плохо вооруженные и экипированные, гарибальдийцы выступили в поход.

8 мая 1859 года Гарибальди получил инструкцию, написанную рукой короля: «Г-н генерал Гарибальди должен выступить с двойной целью: 1) преградить неприятелю путь к Турину и 2) отправившись через Ивреа и Биэллу, действовать на правом австрийском фланге у Лаго Маджиоре… Приказываю всем гражданским и военным властям оказывать всяческое, содействие генералу Гарибальди».

Стоит взглянуть на карту, чтобы убедиться, что указанную в инструкции «двойную цель» никак нельзя было осуществить, так как такой маленький отряд не мог одновременно охранять переправы через По у Брузаско и Кивассо и находиться гораздо севернее, в районе озера Лаго Маджиоре! Но Гарибальди покорно выполнил задание военного командования и добился, наконец, возможности идти к озеру Лаго Маджиоре. Его целью было обходным путем проникнуть в Ломбардию и поднять там восстание против австрийцев. Но с того момента, как позиции на По и Сезии были заняты союзными итало-французскими войсками, верховное командование уже не особенно нуждалось в Гарибальди; и как только «альпийские стрелки» ушли на север в горы, оно перестало ими интересоваться.

ПОХОДЫ ГАРИБАЛЬДИ В 1859–1867 ГОДАХ

На карте показаны буквами города: Б — Беццеки, В — Варезе, К — Кустоцца, Л — Лонато, П — Пьяченца, Р — Рива, С — Соро, Со — Сольферино, Т — Трепонти; цифрами — провинции: 1 — Пьемонт, 2 — Ломбардия, 3 — Парма, 4 — Модена, 5 — Венеция, 6 — Тоскана, 7 — Папская область.

Гарибальди продвигался с большим искусством и осторожностью, сбивая с толку неприятеля. Под проливным дождем, по горным тропам и тяжелым дорогам, он после ряда удачных сражений перешел, наконец, реку Тичино и вступил в

первый город Ломбардии — Варезе. Население встретило его восторженно, под звуки музыки, при свете факелов. Весть о походе Гарибальди разнеслась далеко по всей стране. Из соседних городов и деревень прибывали делегаты коммун и патриотических комитетов, стремясь поскорее увидеть великого Гарибальди и предложить ему свою поддержку.

«Трудно описать прием, оказанный нам в Варезе в ночь после переправы через Тичино, — вспоминает Гарибальди в «Мемуарах». — Я уверен, что, несмотря на сильный ливень, ни один житель — мужчина, женщина или ребенок — не остался дома. Было трогательно смотреть, как горожане и солдаты, ликуя, обнимали друг друга. Женщины и девушки отбросили свою обычную сдержанность и, кипя восторгом, кидались на шею суровым бойцам… Варезцы еще до нашего прибытия сорвали австрийские знамена, заменили их национальными и обезоружили австрийские форпосты и нескольких жандармов. Мы находились в дружественном городе, полном энтузиазма. Что значат все невзгоды, лишения и опасности, если они вознаграждаются подобной горячей благодарностью освобожденного народа! Я хотел бы, чтобы это зрелище увидели ненасытные, холодные эгоисты, торгующие народными судьбами!» — пламенно восклицает Гарибальди.

Кавур меньше всего интересовался настроением Гарибальди; энтузиасты революции, готовые умереть за свободу, являлись только пешками на шахматной доске хитрого пьемонтского дипломата. Однако, учитывая, какой горячей поддержкой пользуется Гарибальди среди широчайших масс Ломбардии, Кавур 24 мая лаконически телеграфировал Гарибальди в Варезе: «Insurrection générale et immédiate» («Всеобщее и немедленное восстание»), Кавур, разумеется, понимал, что народные революции не делаются по заказу, особенно когда «заказ» этот исходит от… королевского правительства. Он прекрасно знал также, что Ломбардия охраняется сорокатысячным войском австрийского генерала Урбана, за спиной которого стоит внушительная основная австрийская армия в двести тысяч человек. Чтобы восстание в Ломбардии было успешным, необходимо овладеть Миланом. Но что мог сделать Гарибальди со своими тремя тысячами стрелков, без кавалерии и артиллерии? Маркс писал Энгельсу 27 мая 1859 года: «По моему мнению, Гарибальди нарочно посылают на такие позиции, где он должен погибнуть»[41].

В тот же день от австрийской армии отделилась колонна под командой свирепого Урбана и форсированным маршем двинулась к Варезе. 25 мая разведчики гарибальдийцев обнаружили ее

авангард в Ольджиате (на дороге к Комо). На другое утро неприятель появился у холмов Бельфорте. Самоуверенный Урбан совершил две крупные ошибки: во-первых, большую часть войск оставил в резерве, в Сан Сальваторе, во-вторых, не сумел вовремя занять важную позицию (Верхнего Биумо). Между тем Гарибальди искусно распределил силы и повел бой так, что противнику казалось, что гарибальдийцы находятся в полном смятении. Увидев невдалеке застывших солдат Медичи, в неподвижной позе и не стрелявших, австрийцы стали кричать им «Fuori Garibalda! Ah, ah, Garibalda!» (по-видимому, они хотели сказать: «Гоните вон Гарибальди!»).

Но итальянцы терпеливо ждали и, подпустив австрийцев достаточно близко, сокрушительной штыковой атакой показали им, что с «Гарибальдой» шутить нельзя. Медичи ударил с фронта, Козенц — с фланга.

В это время Гарибальди находился на наблюдательном посту бельведера Виллы Понти. «Неприятель отступает!» — крикнул он. Спустившись с башенки, он вскочил на коня и галопом помчался по улице, лично руководя преследованием бегущих австрийцев. Враг отступал по всей линии до Бельфорте. Окрестное население, узнав о поражении австрийцев, было охвачено сильнейшим воодушевлением, жители Комо послали Гарибальди своих делегатов. Они сообщали, что его ждут с нетерпением, что многие деревни в районе Ларио уже восстали, несколько сот вооруженных повстанцев захватили на озере пароходы и готовы предоставить их в распоряжение революционной армии.

Генерал Урбан, получив в подкрепление две новые бригады (генерала Августина и Шаффготскую) и располагая десятью тысячами войска, занял позицию на путях, ведущих в Комо. Но и здесь он был разбит значительно меньшими силами гарибальдийцев. У Борго-Вико Гарибальди стал осторожно спускаться по крутым извилистым горным тропам к Комо. Узнав от разведчиков, что австрийцы покинули этот город, он вступил туда ночью.

«Вначале, — пишет Гарибальди в «Мемуарах», — население не знало, кто вошел, так как ночь была очень темной. Жители прятались в домах за закрытыми дверями и окнами, не было видно ни одного человека. Когда же они узнали по нашему произношению, что мы итальянцы, братья, разыгрались сцены, описать которые невозможно. С молниеносной быстротой город был освещен, окна усеяны людьми, улицы заполнились народом. Все колокола били в набат, и, думаю, это немало способствовало устрашению бежавшего неприятеля…

В то время как мы входили в одни ворота, неприятель

выходил из других. Не чувствуя себя в безопасности около Комо, он беспорядочно продолжал свой путь к Милану и оставил на складах Камерлаты много провианта и оружия».

Несмотря на эти замечательные победы, положение Гарибальди было очень непрочным. Он все дальше и дальше уходил от Пьемонта — своей главной военной базы — и почти потерял всякую связь с ним. Поэтому он решил вернуться к Варезе.

1 июня с Гарибальди произошел случай, впоследствии сыгравший некоторую роль в его личной жизни. Он ехал верхом по дороге из Сан Амброджио в Робарелло. Сидя в седле, он дремал, закутавшись в пончо. На дороге в облаке пыли показалась коляска, в которой сидели двое: молодая девушка и священник в рясе. Девушка велела остановить коляску и, к великому удивлению Гарибальди, обратилась прямо к нему:

— Генерал, меня зовут Джузеппина Раймонди.

— Раймонди! — Гарибальди был поражен: девичья фамилия его матери была тоже Раймонди! Но нет, это только простое совпадение.

— Я дочь маркиза Раймонди, — продолжала девушка, — я приехала сюда в сопровождении нашего капеллана и ехала через швейцарские горы специально, чтобы вас увидать, генерал. Наш город Комо в опасности. С минуты на минуту туда должны вступить австрийцы! Я приехала просить вас немедленно вернуться и оказать нам, жителям Комо, помощь!

С глубоким вниманием и интересом вглядывался Гарибальди в юную патриотку, совершившую трудное и опасное путешествие. Эта неожиданная встреча напомнила ему далекое невозвратное время… Более двадцати лет назад такая же юная энергичная девушка… Гордая осанка, смелый взор, любовь с первого взгляда, незабываемые слова: «Tu sarai mia!» («Ты будешь моей!») Как давно это было! Гарибальди подавил тяжелый вздох…

Он быстро написал письмо королевскому комиссару Комо — Висконти Веноста: «Я нахожусь на фронте, в районе Варезе. Думаю сегодня вечером атаковать неприятеля. Эвакуируйте из города всех, кто проявляет трусость. Пусть мужчины при поддержке нашего Камоцци и двух рот волонтеров постараются оказать возможно более энергичное сопротивление».

Но можно ли было рассчитывать, что эта неопытная девушка сумеет доставить письмо по назначению? Не надеясь на нее, Гарибальди отправил ко второму королевскому комиссару Камоцци двух гонцов, одного за другим, с приказом занять Сан Фермо.

Но от Камоцци не было ответа. Гарибальди начал

беспокоиться.

В непроглядном мраке двигались гарибальдийцы по комской дороге, приближаясь к Сан Фермо. Вдруг впереди них, совсем недалеко, послышался громкий возглас на чистейшем итальянском языке: «Alt-chi-va-lâ» («Стой, кто идет?») — «Это друзья, свои!» Окрестности огласились криками: «Evviva Italia! Viva Garibaldi!» Гарибальдийцы радостно встретили своих товарищей, бойцов Камоцци. Значит, тот выполнил приказ Гарибальди! С этого момента «альпийские стрелки» не шли, а летели: поход их превратился в триумфальное шествие. В Комо их встретили радостные крики, музыка, сотни ярко пылавших факелов. Жители города ликовали, сами не веря своему счастью: неужели они навсегда избавились от ненавистных австрийцев?

В это время в Турине о Гарибальди и об «альпийских стрелках» старались не вспоминать. Им не посылали ни подкреплений, ни провианта, ни оружия. Теперь после блестящих побед, одержанных революционной колонной, в то время как союзная итало-французская армия топталась на месте, правительство Кавура всполошилось, опасаясь развития революционного движения. Не изменила настроений кавуровской клики и победа союзных войск (пьемонтцев и французов) при Мадженте, изгнавшая австрийцев из Милана. Гарибальдийцев — «рассадников революционной заразы» — нужно было обезвредить.

Опасения, высказанные за две недели до того Марксом, были основательны: от «красных рубашек» *хотели избавиться*!

Ночью 15 июня Гарибальди получил телеграмму за подписью генерала делла Рокка: «Его величество желает, чтобы утром вы двинули свою дивизию в Лонато, куда вас будет сопровождать кавалерийская дивизия генерала Самбуи».

Результатом этого приказа явилось жестокое сражение при Трепонти, в котором погибло много храбрых гарибальдийцев. Дивизия Самбуи и не думала являться на помощь Гарибальди, и он с полным правом задает в своих «Мемуарах» вопрос *«Было ли известно, что главный штаб австрийского императора, центр двухсоттысячной армии, находится в Лонато?* Если же это знали, то зачем меня посылали с тысяча восьмьюстами добровольцев в Лонато? Зачем было обещать мне, что пошлют кавалерию и две батареи, если их даже и в помине не было? *Значит была расставлена ловушка,* в которую хотели завлечь меня и погубить горсть храбрецов, действовавших на нервы некоторым «великим полководцам»!»

Трепонтское поражение было единственной (спровоцированной!) неудачей Гарибальди. При содействии генерала Чиальдини он заставил австрийцев отступить и

продолжал свое победоносное движение. Он занял Лекко, Бергамо и Брешиу. Всюду население устраивало освободителям восторженные встречи.

Под напором «альпийских стрелков» и после проигранного сражения при Сольферино австрийцы отошли к своей главной опоре — «четырехугольнику крепостей». Вдруг произошло неожиданное событие, как громом поразившее всю Европу: 11 июля в Виллафранке было заключено перемирие — компромиссное соглашение, сразу ограничивавшее смелые мечтания итальянских патриотов. Австрийский и французский императоры обязались: «содействовать образованию итальянской конфедерации под почетным председательством папы». Австрийский император уступал свои права на Ломбардию Наполеону III, который «согласно воле народа передавал эти права пьемонтскому королю». Венеция оставалась подчиненной австрийцам. Себе Наполеон потребовал «сущую безделицу» — *Савойю и Ниццу*.

Чтобы понять, насколько чувствительна была бы для итальянцев эта потеря, следует ознакомиться с тем, что пишет Ф. Энгельс в статье «Савойя и Ницца»: «Несмотря на эти [предполагаемые] симпатии [к Франции] и на свой особый говор, Ницца — вполне итальянская страна. Это убедительнее всего доказывается тем обстоятельством, что она произвела лучшего итальянского солдата — Джузеппе Гарибальди. Представить себе Гарибальди французом было бы просто смешно.

Уступка обеих этих провинций с чисто финансовой точки зрения не нанесла бы большого ущерба Пьемонту… Ниццу, хотя и носящую итальянский характер, можно было бы принести в жертву ради объединения Северной и Центральной Италии… Но если подойти к вопросу с военной точки зрения, то дело представится в совершенно ином свете». Излагая различные преимущества обладания этими территориями для Франции, Энгельс говорит: «Даже в мирное время французы будут находиться у самых ворот двух крупнейших городов северо-западной Италии, и так как их территория будет почти окружать Пьемонт с трех сторон, то они смогут сделать совершенно невозможной концентрацию итальянской армии в долине верхнего По… Таким образом, центр обороны Пьемонта сразу же передвинется из Турина в Алессандрию; иначе говоря, сам Пьемонт будет не в силах серьезно защищаться и окажется во власти французов. Это и есть то, что Луи-Наполеон называет созданием «свободной и благодарной Италии, которая одной только Франции будет обязана своей независимостью…»

Этот, с виду невинный, план присоединения Савойи и Ниццы

означает не что иное, как *установление французского господства в Италии и Швейцарии и обеспечение Франции господствующего положения в Альпах*» [42] (курсив наш. — *А. Л.*).

По Виллафранкскому миру, в Парме, Модене и Тоскане восстанавливалась власть прежних государей. Реставрация старого режима в некоторых итальянских государствах вызвала бурю негодования на всем полуострове.

Разраставшееся возмущение народа закончилось взрывом. В Парме, Пьяченце, Модене, Реджо, Тоскане и Романье вспыхнули восстания, и герцоги, возвратившиеся на свои троны, были снова низложены. Гарибальди, томившийся в условиях скучной гарнизонной службы, узнав о новых событиях, бросился на помощь народному движению во Флоренцию, столицу Тосканы. Однако он сразу увидел, что кавуровская клика уже успела захватить движение в свои руки. Пьемонтский буржуазно-помещичий блок шел на все, лишь бы не допустить широкой народной революции.

В марте 1860 года был спешно проведен в Центральной Италии «плебисцит» по вопросу о присоединении к Пьемонту. Вопрос был решен положительно. Правда, без санкции Наполеона Виктор Эммануил обойтись не мог, а Наполеон в уплату за свое согласие требовал покончить дело с передачей Франции Ниццы и Савойи. В 1860 году в Савойе и Ницце был также проведен «плебисцит» в условиях жесточайшего террора и насилий.

Приехавший туда Гарибальди произнес в пьемонтском парламенте страстную обличительную речь, обвиняя Кавура в измене и требуя предания его суду, но ничего не помогло: покорная Кавуру палата утвердила соглашение с Наполеоном. Ницца и Савойя отошли к Франции.

Вскоре после заключения позорного мира Гарибальди, по настоянию короля, сложил с себя звание командира корпуса «альпийских стрелков» и должен был стать во главе объединенных войск Флоренции, Модены и Болоньи. Но неожиданно его подчинили генералу Фанти.

«Жалкие хитрецы! — презрительно замечает по этому поводу Гарибальди. — Разве в моем характере ставить условия, когда дело касается такого важного вопроса? Я принял командование над одной тосканской дивизией».

Генерал Фанти вначале горячо приветствовал идею Гарибальди двинуться на Папскую область» где папа Пий IX провел жестокие репрессии против населения. Но Фанти, под давлением клики короля Виктора Эммануила, изменил свое решение.

Он вызвал Гарибальди в Модену и в присутствии Лафарины и

королевского адъютанта Соларoли стал убеждать народного вождя отказаться от своего намерения. Этот разговор тянулся до позднего вечера. Наконец Фанти добился от Гарибальди согласия. Каковы же были изумление и ужас Фанти, когда через полтора часа он получил от Гарибальди следующую телеграмму: «В Мархии вспыхнула революция. Считаю своим долгом выступить на помощь революционерам».

Дело объяснялось просто. Гарибальди получил известие, что вся Мархия объята огнем восстания, и там с нетерпением ждут, чтобы он сдержал свое слово, то есть помог восставшим. Гарибальди немедленно выехал в Римини и той же ночью (12 ноября) стал во главе авангарда, который должен был перейти границу. Генерал Фанти тотчас же послал категорический приказ всем пограничным воинским частям — не повиноваться распоряжениям Гарибальди.

Гневу Гарибальди не было предела. Он помчался в Болонью. Рассвирепевший и грозный, он явился к Фанти и обрушился на него, требуя немедленного предоставления ему диктаторских полномочий. Генерал смущенно ссылался на… отсутствие инструкций из Турина. Граф Кавур прислал письмо, в котором указывал, что «единственное средство ликвидировать начавшуюся распрю — это предложить Гарибальди отказаться от командования». 14 ноября Гарибальди вызвали в Турин для переговоров с Виктором Эммануилом.

С возмущением рассказывает Гарибальди в своих «Мемуарах» о том, как все итальянские правительства, которым он предлагал свое сотрудничество во имя объединения и освобождения Италии, сперва использовали его, а затем старались от него отделаться. «А ведь я приехал из Америки, — пишет он, — чтобы служить своей родине, хотя бы в качестве простого солдата… В Риме (в 1849 году) министр Кампелло держал меня вдали от города… приказал ограничиться отрядом в 500 человек. В Пьемонте, в начале 1859 года, меня использовали, как знамя, выставленное для приманки добровольцев… Мне приказали не появляться публично, чтобы (как говорили) «не повредить пьемонтской дипломатии». Когда же я, наконец, прибыл на поле сражения, где мог бы кое-что совершить, мне не дали добровольцев, явившихся на мой призыв. Во Флоренции я без труда понял, что имею дело с теми же людьми. Сперва они пытались заманить меня верховным командованием, а затем завели со мной разговор о передаче командования Фанти. Я ничего не мог сделать в стране, в которой можно было сделать так много!»

На второй день после беседы с королем, заявившим, что он против нападения на Папскую область, Гарибальди опубликовал

манифест «К итальянцам»: «В своем желании достигнуть единственной цели, к которой стремится всякий честный итальянец, я считал, что мое положение в армии Центральной Италии требует свободы действий. Но всевозможные козни и лисьи хитрости лишили меня этой свободы, и поэтому я решил удалиться от военной службы». Далее Гарибальди призывает всех итальянцев «готовить деньги и оружие, чтобы дать достойный отпор каждому, кто захочет вернуть нас к старым бедствиям».

23 ноября он обратился к народу с новым воззванием. Он звал всех итальянцев жертвовать деньги в фонд «Миллиона ружей» (подписка эта была затеяна им еще в октябре). Став во главе общества «Вооруженная нация» («La Nazione Armato»), Гарибальди, однако, вынужден был, по настоянию короля, ликвидировать это общество, отличавшееся радикальными, левыми взглядами. С горькой иронией Гарибальди указывал в своем третьем воззвании: «Слова «вооруженная нация» ужаснули всех продажных людей и угнетателей как в самой Италии, так и за ее пределами. Толпа современных иезуитов испугалась и провозгласила анафему».

Нерешительность, проявленная Гарибальди в этот период, его уступки монархическому правительству, ведшему издевательскую политику в отношении заслуженного народного генерала, вызывали суровую критику у Маркса и Энгельса. Энгельс писал Марксу 4 ноября 1859 года: «Гарибальди играет, повидимому, несколько двусмысленную роль. Это не к лицу такому генералу. Он был вынужден протянуть чорту мизинец, а теперь уже, кажется, чорт схватил у него всю руку. Для Виктора-Эммануила, разумеется, было как нельзя более разумным сначала эксплоатировать Г[арибальди], а потом погубить его. Altro esempio [еще один пример] того, как далеко можно зайти в революциях с «одним практицизмом». Его все же жаль. С другой стороны, превосходно, что разоблачается ложь, будто Пьемонт является представителем итальянского единства»[43].

Под влиянием тяжелых разочарований Гарибальди стал мечтать об уходе от политики, о личной жизни. С обычной для него решительностью он отправился на виллу Фино (близ Комо), принадлежавшую маркизе Джузеппине Раймонди. Романтическая встреча в горах с этой смелой девушкой, прискакавшей издалека, чтобы пригласить его в Комо для спасения города, крепко запечатлелась в его памяти. Он не забывал ее ни во время походов, ни в боевых стычках. Гарибальди не учел ни своих лет, ни того, что итальянская аристократка и скромная креолка Анита были совершенно различными людьми. Он был влюблен в Джузеппину, и этого было достаточно! Ни с какими доводами

рассудка он не желал считаться.

Во второй половине декабря Гарибальди без всяких обиняков и дипломатических уверток заявил Джузеппине, что любит ее и просит ее руки. Отец, плененный мировой славой национального героя, дал согласие. Джузеппина колебалась. Она любила другого. Ей следовало бы чистосердечно признаться в этом, но… она предпочла это скрыть и приняла предложение.

24 января 1860 года в домашней капелле Фино была торжественно отпразднована свадьба Гарибальди и молодой светской красавицы Раймонди.

Странная судьба постигла этот брак. В день свадьбы Гарибальди получил анонимное письмо, в шаблонной форме извещавшее, что у него «есть счастливый соперник». Внешне спокойный Гарибальди обратился к новобрачной с вопросом — правда ли это? «Светская красавица» потупила голову и, не краснея, хладнокровно призналась, что обманула его… Гарибальди не сказал ни слова. Он вскочил на коня и в тот же вечер ускакал прочь с виллы Фино с глубокой раной в сердце.

С этого дня он больше никогда не виделся со своей «женой», хотя, по суровым правилам католического брака, был скован с ней целых двадцать лет![44] Он уехал на Капреру.

Так печально закончился для Гарибальди 1859 год.

СИЦИЛИЙСКИЙ ПОХОД «ТЫСЯЧИ»

Тысяча восемьсот шестидесятый год явился переломным этапом в жизни и деятельности Гарибальди.

До сих пор в своем горячем нетерпении добиться как можно скорее объединения Италии Гарибальди не останавливался перед соглашениями с пьемонтским королем Виктором Эммануилом. Но, к великому своему возмущению, он все больше убеждался, что Виктор Эммануил явно пресмыкается перед Бонапартом, что национально-освободительное движение используется этими монархами только в династических целях, но что никто из них нисколько не дорожит интересами своего народа. В «Мемуарах» Гарибальди следующим образом старается оправдать свое поведение в 1859 году: «Я сам, не задумываясь, бросился бы опять в водоворот революции, что, по всей вероятности, привело бы меня к успеху. Но ведь это все же была революция, к которой я должен был бы дать сигнал. Я должен был бы развязать все узы повиновения солдат и населения. Короче, меня удерживала боязнь повредить священному делу моей родины».

Гарибальди казалось, что неосторожным шагом он может разрушить то немногое, что было уже создано для объединения Италии. Ведь часть Италии объединилась уже под главенством Виктора Эммануила, и в ней было уже уничтожено австрийское иго.

После долгих колебаний Гарибальди пришел, однако, к убеждению, что придется действовать помимо короля и даже против его воли. «С королями или без них, а если понадобится, то и против всех королей мира!»

К такому выводу постепенно пришел Гарибальди.

Как пишет Энгельс, «в лице Гарибальди Италия имела героя античного склада, способного творить чудеса и творившего чудеса. С тысячью партизан он перевернул вверх дном Неаполитанское королевство, фактически объединил Италию, разорвал искусственную сеть бонапартистской политики. Италия была свободна и по существу объединена, — но не происками Луи Наполеона, а революцией»[45].

Вот как характеризовал бонапартистскую политику в Италии англичанин Коуэн (на лондонском «Митинге в честь Гарибальди», созванном двумя годами позже, в сентябре 1862 года): «Луи Бонапарту никогда не нужна была свободная Италия. То, чего он хочет, — это Сардинское королевство на севере, другое королевство на юге с королем Мюратом и третье в центре, куда он мог бы посадить своего кузена Плон-Плона. Эти три маленьких

монарха, связанные родственными узами с домом Бонапарта и вдохновляемые из Тюильри, обеспечили бы Луи Бонапарту значительное усиление его могущества в Европе. План был неплох, и его выполнение сделало бы честь его ловкости, но Гарибальди сорвал его».

Такая федерация монархий, тесно связанная родственными узами с домом Бонапарта, вдохновляемая из Рима реакционным папой, ничуть не улыбалась Гарибальди. Сильно повлияли на позицию Гарибальди в 1860 году непримиримые «мадзинисты», представители «партии действия» — Криспи, Фабрици и особенно Розалино Пило. Пило горячо доказывал Гарибальди, что освобождение итальянского народа надо начать с юга, с Сицилии, где господствовал деспотический режим неаполитанского короля Франциска II Бурбона, где крестьянство было особенно угнетено, находилось в вечной нужде и готово было восстать с оружием в руках.

Вот что писал по этому поводу Пило Гарибальди:

«Глубокоуважаемый генерал! Через посредство нашего друга Бертани я поставил вас в известность, что в Сицилии есть вполне конкретные возможности. Мы получили очень важное письмо, убедившее нас в твердом решении палермцев покончить с угнетающим их деспотизмом. Судя по вашим последним воззваниям, вы убеждены, что единственным исходом является вооружение народа, что народ должен собственными силами избавиться от иностранцев. Генерал, в наших силах сделать так, чтобы интересы Италии не были принесены в жертву «лисьей политике хитростей». Дайте согласие, и можете быть уверены, что весь юг Италии восстанет с криком: «Единение и свобода»!

Розалино Пило»

Гарибальди ответил следующим письмом:

«Я не остановлюсь ни перед каким предприятием, как бы рискованно оно ни было, лишь бы бороться с врагами нашей страны. Но в настоящее время я не нахожу удобным начинать революционное движение, даже если бы оно имело много шансов на успех… Надо ждать, пока итальянский народ не убедится в бесполезности дипломатических интриг доктринеров. Только тогда наступит подходящий момент для действия…

Дж. Гарибальди»

Но Розалино Пило не удовлетворился этим ответом и в новом письме продолжал настойчиво убеждать Гарибальди. Наконец, добыв при содействии Мадзини некоторые средства, Розалино и его товарищи снарядили небольшое судно, нагрузили его оружием и 9 апреля высадились в Мессине (Сицилия). Они приехали как раз вовремя: вся Сицилия была уже охвачена

восстанием. Лоцман, приведший судно, уехал в Ливорно, а оттуда на пароходе в Геную и лично передал Гарибальди письмо Розалино Пило.

Вот что рассказывает этот лоцман:

«Меня представили генералу, который принял меня благосклонно. Он с волнением прочел привезенное мною письмо и спросил:

— Чем же объяснить, что в сегодняшней газете сообщается, что движение в Сицилии уже подавлено?

— Генерал, — ответил я. — всего несколько дней, как я оттуда приехал. Я считаю невозможным, чтобы Бурбон в такой короткий срок мог подавить восстание, которое с каждым днем ширится все больше и больше. Розалино и Коррао уехали из Мессины в Палермо, чтобы там поднять народ. В тот вечер, когда мы входили в пролив, Мессина и ее окрестности уже восстали. Теперь, генерал, нам нужно ваше имя и ваша рука, иначе все рухнет.

Гарибальди скрестил руки на груди. Качая головой, потупив взор, пробормотал: «Но Наполеон?.. Но Кавур?» Видно, он хорошо помнил уроки прошлого года. Он задумался, и мы все не осмеливались проронить ни слова. Затем он решительно повернулся к молодому человеку, сидевшему у стола:

— А вы все туда поедете?

— Конечно, генерал!

— Ладно, на сколько же человек я могу рассчитывать?

— Три или четыре тысячи.

— Нет… нет… излишних жертв мне не нужно… Лучше немного, но надежные… Несколько больше тысячи, этого достаточно…

Известие о том, что восстание уже началось, сильно взволновало Гарибальди. Несколько дней назад он дал в Турине слово своим друзьям и соратникам — Франческо Криспи и Нино Биксио — стать во главе сицилийской экспедиции. Они умоляли его сделать это во имя спасения несчастной родины, наконец во имя жалости к населению острова. Гарибальди согласился, но с одним условием: к моменту отъезда он должен быть уверен, что восстание на острове еще не подавлено. В отношении оружия и денег главные надежды возлагались на «Комитет миллиона ружей», располагавший некоторой суммой. В людях также недостатков не было. Несколько тысяч человек ожидали только знака Гарибальди, чтобы без размышления кинуться в огонь и воду.

Волонтеры стекались отовсюду. Все с нетерпением ожидали, когда Гарибальди назначит срок отплытия.

Наконец он произнес долгожданное «Andiamo!» («Едем!»).

***

В ночь на 5 мая на улицах Генуи царило необычайное оживление. На перекрестках скоплялись кучки горожан, шептавших друг другу: «Отправление сегодня ночью». Отряды неизвестных людей торопливо и молча маршировали по улицам Генуи. Все они направлялись к воротам Пила. Биксио с группой товарищей совершили нападение на пароходы торговой фирмы Рубаттино — «Пьемонт» и «Ломбардо», стоявшие в порту, и завладели ими. (Это «нападение» было инсценировано не без молчаливого согласия владельцев фирмы Рубаттино). В полночь появился сам Гарибальди в пончо и красной рубашке, в нахлобученном на лоб сомбреро, вооруженный револьвером, кинжалом и саблей. Он вышел на набережную Кварты, и его тотчас окружила толпа волонтеров.

С оружием дело обстояло плохо. В фонд «Миллиона ружей» успели заготовить всего тысячу пятьсот ружей. Гарибальди послал в Милан для принятия этого оружия доверенных товарищей. К их изумлению, двери арсенала охранялись королевскими карабинерами, которые не позволили взять ни одного ружья.

— Чье это распоряжение? — спросили делегаты Гарибальди.

— Председателя совета министров Кавура.

Чувствуя, что новая экспедиция Гарибальди вызовет неудовольствие в Европе и, в частности, у его хозяина — Наполеона, Кавур делал все, чтобы иметь доказательства его противодействия предприятию Гарибальди.

Гарибальди охватила ярость. Но Лафарина вкрадчивым тоном заявил, что он «нашел выход из положения». Он предложил Гарибальди тысячу ружей и 8 тысяч лир деньгами. Другого исхода не было, и вместо прекрасного оружия, принадлежавшего комитету и оставшегося в Милане, пришлось взять ружья самого скверного качества.

«Скаредная щедрость высокопоставленных лисиц! — гневно восклицает Гарибальди в «Мемуарах». — Мои товарищи по битве расскажут, с каким жалким оружием они должны были сражаться под Калатафими против неприятелей, вооруженных прекрасными бурбонскими карабинами».

Бертани принес чек в шестьдесят тысяч лир на Генуэзский банк. Но как реализовать его в такой поздний час? Он отправился на квартиру к знакомым коммерсантам и с трудом собрал

тридцать тысяч франков наполеондорами.

Уже занималось утро. Трубы пароходов дымили. Все распоряжения были отданы. Звучным голосом Гарибальди скомандовал: «Avanti!» («Вперед!») Еще немного, и оба корабля превратились в два темных пятна на синей глади Лигурийского залива.

Утром 7 мая оба корабля бросили якорь у Таламоне, невдалеке от порта Сан Стефано и крепости Орбетелло. Гарибальди решил раздобыть здесь оружие для экспедиции и уполномочил полковника Тюрра отправиться в крепость Орбетелло. Комендант крепости майор Джорджини пришел в ужас, узнав, сколько оружия нужно Гарибальди и для какой цели. Но красноречивый, ловкий Тюрр сумел уговорить его, объяснив, что все это делается ради славы Италии, что его отказ может повлечь самые пагубные последствия, и Джорджини решился. Он лично отвез Гарибальди, пламенно желая увидеть этого великого человека, сто тысяч патронов, три полевых орудия и тысячу двести снарядов.

Заход в порт Таламоне имел и другую цель: здесь по приказу Гарибальди высадились шестьдесят добровольцев под командой Цамбианки, которым было поручено поднять восстание в Папской области. Гарибальди совершил большую оплошность, поставив во главе этой группы Цамбианки, бывшего жандармского полковника Римской республики 1849 года. Однако Гарибальди не столько рассчитывал на реальный успех действий Цамбианки, сколько пытался этим маневром отвлечь внимание от своей сицилийской экспедиции. Ради этого он опубликовал в Таламоне широковещательное воззвание «К итальянцам», призывавшее Мархию, Умбрию, Сабину, Рим, Неаполитанское королевство восстать, надеясь этим содействовать раздроблению враждебных сил.

«Пьемонт» и «Ломбардо» благополучно приближались к берегам Сицилии. Где-то невдалеке от них двигался неприятельский крейсер. Надо было быть очень осторожным. К глубокому огорчению Гарибальди, «Ломбардо», которым командовал Нино Биксио, шел так медленно, что с наступлением ночи скрылся из виду. Гарибальди приказал остановить на «Пьемонте» машины, потушить все огни и соблюдать полную тишину, чтобы не привлечь внимания вражеского крейсера. Тем временем Ломбардо» приближался. Увидев впереди себя какую-то неподвижную темную массу, капитан Биксио решил, что это вражеский фрегат. Страшная минута. Обливаясь холодным потом, дрожа от возбуждения, Биксио решил напасть на врага первым. Он твердо помнил наставления Гарибальди, говорившего:

«Биксио, если только случится столкнуться с врагом на море — сразу бери его на абордаж».

— Полный ход! — крикнул Биксио по телеграфу в машинное отделение, а рулевому велел держать курс прямо на таинственный фрегат. Еще минута — и началась бы стрельба. И вдруг среди мрака с борта неизвестного судна прозвучал громкий, спокойный голос:

— Oh! Capita-a-no Bi-xi-ooo! (Эй, капитан Биксио!)

— Гарибальди! — в один голос вскрикнули изумленные волонтеры. Сердце Биксио сжалось, и он с трудом проговорил:

— Да, генерал?

— Послушайте, что это вы делаете? Потопить нас задумали?

— Генерал… я не видел сигналов.

— Разве вы не видите, что поблизости вражеские крейсеры? Мы идем в Марсалу.

— Есть, генерал!

11 мая в час тридцать минут пополудни оба парохода Гарибальди приблизились к сицилийскому берегу, преследуемые двумя бурбонскими фрегатами — «Стромболи» и «Амалия». На рейде стояли два английских судна, прибывшие защищать интересы британских граждан Марсалы. Капитаны этих судов предупредили бурбонских офицеров, что будут соблюдать строгий нейтралитет. Бурбонские фрегаты открыли огонь по гарибальдийцам, которые спокойно начали высадку на берег. Люди, стоявшие на берегу, поражались, что на двух гарибальдийских судах уместилось так много людей. Снаряды рвались на суше, на молу, над барками рыбаков, падали в воду, но особого вреда гарибальдийцам не причиняли. Возможно, что капитаны фрегатов и не имели особенного желания убивать своих земляков-волонтеров. Во всяком случае, они не решились приблизиться к «Пьемонту» и «Ломбардов.

В три часа дня высадка благополучно закончилась. Впервые после выхода из Генуи волонтеры «тысячи» получили жалованье — по одной лире на брата. Гарибальди приказал испортить машины кораблей, которым неизбежно предстояло достаться неприятелю. Он опубликовал следующее воззвание:

«Сицилийцы!

Я привел к вам отряд бойцов, проявивших свою храбрость в боях в Ломбардии. Они откликнулись на призыв героической Сицилии. Теперь мы с вами, и единственное, к чему мы стремимся, это чтобы Сицилия стала свободной. Итак, к оружию!.. Сицилия еще раз покажет всему миру, как мощная воля объединенного народа освобождает страну от угнетателей.

Дж. Гарибальди»

В ближайшем сицилийском городке Салеми население встретило гарибальдийцев шумными приветствиями и звоном колоколов. Толпа горожан с оркестром вышла навстречу освободителям. Когда появился Гарибальди, экстаз сицилийцев достиг высшей силы. Толпа встретила его бурей возгласов. Все улицы и площади были забиты людьми. Сотни рук, сжимавших оружие, поднимались в воздух.

На острове разгорелась революция. На помощь «тысяче» отовсюду стекались партизаны. Во главе отряда «пиччинотти» обычно стоял какой-нибудь патриот, пользующийся всеобщим уважением. Вооружены были партизаны старинным огнестрельным оружием. В распоряжении каждого партизана имелось не больше трех-четырех патронов, которые он берег как зеницу ока. Колонна из шестисот партизан под командой Коппола спустилась в горы Сан Джулиано, где до сих пор пряталась от правительственных солдат. Прибыв вечером 13 мая в Салеми, она предложила свои услуги Гарибальди. Во главе другого отряда (около сотни человек) стоял францисканский монах фра Панталеоне. «Присоединяйтесь к нам, — сказал Гарибальди. — Вы будете нашим вторым Уго Басси». Этот монах в дальнейшем произносил горячие проповеди, восхваляя Гарибальди, и немало способствовал его популярности среди крестьян-католиков.

Всего, по словам Энгельса, к Гарибальди присоединилось «4 тысячи вооруженных крестьян». Этот факт чрезвычайно важен для понимания характера движения 1860 года в Сицилии: в стране с преобладающим крестьянским населением оно приобретало характер широкой, народной революции.

Гарибальди, посоветовавшись с руководителями местной республиканской партии, двинулся со своими войсками к Палермо. Он знал, что впереди его ждут друзья: высоты Сан Мартино (недалеко от Палермо) находились в руках Розалино Пило, вождя повстанцев. Кроме того, отряды партизан укрывались еще в горах, в разных местах острова.

Бурбонское правительство поняло, наконец, грозившую ему опасность. Оно двинуло навстречу Гарибальди регулярную колонну генерала Ланди — пять тысяч пехотинцев, четыре пушки и сотню кавалеристов.

14 мая Ланди прибыл в Калатафими и занял крайне выгодную позицию — гору, господствующую над путями в Палермо и Трапани. Калатафими — старинный сарацинский город. Вся эта местность носит странное название «Pianto de Romani» («Жалоба римлян»), в память поражения римского консула Аппия Клавдия в 263 году до нашей эры…

Несмотря на то, что неприятель начал наступать, Гарибальди

приказал своим генуэзским карабинерам не отвечать на выстрелы. Они выжидали, с трудом сдерживая свое нетерпение.

Но как только неприятель приблизился на ружейный выстрел, генуэзцы не вытерпели и с криками «Viva Garibaldi!», «Viva l'Italia!» бросились вперед со штыками наперевес.

«Целью нападения, — рассказывает Гарибальди, — было обратить в бегство неприятельский отряд и отбить две пушки. В наше намерение никоим образом не входило напасть на грозные позиции, занятые крупными силами неприятеля. Но кто мог удержать горячих доблестных добровольцев после того, как они опрокинули врага? Напрасно трубили сигнал к отступлению — наши его не слышали и действовали, как Нельсон[46] в битве при Копенгагене. Теперь нельзя было терять времени, иначе наш доблестный отряд был бы обречен на гибель. Я приказал немедленно трубить генеральное наступление».

Бурбонцы бежали на гору, под защиту пушек.

Под дождем пуль и ядер бесстрашные гарибальдийцы стали штурмовать высокую гору и постепенно заняли семь ее уступов, один за другим. Укрывшись вверху за скалами, неприятель имел полную возможность в упор расстреливать наступающих.

Первым из гарибальдийцев пал знаменосец Скиаффино — рослый генуэзец. Его знамя тотчас подхватил Менотти, сын Гарибальди, и храбро отбивал его у бурбонцев. Вскоре Менотти был ранен в правую руку и выронил знамя. На смену ему пришел новый гарибальдиец, и знамя удалось спасти. Вот экспансивный Биксио: он несется вперед, кричит, кипит, неистовствует. Полную противоположность ему представляет Сиртори, восседающий на жалкой кляче, весь в черном, застегнутый до подбородка. Среди бешеной сумятицы боя он едет медленно, бесстрастный и меланхоличный, похожий больше на священника, чем на солдата…

Гарибальди пишет об участи этого сражения: «Как прекрасна была твоя «тысяча», о Италия, когда она сражалась с разукрашенными в перья и позументы прислужниками тирании и прогнала их, словно стадо! Прекрасны были вы в вашей обычной одежде, в которой работали в своих мастерских, когда звуки трубы призвали вас к долгу. Прекрасны были вы в куртке и фуражке студента, в скромном платье каменщика, плотника и кузнеца».

Но не менее героическим было поведение самого Гарибальди. Карабкаясь с ловкостью горца по крутым склонам, он показывался в самых опасных местах, то и дело крича: «Avanti» («Вперед!»); он обращался с ласковыми словами к раненым, ободряя слабых, сдерживая чересчур ретивых.

Когда наступавшие очутились недалеко от гребня горы и оставалось взять только последнюю, седьмую, террасу, они почувствовали, что силы окончательно покидают их. Неприятельский огонь стал особенно ожесточенным, победа казалась почти немыслимой. Даже сам Биксио, неукротимый Биксио, наклонился к уху Гарибальди и шепнул ему:

— Генерал, я боюсь, что придется отступить…

— Нет, Биксио! — спокойно возразил Гарибальди. — Нет. Тут, на месте, решается судьба Италии: она будет единой или все мы умрем.

Из «тысячи» на верхней площадке оставалось не более трехсот человек.

— Еще одно усилие, дети мои, — воскликнул Гарибальди, — в последний раз! Несколько минут отдохните, а затем все разом в атаку!

Гарибальдийцы снова бросились вперед — и неприятель в ужасе бежал, покинув гору, спасаясь от отчаянных безумцев, которым сама смерть не была страшна.

Калатафими перешел в руки Гарибальди. Этой победой Гарибальди всегда гордился. «Калатафими! Когда я, переживший это сражение, буду лежать на смертном одре и на моих устах в последний раз появится гордая улыбка, — она будет вызвана воспоминанием о тебе, ибо я не знаю битвы, которая была бы славнее тебя» («Мемуары»).

Продвижение Гарибальди к Палермо продолжалось. Деморализованная армия Бурбона в беспорядке отступала, грабя и сжигая города и села на своем пути. Возбужденные крестьяне, вооружившись чем попало, стекались со всех концов в армию Гарибальди. В его распоряжении вместе с повстанческими отрядами находилось уже около восьми тысяч человек, хотя боеспособных из них было не более половины.

По настоянию перепуганного Ланди из Палермо выступили новые крупные силы бурбонских войск. Положение волонтеров ухудшилось, Против них выступила десятитысячная армия с твердым решением уничтожить дерзких пришельцев и захватить их вождя в плен. Первая встреча этой армии с гарибальдийцами произошла близ высот Парко, по дороге Палермо — Корлеоне. «Здесь-то, — пишет Энгельс, — Гарибальди и выказал себя блестящим генералом, способным не только к мелкой партизанской войне, но и к более значительным операциям… Умелым сочетанием наступления с притворными отступлениями Гарибальди заставил неаполитанского генерала посылать в этом направлении всё большее и большее количество войск из города, так что 24-го около 10 тысяч неаполитанцев оказались вне

города, в направлении Парко. Этого-то и надо было Гарибальди. Часть его сил немедленно вступила с ними в бой, постепенно отступая перед ними и увлекая их все дальше и дальше от города…»[47]

Вначале положение его казалось почти безнадежным. Чересчур уж неравны были силы борющихся. Под натиском огромных полчищ неприятеля, находясь под угрозой обхода с фланга, карабинеры Гарибальди оставили Парко. Они изнемогали от усталости. Но Гарибальди отлично знал, что делал: «Немедленно отправив пушки и обоз по главной дороге, я с ротой Каироли и отрядом партизан вышел навстречу второй неприятельской колонне, пытавшейся перерезать мне путь. Наш маневр оказался на редкость удачным, — короткой перестрелкой я остановил неприятеля».

Ожесточенный бой в горах длился несколько часов. С нетерпением ждал Гарибальди наступления темноты. Бурбонский главнокомандующий был настолько уверен в победе, что отложил бой на следующий день.

Но на следующее утро добыча ускользнула из его рук.

В течение всей ночи гарибальдийцы быстро отступали. Они вышли в Пиана де Гречи и несколько часов отдыхали; затем продолжали отступать. Дойдя до места, где корлеонская дорога раздваивалась, Гарибальди дал полковнику Орсини (одному из сицилийских эмигрантов, принявших активное участие в организации похода «тысячи») имевшиеся в отряде четыре пушки и обоз и приказал ему с ротой стрелков продолжать отступление до Корлеоне и дальше, отвлекая главные силы неприятеля. Сам Гарибальди с основной массой волонтеров свернул влево от дороги, двинулся через лес, холмы и долины к Маринео — красивому городку на вершине горы. Наконец-то измученные воины смогли отдохнуть в чианетском лесу.

Всю ночь с юго-запада гремела канонада: это усердствовали бурбонцы, воображая, что перед ними сам Гарибальди. Бурбонская армия не подозревала, что он уже находится вне пределов досягаемости — по ту сторону горного хребта. Одна часть врагов наступала в направлении Калатафими, другая продолжала с ожесточением преследовать уходящего Орсини, добросовестно выполнявшего задание. Командующий армией Боско недоумевал, куда же, собственно, исчезли гарибальдийцы. Встречные крестьяне, сочувствовавшие Гарибальди, сообщали, что по дороге в Корлеоне валяются брошенные повозки, лафеты, оружие… Значит, Гарибальди в панике отступает в этом направлении! Обрадованный Боско телеграфировал в Палермо: «Гарибальди бежит. Скрывается в горах. Скоро он будет в наших

руках».

В это время Гарибальди уже выходил на палермскую дорогу и располагался лагерем в монастыре горы Джибильроссе, где сосредоточились главные силы сицилийских партизан. Этой же ночью он готовился спуститься вниз и штурмовать Палермо.

Так Гарибальди одурачил неприятеля.

Энгельс восхищался военным талантом Гарибальди. Он писал: «…маневры, с помощью которых Гарибальди подготовил атаку на Палермо, сразу отмечают его как превосходного генерала. До сих пор мы знали его только как очень искусного и удачливого партизанского вождя; даже во время осады Рима его способ обороны города посредством постоянных вылазок почти не давал ему удобного случая подняться над этим уровнем. Но здесь он должен был предпринять крупные стратегические операции, и из этого испытания он вышел признанным мастером своего дела. Способ, каким ему удалось провести неаполитанского главнокомандующего, выславшего половину своих отрядов на большое расстояние от города, его быстрый фланговый марш и новое появление перед Палермо с той стороны, с которой его меньше всего ожидали, и его энергичный штурм, предпринятый в тот момент, когда гарнизон был ослаблен, — все эти операции в гораздо большей степени носят печать военного гения, чем всё то, что имело место во время итальянской войны 1859 года. Сицилийское восстание нашло в его лице первоклассного вождя…»

Характерны заключительные слова этой статьи Энгельса: «Будем надеяться, что политик Гарибальди, которому скоро предстоит появиться на сцене, не посрамит славы Гарибальди-генерала»[48]. Слова эти лишний раз подтверждают, с каким пристальным вниманием и сочувствием Маркс и Энгельс следили тогда за гарибальдийским движением в Сицилии.

Гарибальди рассчитывал застать гарнизон Палермо врасплох При таких незначительных силах единственная возможность победы заключалась в неожиданном, быстром нападении. Тихо, затаив дыхание, спускались гарибальдийцы по крутой горной тропе к Адмиральскому мосту через реку Оретус. Но неопытные в военном деле партизаны всё испортили Увидев впервые здания городской окраины, они подняли отчаянный шум и с криками «Viva l'Italia!» «Viva Garibaldi!» открыли стрельбу. Проснувшаяся стража подняла тревогу. Теперь оставалось одно — стремительным нападением ошеломить неприятеля, не дать ему очнуться. Так и поступил венгерец Тюкери, руководитель авангарда гарибальдийцев. При первом столкновении партизаны было растерялись, но кучка храбрецов продолжала держаться

против тысячи королевских солдат, пока не подоспели остальные товарищи. Многие погибли, многих тяжело ранили, но мост был взят!

Теперь предстояло штурмовать ворота Термини — «ключ к Палермо». На это понадобилось не больше двух часов: в шесть часов утра победоносная «тысяча» вступила в терминские ворота. Горожане тотчас оказали поддержку своим освободителям. Едва раздался набат, улицы заполнились народом Стали спешно воздвигать баррикады. Из окон выбрасывали на улицу мебель, стулья, матрацы и всякую утварь. Из конюшен волокли кареты и повозки, ломали- фонарные столбы и будки.

Словно чудом, в короткий срок выросло множество баррикад. Гарибальдийцы, уроженцы Ломбардии, говорили: «Здесь повторяются знаменитые «пять дней» Милана!»

Вторгшись в город, Гарибальди завладел архиепископским дворцом. Затем он обосновался в здании суда, находившемся вблизи морского берега, и опубликовал следующее воззвание: «Сицилийцы! Диктатор, генерал Гарибальди, именем его величества Виктора Эммануила, короля Италии, вступил сегодня утром, 27 мая, в Палермо и занял весь город. Неаполитанские войска остались только в казармах и форте Кастелламаре. Все коммуны острова призываются к оружию и должны поспешить к столице, чтобы упрочить нашу победу. Дано в Палермо, 27 мая 1860 года».

Это было весьма решительное заявление. Ведь из славной «тысячи» гарибальдийцев в город вступило меньше восьмисот человек (раненых, убитых и тяжело больных насчитывалось до ста человек, остальные под командой Орсини отступали по корлеонской дороге). Крестьянские отряды в количестве нескольких тысяч, составлявшие остальную часть армии, были плохо вооружены и трудно поддавались управлению. Бурбонские же войска насчитывали двадцать тысяч прекрасно вооруженных солдат, обладали девятью фрегатами, арсеналами, артиллерией, казармами и двумя мощными крепостями. Но бурбонский генерал Ланца, руководивший обороной, настолько растерялся, что не принял никаких мер для вытеснения гарибальдийцев. Единственное, что он сделал, — приказал военным кораблям непрерывно бомбардировать город, не щадя мирного населения. В этот день на город обрушилось две тысячи бомб, три тысячи ядер и зажигательных ракет. Улицы были завалены трупами ни в чем не повинных мирных граждан (557 — по официальным данным).

В то время, как шла бомбардировка, бурбонские офицеры и солдаты подвергали гнусным издевательствам окрестных

жителей: грабили и насиловали, женщин, убивали инвалидов и больных в лазаретах.

Гарибальди занял важные стратегические пункты на путях к морю и лишил противника, засевшего в королевском дворце, возможности сообщаться с эскадрой в порту. Заметив, что генерал Ланца передавал из дворца посредством шапповского оптического телеграфа сигналы капитану фрегата «Партенопе» через промежуточную станцию форта Кастелламаре, Гарибальди решил преградить путь световым сигналам. Он велел протянуть через всю улицу, от самого высокого дома до другого, находившегося напротив, огромное полотнище, сшитое из театрального занавеса и других тканей. Это остроумное изобретение привело в восторг жителей Палермо.

Гарибальдийцам удалось также захватить казармы Сант-Антонио и ворота Македа, разъединив вражеские войска на две части.

В спешном порядке были созданы Временный комитет и Баррикадная комиссия. Укрепляя под градом снарядов и пуль занятую территорию, Гарибальди и его стрелки совершали чудеса храбрости. При дружном содействии горожан воздвигались все новые баррикады. Каждую пядь земли завоевывали с огромным трудом, среди пожарищ, под грохот рушащихся зданий и рвущихся ядер, под стоны раненых и похороненных под развалинами. Работая наравне со всеми, Гарибальди воодушевлял людей, успокаивал, шутил, и его самообладание действовало на них ободряюще.

Английские корабли являлись молчаливыми свидетелями бесчеловечной расправы бурбонцев с мирным населением цветущего города.

Однако, когда Ланца обратился к английскому адмиралу Манди с совершенно невинной по внешности просьбой: принять у себя на корабле двух бурбонских генералов для совещания и дать им возможность пройти через занятую повстанцами территорию под охраной британского флага, адмирал ответил: «Всецело готов устроить совещание; очень рад принять на борту адмиральского корабля двух ваших генералов; но что касается их прохода через позиции повстанцев, то об этом надо просить генерала Гарибальди, который один только имеет право разрешить это».

Таким образом, хитрая уловка Ланца, желавшего избегнуть обращения к ненавистному ему Гарибальди, не удалась. В ответ на вторичную его просьбу адмирал Манди снова пригласил обоих генералов к себе, но при условии, если их пропустит Гарибальди.

Тогда Ланца написал «бандиту» Гарибальди смиренное письмо, в котором просил его предоставить конвой двум

генералам при следовании их к порту. Так бурбонские генералы, называвшие в своих воззваниях Гарибальди мятежником, пиратом, флибустьером, неожиданно начали величать его «генералом» и «превосходительством».

Вволю насмеявшись над этим, Гарибальди согласился на предложение Ланца. Но он просит «предоставить генералам конвой», а это уже несколько затруднительно, так как конвоиры должны быть прилично вооружены. Надо достать для них сабли… Секрет заключался в том, что на всю колонну гарибальдийцев имелось… всего пять сабель.

Утром 29 мая бомбардировка не возобновлялась, и жители города вздохнули свободнее. Конечно, неприятель прекратил обстрел вовсе не из гуманных соображений. Дело в том, что этой ночью из Термини на двух пароходах к бурбонцам прибыло подкрепление (Баварский полк). Генерал Ланца решил вывести свои войска из города и соединиться с прибывшими. Во время этих передвижений бомбардировка могла истребить его собственных солдат.

Перемирие нужно было врагам еще и потому, что уже несколько дней, как у них начался недостаток в провианте. Они не знали также, куда девать своих раненых. Это принудило Ланца вступить с Гарибальди в переговоры о погребении трупов и отправке раненых в Неаполь. Для самого Гарибальди перемирие было еще нужнее, так как силы его бойцов совершенно истощились. Он отдал приказ прекратить военные действия.

Но тут произошел совершенно непредвиденный случай: из Корлеоне вернулись через терминские ворота воинские части генералов Боско и фон Мекеля, которые до сих пор безуспешно преследовали Орсини, сумевшего в конце концов от них ускользнуть. Только вечером 28 мая они узнали, к своему изумлению и досаде, что Гарибальди в Палермо. Три раза он провел их, поставив в глупое и смешное положение.

Вне себя от ярости, они сразу же начали обстрел терминского караула. Тщетно английский лейтенант Вильмонт, случайно там очутившийся, размахивал белым платком и упрекал их в нарушении перемирия: на разъяренных баварцев ничто не действовало. Этот бой мог кончиться для гарибальдийцев очень печально, если бы не вмешательство одного штабного офицера бурбонских войск, Николетти; он приложил все усилия, чтобы утихомирить разбушевавшихся баварцев.

Когда все успокоилось, Гарибальди, надев свою старую форму пьемонтского генерала, отправился на английское судно «Ганнибал» в сопровождении своего секретаря Криспи. Одновременно туда прибыли бурбонские генералы Летиция и

Кретьен, причем случилось так, что они ехали с берега в одной шлюпке с Гарибальди. Подплыв к «Ганнибалу», генералы должны были уступить дорогу Гарибальди, которому на судне были оказаны воинские почести.

Генерал Летиция начал вслух читать пункты намеченного им соглашения. Когда он дошел до пятого пункта («Муниципалитеты обратятся к его величеству королю обеих Сицилии со смиренной петицией, излагая реальные нужды города»), Гарибальди твердо заявил:

— Нет!

Встав с места, он добавил:

— Время *смиренных* петиций королю — или вообще кому бы то ни было — миновало. Муниципалитеты теперь сосредоточены в моем лице. Я не согласен. Перейдем к шестому пункту.

— В таком случае, — гневно крикнул Летиция, — разговор между нами окончен.

Тут у Гарибальди истощилось терпение. Он обрушился на Летицию, упрекая его в предательском нарушении перемирия. Затем, несмотря на уговоры адмирала, Гарибальди направился к выходу. «Петиция сразу пошел на уступки и согласился отказаться от пятого пункта. Стороны договорились о вывозе раненых и убитых, и совещание закончилось.

Вернувшись в город, Гарибальди произнес с балкона Палаццо Претории пламенную речь:

— Неприятель сделал мне предложения, которые я счел позорными для тебя, о палермский народ, и я отверг их, так как знал, что ты скорее предпочтешь погибнуть под развалинами своего города, чем согласиться на них…

Слова его потонули в громовых криках толпы:

— Да! Лучше смерть! Воевать, воевать!!

— Отлично! — крикнул Гарибальди. — Но не забудьте, что перемирие заключено всего на двадцать четыре часа. Поэтому каждый должен энергично готовиться к возобновлению борьбы!

Горожане дружно принялись за работу. Под руководством гарибальдийцев стали возводить укрепления, каждый дом превратился в маленькую крепость.

По просьбе генерала Летиции переговоры возобновились на специальной конференции, организованной в здании ратуши. Полковнику Боско, командовавшему частями, изгнанными из Палермо, пришлось принять участие в этой конференции; любопытна его встреча с тем самым Гарибальди, голову которого несколько дней назад он хвастливо обещал привезти палермцам. Во время конференции Гарибальди подвел его к окну, и народ, заполнивший площадь, узнал Боско. Раздались угрозы и громкие

насмешливые возгласы: «Ну что же ты? Возьми его голову, вот перед тобой Гарибальди!» Бледный как смерть Боско поспешил отойти от окна. Перемирие продлили еще на три дня.

Неприятель испытывал перед Гарибальди почти суеверный страх, и разложение в рядах неаполитанской армии росло с каждым днем. Число гарибальдийцев было невелико, но весь народ Палермо дружно поддерживал Гарибальди, и при виде этой спаянности и солидарности слугам реакции поневоле пришлось пасовать. Из Италии прибывали новые волонтеры, Криспи удалось завладеть Дворцом финансов, где хранилось четыре миллиона дукатов. По мере того как дух защитников города все более укреплялся, в рядах бурбонцев усиливались смятение и растерянность.

Генерал Летиция уехал в Неаполь и получил от короля самые свирепые инструкции: взять Палермо или смести его с лица земли! Но Летиция сумел убедить короля, что это немыслимо, что он не уверен в собственных солдатах, что в любую минуту в армии и флоте может вспыхнуть восстание. Наконец король согласился на вывод войск из Палермо. 6 июня было подписано соглашение, по которому королевские войска покидали город со всем своим снаряжением — обозом и артиллерией.

Победа эта тем более замечательна, что вооружение и численность революционной колонны, по сравнению с огромной неаполитанской армией, были ничтожны. Уход бурбонских войск из Палермо превратился в настоящий национальный праздник.

Первое, что сделал Гарибальди после ухода бурбонцев, — освободил из форта Кастелламаре политических заключенных.

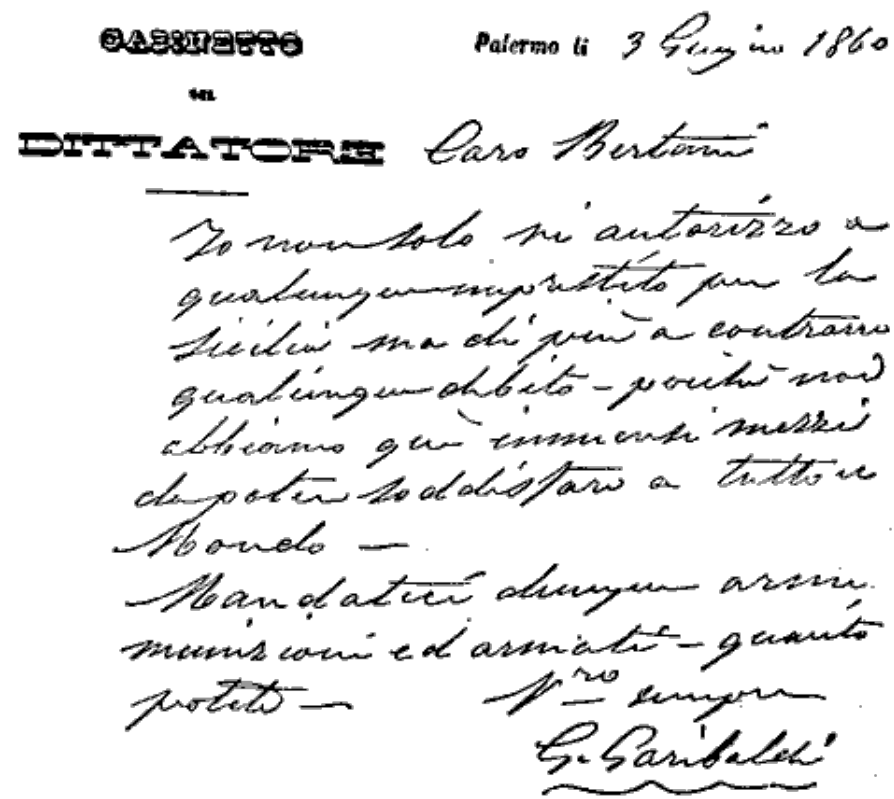
Мало-помалу жизнь в Палермо принимала мирный характер. Баррикады уничтожались, здания ремонтировались, трупы были извлечены из-под развалин и похоронены с почестями. Тысячи рук трудились над изготовлением одежды, шарфов, патронов. Все свидетельствовало о том, что Палермо впервые начал дышать воздухом свободы.

Гарибальди издал ряд декретов: об изгнании иезуитов, об отмене налогов на помол зерна, об уничтожении других пошлин, введенных бурбонским правительством после 15 мая 1849 года. Были отменены титул «превосходительство» и обычай целовать руки как позорный пережиток рабства. Была создана военная школа для срочной подготовки бойцов и командиров из трудящейся молодежи.

Впоследствии многие декреты Гарибальди подверглись издевательской критике кавурианцев. Если первый опыт законодательной деятельности Гарибальди и имел недостатки, если его декреты носят подчас поверхностный характер, то во

всяком случае Гарибальди стремился возможно полнее раскрепостить сицилийцев от остатков феодального гнета.

Гарибальди был провозглашен диктатором. Вот что говорит он сам о своей диктатуре: «Заговорили о необходимости диктатуры. Я принял ее без возражений, так как в известных случаях и при больших кризисах я всегда считал ее спасительной мерой для народов». Из этих слов видно, что Гарибальди, хотя и чувствовал необходимость сосредоточения в своих руках твердой власти для разгрома бурбонской реакции, едва ли отчетливо понимал, как использовать эту власть для осуществления положительной программы буржуазно-демократической революции.

Quartier Generale Palermo li 3 Giugno 1860
Il DITTATORE Caro Bertani
Io non solo mi autorizzo a qualunque impresa per la Sicilia ma chi può a contrario qualunque obbligo - poichè noi abbiamo qui tutti i mezzi di potere soddisfare a tutto e Mondo —
Mandatemi danaro armi munizioni ed armati — quanto potete —
Vro sempre
G. Garibaldi

Письмо диктатора Гарибальди к другу Бертани.

Победы Гарибальди ускорили восстание на всем острове. Восстали почти все города. В некоторых победа давалась довольно легко (Трапани, Джирдженти, Ното, Кальтанисетта, Модика, Шьякка, Маццара), в других борьба народа с палачами свободы была долгой и кровопролитной (Катанья). Но к 7 июня в руках Бурбона оставались только Мессина и цитадели Милаццо,

Августа и Сиракузы.

Весть о замечательных победах Гарибальди всколыхнула всю Италию. Восторгу итальянцев во всех частях полуострова не было границ. Старики и юноши рвались в Сицилию на помощь защитникам свободы. Энергичный Бертани создал Комитеты снабжения в каждом итальянском городе, а в Генуе — «Сицилийский комитет» и кассу. Вскоре Медичи организовал вторую экспедицию в Сицилию из четырех тысяч волонтеров. Гарибальди выехал навстречу им в Алькамо. Сицилийская революция всколыхнула не только народные массы Италии, но и получила отзвук во многих европейских странах. «Это было время энтузиазма, искреннего увлечения!» — пишет в своих «Записках гарибальдийца» гарибальдийский волонтер, русский ученый Л. И. Мечников[49]. Революционная молодежь всей Европы начала собираться под знамена Гарибальди. Его «тысяча» постепенно превращалась в мощную интернациональную освободительную армию, в рядах которой были революционеры и политические изгнанники многих стран мира. Тысячи бурбонских солдат братались с гарибальдийцами, отказывались повиноваться начальству. Так покинуло армию неаполитанского короля в промежутке между 24 и 28 августа *сорок тысяч* человек! Разойдясь по домам, эти солдаты поднимали восстания, которые вспыхнули в Базиликате, Козентино, Капитанате, Терра ди Лаворо и Абруццах. А ведь это было только *началом народной революции!* Естественно, что реакция стала бить тревогу.

Кавур передал Гарибальди с адмиралом Персаной, прибывшим в Палермо 6 июня, «самые горячие и восторженные поздравления». Поздравления эти были, конечно, фальшивыми: успехи Гарибальди не на шутку встревожили короля Виктора Эммануила и его министра. Король и его министр Кавур прекрасно учитывали демократический, республиканский характер сицилийской революции и имели основания бояться ее дальнейшего углубления.

Палермо был наводнен тайными агентами и шпионами Кавура. Вместе с адмиралом Персаной приехал небезызвестный Джузеппе Лафарина (тот самый, что в свое время приезжал на Капреру приглашать Гарибальди в Турин). Лафарина, как мы видели, всячески издевался над сицилийской экспедицией Гарибальди, предсказывая полный ее крах. Мало того, он прилагал все усилия, чтобы помешать ее осуществлению. А теперь, когда Гарибальди взял Палермо, Лафарина явился «принять от имени короля управление островом», то есть требовать немедленного присоединения Сицилии к Пьемонтскому королевству. Лафарина стал разыгрывать из себя

хозяина на острове, интриговать против главы республиканского правительства Криспи, убежденного революционера и патриота, и устраивать заговоры с французскими полицейскими агентами. Он высмеивал мероприятия Гарибальди, его министров, покровительствовал всяким проискам и низким интригам, старался дискредитировать диктатора в глазах народа. Сперва Гарибальди поддался влиянию Лафарины и согласился на отставку Криспи. Однако, в конце концов Гарибальди разгадал низкую игру Кавура и поступил очень решительно: он издал декрет об изгнании из Сицилии в двадцать четыре часа Лафарины и бонапартистских шпионов Гричелли и Тотти.

Огромный интерес представляет оценка этого шага Гарибальди Марксом и Энгельсом.

«Открытый разрыв Гарибальди с партией Кавура, проявившийся в изгнании из Сицилии известного интригана Лафарина и синьоров Гричелли и Тотти, корсиканцев по рождению и бонапартовских полицейских агентов по профессии, вызвал чрезвычайно противоречивые комментарии в европейской прессе. Частное письмо Гарибальди… вполне выясняет сущность споров… между Гарибальди и Кавуром. Этот последний, заключив тайное соглашение с Луи-Бонапартом, которого Гарибальди клеймит названием «cet homme-faux» [«этот лживый человек»] и с которым, как он предвидит, «ему придется в один прекрасный день скрестить шпагу», — решил присоединить кусок за куском те части итальянской территории, которые может завоевать меч Гарибальди или которые смогут оторвать от прежних властителей народные восстания. Этот процесс присоединения к Пьемонту территории по частям должен был сопровождаться в то же время другим процессом «компенсации» в пользу Второй империи. Подобно тому как за Ломбардию и герцогства пришлось заплатить Савойей и Ниццей, точно так же за Сицилию надо было заплатить Сардинией и Генуей; каждый новый акт частичного присоединения вызывает новую сепаратную дипломатическую сделку с покровителем Пьемонта. Вторичное расчленение Италии в интересах Франции, помимо того, что оно означало бы покушение на целость и независимость Италии, сразу потушило бы патриотическое движение в Неаполе и Риме… Поэтому Гарибальди считал своей главной задачей устранение всякого повода для французского дипломатического вмешательства, но, как он понимал, этого можно было бы достигнуть лишь в том случае, если движение сохранит свой чисто народный характер и не будет стоять ни в какой связи с планами чисто династического расширения… Как бы то ни было, достоверно одно, что план Гарибальди, независимо от того,

увенчается ли он успехом или нет, является единственным планом, который при данных обстоятельствах может способствовать освобождению Италии не только от ее старых тиранов и внутренних распрей, но и от когтей нового французского протектората. Именно для того, чтобы расстроить этот план, Кавур и отправил в Сицилию Лафарина в сопровождении двух корсиканских братьев»[50]. Общее положение Маркс характеризует в следующих словах: «В этот момент Гарибальди спас не только свое собственное дело, но и дело Сицилии и Италии…»[51]

Таким образом, происки кавурианцев на этот раз провалились. Авторитет Гарибальди в Сицилии возрастал все больше и больше. Сам Франциск II, неаполитанский король, решил лучше отказаться от Сицилии, лишь бы революция не проникла в Неаполитанское королевство. Он стал обращаться с просьбами о посредничестве к папе, австрийскому и русскому императорам, к Виктору Эммануилу. Вместе с тем Бурбон сделал последнюю отчаянную попытку завоевать остров: полковник Боско, смертельно ненавидевший Гарибальди, обещал Бурбону не только удержать крепость Милаццо, но и двинуться на завоевание Палермо. Об этом, вероятно, и пишет Энгельс Марксу в письме от 23 июля 1860 года: «Если Гарибальди скоро не двинется вперед, ему может плохо прийтись… У Милаццо и Мессины возможны еще кое-какие набеги, но для экспедиции на континент ситуация может ухудшиться… В неаполитанской армии, повидимому, водится такая бешеная сволочь, которая, пожалуй, захочет посчитаться с чужестранцами, а Г[арибальди] не должен потерпеть поражения»[52]. Но как раз в тот день, когда Энгельс писал это письмо, Гарибальди взял Милаццо.

Вот что рассказывает Гарибальди в «Мемуарах» о битве под Милаццо: «Генерал Медичи с отрядом отправился к Мессинскому заливу. С помощью своего превосходного корпуса, состоявшего из всех трех видов оружия, бурбонский генерал Боско отрезал нас от главной дороги в Мессину, в Милаццо и в городскую крепость. Раннее утро 20 июля застало сынов свободной Италии сражающимися с противником к югу от Милаццо. Враг, хорошо знакомый с местностью, очень умело использовал все ее естественные и искусственные препятствия… Главной причиной наших значительных потерь было незнание местности. Мы не могли рассмотреть неприятельские позиции, так как совершенно ровное поле битвы было покрыто деревьями, виноградниками и тростником».

Но тут Гарибальди случайно бросил взгляд на только что прибывший корабль «Тюкери» с подкреплением из Палермо.

Ведь он может взобраться на мачту и оттуда разглядеть вражеские позиции! Поручив Козенцу свой участок фронта, Гарибальди вскочил в барку и подплыл к «Тюкери». Поднявшись на палубу, он вскарабкался на грот-мачту, и перед ним открылся весь театр военных действий. Он заметил вдали новую неприятельскую колонну, быстро двигавшуюся, чтобы напасть на один из повстанческих отрядов. Он тотчас же покинул корабль: план действий был теперь для него ясен. Приказав вооруженному отряду, прибывшему на «Тюкери», высадиться, он вступил в бой с неприятелем, обрушившись на его правый фланг. На левый напал Медичи. Разбив бурбонскую колонну, они заставили ее отступить к крепости. При содействии подоспевших отрядов атака продолжалась. Одно время неприятельская кавалерия оттеснила гарибальдийцев. «Я сам был настигнут неприятельскими всадниками, — говорит Гарибальди в «Мемуарах», — и был вынужден прыгнуть в канаву на краю дороги, в которой я защищался с саблей в руках. Но мы должны были победить!»

Собрав своих людей, Гарибальди приказывает им снова кинуться в атаку. Слева — густая заросль тростника, справа — дома, из-за которых неприятель беспрерывно обстреливает гарибальдийцев. Они неудержимо стремятся вперед. Пал капитан Леардо; ранены лучшие командиры, но победа одержана. Враг бежит! Ворота Милаццо взяты, гарибальдийцы ворвались в город. Еще до полудня крепость была окружена.

23 июля было заключено соглашение, по которому «неаполитанская» армия покидала Милацкую крепость со всем своим оружием и обозом». Крепость передавалась генералу Гарибальди «со всеми своими пушками, боеприпасами и снаряжениями, лошадьми, сбруей и прочим военным имуществом, принадлежащим форту». Любопытно, что в число добычи гарибальдийцев были включены *все лошади* неаполитанцев, в том числе и конь Боско. Хвастливый полковник, выступая из Мессины, заявил, что «вернется на лошади Медичи». Он был по заслугам наказан за хвастовство: победитель Медичи въехал в город на лошади Боско.

Битва под Милаццо была самой кровопролитной из всех сражений Гарибальди на юге Италии. Из четырех тысяч солдат его войска на поле битвы осталось семьсот человек ранеными и убитыми — больше одной шестой!

Вскоре после этого Клари, губернатор Мессины, подписал с Медичи условие о сдаче Мессины (кроме мессинской цитадели). Отныне вся Сицилия была освобождена от деспотической власти неаполитанского короля.

Очередь была за югом итальянского полуострова — Апулией

и Калабрией.

«ЖАЛКАЯ ЛИСЬЯ ПОЛИТИКА»

Победоносное шествие гарибальдийцев вызывало ярость Кавура, который пустил в ход все свое искусство прожженного дипломата и торгаша, чтобы покончить с революцией, но вместе с тем пожать плоды побед революционного диктатора Сицилии, опасного для слуг пьемонтского короля своей популярностью в массах и горячим желанием облегчить положение трудового народа.

Кавур прилагал всяческие усилия, чтобы приостановить дальнейшее развитие национально-освободительного движения па юге Италии. Спустя несколько дней после вступления Гарибальди в Мессину Виктор Эммануил написал ему следующее письмо: «Генерал! Вы знаете, что я не одобрял вашей экспедиции и оставался абсолютно чуждым ей… В случае, если неаполитанский король согласится на полную эвакуацию своих войск из Сицилии… и если сицилийцам будет дана свобода избрать такое правительство, какое им желательно, — мне кажется наиболее разумным отказаться от дальнейших враждебных действий в отношении Неаполитанского королевства. Если вы другого мнения, то я оставляю за собой свободу действий и воздерживаюсь от каких бы то ни было замечаний по поводу ваших планов».

Смешно было говорить о «согласии неаполитанского короля» на эвакуацию Сицилии после побед при Милаццо и Мессине. Письмо короля запоздало по меньшей мере на месяц: вся Сицилия находилась уже в руках Гарибальди!

Гарибальди ответил Виктору Эммануилу категорическим отказом повиноваться. «Если теперь, вопреки всем призывам, я буду медлить, — писал Гарибальди, — я не выполню своего долга и подвергну опасности святое дело освобождения Италии. Поэтому, разрешите, государь, на этот раз вам не повиноваться».

Итак, вождь национально-освободительного движения говорил с королем, как равный с равным. Кавурская клика рассуждала так: Гарибальди находит в себе силу отказать королю в повиновении уже сейчас; что же будет, когда он освободит центр и юг Италии и убедится, что народы полуострова вообще прекрасно могут обойтись без короля? Кавурианцы не забыли 8 февраля 1849 года, когда в Учредительном собрании освобожденного Рима Гарибальди первым потребовал провозглашения республики.

Чтобы услышать подлинный голос самого Гарибальди, обратимся к его «Мемуарам». Вот что он пишет в XI главе («В

Мессинском проливе»):

«Раз мы подошли к проливу вплотную, надо было его переступить. Неужели мы должны были в угоду дипломатии оставить наше отечество неполным, искалеченным? А Калабрия, а Неаполь, ожидавшие нас с распростертыми объятиями? А остальная Италия, еще порабощенная иноземцами и попами? Нет, нужно было переступить пролив, вопреки мерам предосторожности Бурбонов и всех, кто их защищал!»

И Гарибальди решительно готовился к этой операции, день и ночь работая над реорганизацией своей армии. К этому времени в войсках Гарибальди насчитывалось уже около шестнадцати тысяч человек. Они были разбиты на четыре дивизии под командой генерала Медичи, Биксио, Козенца и Тюрра. У Гарибальди имелся уже и флот в составе пяти судов и трехсот барок и артиллерия, насчитывавшая до сорока орудий.

В армии Гарибальди, при всем непререкаемом личном его авторитете, командиры пользовались достаточной свободой в смысле боевой инициативы. Показавший себя с лучшей стороны рядовой боец всегда мог рассчитывать на повышение и получение чина командира. Эти назначения происходили часто по инициативе самих бойцов с утверждения командующего. Офицеры гарибальдийской армии внешним видом ничем не отличались от солдат и обычно жили с ними вместе. Жалованье офицеров ненамного превышало солдатский оклад. В армии Гарибальди царила суровая, но сознательная и товарищеская дисциплина, что, как правило, исключало необходимость наказаний.

Энгельс писал об этом следующее: «Ему [Гарибальди] приходилось самому всегда дисциплинировать свои боевые силы, и притом не муштрой, не постоянной угрозой расстрела, как это делает официальная военщина, а прямо перед лицом врага»[53].

Гарибальди всегда пользовался неотразимым нравственным обаянием и старался передать своим солдатам те исключительные качества, которыми обладал сам: беззаветную храбрость, любовь к родине, ненависть к ее врагам, трудолюбие, дисциплинированность. Один из сподвижников Гарибальди, Эмиль Дандоло, в следующих словах рисует образ Гарибальди-полководца: «Если не угрожает никакая опасность, Гарибальди отдыхает в своей палатке; если, напротив, вблизи находится неприятель, то он не сходит с лошади, отдает приказания и осматривает аванпост; он только сбрасывает с себя грозный свой мундир (пончо), одевается крестьянином и сам лично пускается в самые опасные рекогносцировки… По патриархальной простоте, которая так сильна, что может показаться искусственной,

Гарибальди похож больше на какого-нибудь начальника индейского племени, чем на генерала; но во время наступления или когда обнаруживается опасность, он поистине удивителен своим мужеством и верностью взгляда; недостаток стратегических познаний генералов в области военного искусства возмещается в нем чрезвычайной деятельностью и находчивостью».

При виде железной решимости Гарибальди монархисты-кавурианцы засуетились, зашумели, закаркали по сигналу, данному из Турина. Надо поскорее вырвать власть из рук Гарибальди, поскорее обессилить его. Начинается яростный нажим на Гарибальди. Кавур требует немедленно организовать плебисцит в Сицилии, с тем чтобы добиться скорейшего присоединения Сицилии к сардинской монархии.

Ставленники Кавура снова окружают Гарибальди неуловимыми интригами. С момента перехода его па полуостров вдруг возникает «необходимость» назначить «продиктатора», заместителя Гарибальди, который в его отсутствие обладал бы всей полнотой власти.

По совету адмирала Персаны (доверенного лица Кавура) Гарибальди назначает продиктатором Депретиса, тоже скрытого кавурианца. Встревоженный Криспи спешит предупредить Гарибальди: «Депретис прибыл в Сицилию, чтобы продолжать дело Лафарины. С этой целью он притворился вашим другом, а на деле окружил себя глубоко враждебными вам людьми». Но Гарибальди колеблется: хитрый и скрытный Депретис ничем не проявил своих кавурианских стремлений. Более того, чтобы расположить к себе диктатора, Депретис подсовывает ему проект «новых демократических реформ», и Гарибальди оставляет его на посту. Гарибальди еще не знает, что против него лихорадочно подготовляется заговор. Это доказывает чрезвычайно интересная секретная переписка Кавура, опубликованная впоследствии.

Уже на другой день после победы при Милаццо (24 июля) Кавур пишет адмиралу Персане: «Чрезвычайно желательно, чтобы освобождение Неаполя не было делом рук Гарибальди; если это случится, революционная система займет место конституционно-монархического строя. Если диктатор победоносно вступит в столицу королевства, там восторжествуют революция и анархия, а это произведет на Европу самое скверное впечатление. Ко всему тому еще его безумное намерение идти походом на Рим против желания Франции. Это было бы полной гибелью итальянского дела. Поэтому необходимо, чтобы раньше, чем Гарибальди вступит в Неаполь, там возникло национальное движение. Эта попытка сопряжена с опасностью; но нельзя допустить, чтобы

революция проникла в Неаполь».

Еще отчетливее раскрывается предательская тактика Кавура в следующем его письме адмиралу Передне: «Синьор адмирал! Как я вам уже телеграфировал, правительство желает, чтобы, когда в Неаполе вспыхнет революция, вы приняли диктатуру… Но будет диктатура или не будет ее, все равно вы должны немедленно взять в свои руки командование над неаполитанским флотом и занять форты берсальерами и королевскими моряками, временно став во главе правительственной армии. Если революция не вспыхнет до прихода Гарибальди, положение наше будет очень скверным. *Кивур*».

По мере того как Кавуру становилось все яснее, что устранение Гарибальди от руководства движением — дело нелегкое, он рекомендовал адмиралу Персане все более «тонкую», то есть более иезуитскую, линию поведения. Он пишет в одном письме: «С Гарибальди надо быть в полном контакте, поддерживая самые искренние отношения. Все-таки, как только представится возможность, постарайтесь овладеть фортами и флотом, не дожидаясь вступления Гарибальди».

Наконец, убедившись, что разрыв с Гарибальди опасен и в чисто военном отношении, Кавур, этот «династический великий визирь», по выражению Маркса, решает изменить тактику и пишет адмиралу Персане: «…придется отказаться от мысли действовать без генерала Гарибальди. Так как войско [короля] не в состоянии преградить ему путь в Неаполь, то и мы не можем, не должны становиться ему поперек дороги. То, что было уместным пятнадцать дней назад, теперь было бы роковой ошибкой. Правительство считает неизбежным занятие Неаполя войском Гарибальди. Но постарайтесь, чтобы честные патриоты, при содействии вашем и Вилламарины, убедили его не повторять ошибок, сделанных в Сицилии; чтобы он призвал к власти достойных людей, преданных порядку, свободе и единению. Все-таки, если удастся, овладейте фортами и всем флотом».

Из этих секретных документов ясно, что Виктор Эммануил и Кавур не останавливались ни перед чем, чтобы помешать росту революционного движения под руководством Гарибальди. Увидев, что это им не удается, они пытаются заменить его другим диктатором из рядов верных слуг сардинской монархии и вырвать из его рук власть любым средством, вплоть до вооруженной силы. Пока вокруг Гарибальди совершалась эта гнусная провокация, пока все эти фальшивые «друзья», поддерживавшие с героем революции «самые искренние отношения», плели за кулисами сети своей «низкой лисьей политики», Гарибальди продолжал идти к цели. Его очередной задачей было овладеть югом Италии

и окончательно свергнуть ненавистный народу монархический режим Бурбонов.

Перенеся свой генеральный штаб в Фаро (крайний пункт Сицилии на востоке у Мессинского пролива), Гарибальди приказал Орсини установить там орудия крупного калибра, захваченные в Милаццо и Мессине. Кастильо он поручил собрать в этом районе флотилию рыбачьих судов (около ста), которые могли в любую минуту понадобиться для переправы войск на континент. Несколько первых попыток переправы (калабрийца Музолини, Сальваторе Кастильо) сильно взбудоражили неприятельский флот, установивший непрерывную слежку за мысом Фаро. Неприятель был убежден, что Гарибальди, собирается по прямой линии переплыть пролив. Этого только и нужно было Гарибальди: он хотел отвлечь внимание врага. Поручив Сиртори командование всем войском, ночью 12 августа Гарибальди внезапно исчез. Куда он уехал? Никто не имел об этом ни малейшего представления.

Лишь позднее выяснилось, что Гарибальди уехал в Сардинию, чтобы согласовать свои операции с действиями новых добровольческих отрядов, которые стягивались, по идее Мадзини и Бертани, в Апельсинный залив (Гольфо дельи Аранчи) — на северовосточном побережье острова. Там, по сведениям Гарибальди, должно было собраться до пяти-шести тысяч волонтеров, чтобы затем с боем вступить в Папскую область и Неаполитанское королевство.

Правительство Тосканы вначале не только не препятствовало формированию этих бригад, но даже уступило для этой цели замок Кастельпуччи (в пяти милях от Флоренции). Но Кавур, узнав об этом, решил во что бы то ни стало помешать экспедиции в Папскую область. Во главе флорентийской бригады стал Джиованни Никотера[54] — калабриец, деятель «Молодой Италии» и участник сицилийской экспедиции Пизакане в 1857 году. В 1876 и 1891 годах был министром.}, бывший участник революционной экспедиции Пизакане, приговоренный в свое время судом к пожизненному заключению. Флорентийский губернатор Риказоли резко потребовал, чтобы отряд был распущен, и арестовал Никотеру. Тогда волонтеры пригрозили, что нападут на Флоренцию, если Никотера не будет выпущен из тюрьмы. Гарнизон города в ту минуту был настолько слаб, что пришлось удовлетворить их требование. Никотера был освобожден, волонтеры ликовали. Но они упустили благоприятный момент. Губернатору удалось быстро стянуть войска к городу, и революционеры очутились в ловушке. Теперь не они диктовали требования барону Риказоли, а он им. Он

предоставил в их распоряжение два парохода, стоявшие в Ливорно, но потребовал немедленного отъезда. Он взял с Никотеры слово, что тот не тронет папских владений. По соглашению с Кавуром часть волонтеров уехала в Палермо, часть — в Апельсинный залив. Добравшись до Палермо, Никотера написал Гарибальди гневное письмо, заявляя, что «больше не намерен сражаться, пока трехцветное национальное знамя будет осквернено королевским гербом».

Сам Гарибальди не очень-то доверял мадзинистам, затеявшим этот поход, чтобы поддержать сицилийскую революцию: «Чтобы окончательно не нарушить их стратегического плана, я решил лично стать во главе этих 5 тысяч и попытаться с их помощью завоевать Неаполь».

В Апельсинном заливе Гарибальди застал только часть этих волонтеров и узнал, что по приказу командира сардинского военного судна «Гульнара» они отправлены в Палермо. Внезапно выступив перед волонтерами, Гарибальди увлек их пламенной речью. При виде прославленного народного героя эта молодежь готова была идти за ним в огонь и воду. Гарибальди вернулся с ними в Сицилию и направился к мысу Фаро. Во время его отсутствия Биксио подготовил все необходимое для переправы через пролив. Пароходы «Турин» и «Франклин» стояли в Джардини (порту Таормины, на востоке Сицилии), готовые к погрузке на них дивизии Биксио.

Теперь требовалось отвлечь внимание неприятеля в противоположную сторону. Еще 8 августа отряд из четырехсот калабрийцев на семидесяти двух лодках совершил демонстративный десант к *северу* от пролива. В течение двенадцати дней шел бой. Они стойко держались, отбивая атаки пятитысячной бурбонской армии. То они атаковали Баньяру, то прорывались до Педаволи, то отходили с боем до самого «носка итальянского сапога». В деревне Сан Лоренцо они собрали выборных от Коммуны и провозгласили диктаторскую власть Гарибальди.

Внезапно 19 августа они получили из Мелиты следующую лаконическую записку: «Идите к нам! Гарибальди».

Их миссия была выполнена. Оставаться там дольше было уже незачем: *«тысяча» благополучно переправилась через пролив!*

20 августа в три часа утра армия во главе с Гарибальди высадилась на крайней южной оконечности Калабрии, между Мелитой и мысом Спартивенто. Она не встретила в месте высадки никакого сопротивления, так как введенные в заблуждение неаполитанцы совершенно не обращали внимания на южный берег Калабрии. Единственное, что задерживало

гарибальдийцев, был их корабль «Турин», севший на мель. Убедившись, что спасти его не удастся, они подожгли его и в тот же день тронулись по направлению к Реджо.

Особенность тактики Гарибальди в гористых местах заключалась в том, что он избегал при малочисленности своих сил лобовой атаки и стремился немедленно завладеть горными позициями, господствующими над местностью. Точно так же и здесь он повел своих бойцов извилистыми тропами в горы, в обход Реджо. Сбежав по горным склонам, гарибальдийцы напали на город с востока и застали защитников его врасплох. К вечеру Реджо был в их руках. Но надо было еще удостовериться, не двигаются ли крупные неприятельские силы с севера.

— Я подымусь на гору, — озабоченно сказал Гарибальди Биксио, — посмотрю, что там делается. А вы подождите меня внизу.

Его опасения оправдались: очутившись на большой высоте, он увидел вдали неприятельскую колонну, около двух тысяч штыков, двигавшуюся с севера с явным намерением занять позицию на высотах: это была колонна генерала Гио. Положение было крайне серьезным, действовать приходилось быстрее. На стороне врага был численный перевес. Если бы бурбонцы вздумали сразу атаковать гарибальдийцев, они бы их, вероятно, разбили. Если бы они успели первыми занять высоты, всякое сопротивление было бы бесполезным: Реджо расположен на берегу моря, и прибрежные горы окружают этот город почти замкнутым кольцом. Единственный шанс победы заключался для Гарибальди в необыкновенной уверенности и быстроте действий. Он сразу понял это. Господствующие высоты были взяты им раньше, чем бурбонцы достигли их. Неприятель не выдержал убийственного огня невидимых стрелков, укрывавшихся в горах за скалами, и обратился в бегство. В руках Гарибальди оказались богатые запасы оружия, патронов и провизии.

Он продолжал преследование, и корпус Гио на следующий день сдался. Сдались также все форты, господствующие над Мессинским проливом.

Энгельс пишет об этом походе:

«По мере того как развертываются события, мы получаем возможность понять тот план освобождения Южной Италии, который разработал Гарибальди, и чем ближе мы знакомимся с этим планом, тем более восхищаемся его грандиозностью. Такой план можно было задумать и проводить в жизнь только в такой стране, как Италия, где национальная партия так прекрасно организована и находится целиком под руководством человека, с таким блестящим успехом обнажившего свой меч за дело

итальянского единства и независимости»[55].

С огромным интересом и сочувствием следили К. Маркс и Ф. Энгельс за всеми перипетиями освободительного похода Гарибальди. В своих регулярных корреспонденциях в «New-York Daily Tribune» и в письмах друг к другу они дали полную картину и обстоятельный анализ этого похода.

«В настоящее время мы располагаем подробными сведениями относительно завоевания Гарибальди Нижней Калабрии и полного рассеяния неаполитанских войск, которым была поручена ее защита, — пишет Ф. Энгельс в статье 24 сентября 1860 года. — В этот момент своей победоносной карьеры Гарибальди показал себя не только смелым вождем и ловким стратегом, но и научно подготовленным генералом. Наступление главными силами против цепи прибрежных фортов — это такое предприятие, которое требует не только военного таланта, но и военных знаний; можно с удовлетворением констатировать, что наш герой, который за всю свою жизнь не сдал ни одного военного экзамена и который вряд ли когда-либо служил в регулярной армии, так же хорошо справляется с этим видом войны, как и со всяким другим…

Герою Италии открылся, наконец, путь на Неаполь»[56].

Пока Гарибальди триумфально двигался к Неаполю, закулисные интриги кавурианцев продолжались. Друг и сподвижник Гарибальди Бертани рассказывает о следующей характерной сцене в Фортино (возле Сапри), свидетелем которой он был:

«Гарибальди сидел в комнате остерии (кабачка), на табурете. Справа стоял Тюрр, в глубине комнаты находился Козенц. У стола, ожидая диктовки, с пером в руке сидел Бассо и рядом с ним Пиола (командующий сицилийским флотом). Войдя, я услыхал, что Гарибальди громко диктует:

— Бассо, напишите: «Дорогой Депретис, предлагаю вам совершить присоединение Сицилии к Пьемонту, когда вы найдете это нужным…»

Я почувствовал, что кровь прилила к моему лицу: глаза всех присутствующих сразу устремились на меня. Я понял, насколько важен этот момент. Гарибальди прервал диктовку и устремил на меня пронизывающий и вопросительный взгляд. Я постарался взять себя в руки и спокойно сказал Гарибальди, так же пристально глядя на него:

— Стало быть, генерал, вы отрекаетесь от своего дела?

— Как так? — спросил он с удивлением.

— Вы перерезаете жилы итальянской революции, — ответил я, — вы отказываетесь от выполнения своей программы. Сицилия

для вас громадный источник сил, тем более сейчас, когда вы еще не вступили в Неаполь.

— Эти друзья, — сказал Гарибальди, указывая на Тюрра, Козенца и Пиолу, — уверяют меня, что этого хочет сама Сицилия, что там недостаток в деньгах, что на острове нет достаточного числа волонтеров, что все они не умеют владеть оружием, что туринское правительство сумеет нам оказать большую помощь.

Тюрр и его товарищи энергично кивали головами в знак подтверждения слов генерала. Я ответил:

— Ваши партизаны будут вам верны и пойдут за вами всюду, куда вы их поведете для борьбы за свободу родины. Все-таки Сицилия вела войну исключительно на сицилийские деньги. Мессинская касса может и сейчас предоставить в ваше распоряжение сотни тысяч пиастров. Сейчас мы идем в богатые провинции, охваченные энтузиазмом, восхищенные вашими победами, — и вы боитесь остаться без оружия и людей! Нет, генерал, ищите причины, по которым у вас хотят вырвать из рук Сицилию» где-нибудь подальше, очень далеко отсюда.

Генерал задумался. Затем, покачав головой, он тихо молвил:

— Да, вы правы.

Повернувшись к Бассо, который все еще сидел с поднятым пером наготове, он сказал:

— Бассо, пишите письмо. — И спокойно принялся снова диктовать.

«Дорогой Депретис! Что касается аннексии, то мне кажется, что Бонапарт может еще подождать несколько дней. Тем временем постарайтесь избавиться от полдюжины беспокойных субъектов. Начните с двух «К» (он имел в виду Кордову и барона Камерата-Сковаццо)».

Это происходило 4 сентября. Не прошло и двух дней, как столица Королевства Обеих Сицилии оказалась в руках гарибальдийцев.

Король неаполитанский бежал в Гаету. 7 сентября Гарибальди в сопровождении десяти человек свиты поездом приехал в Неаполь. В открытой коляске он въехал в завоеванную столицу, хотя в ее казармах оставалась еще тысяча правительственных солдат; при виде проезжающего Гарибальди, ошеломленные, они отдавали ему честь.

«Мое вступление в великую столицу, — рассказывает Гарибальди в «Мемуарах», — кажется мне скорее чудом, чем реальностью. Сопровождаемый только немногими адъютантами, я прошел сквозь ряды бурбонских отрядов, еще владевших отдельными частями города. Они сдавали свое оружие и относились ко мне с большим почтением, чем к своим

генералам».

«Дела Гарибальди в Сицилии и Калабрии (рассказывает Л. Мечников в «Записках гарибальдийца», стр. 151) имели слишком партизанский характер, а потому из иностранцев только люди, горячо преданные идее итальянского героя, решались разделять с ним трудности его предприятия и торжества его побед. Со вступлением в Неаполь все приняло другой характер, и молодые люди, по преимуществу военные, из всех стран спешили туда только из-за чести сражаться под начальством героя, добиться славного крещения кровью под народным знаменем возрождающейся страны. Многие явились в своих мундирах. Тут были и зуавы и венгерские гусары, солдаты и офицеры англо-индийской армии… французская рота, организованная покойным де Флоттом».

Пьемонтское правительство продолжало делать все возможное, чтобы помешать дальнейшим успехам Гарибальди. Кавур по-прежнему бил тревогу. 10 сентября он писал Лафарине: «Если мы не вступим в Церковную область раньше Гарибальди, мы погибли. Революция распространится на Центральную Италию. Мы вынуждены действовать». Отчего Кавур был так встревожен? Оттого, что за его спиной стоял Наполеон III, силой своих штыков защищавший папскую власть и Рим от революции.

Роль Наполеона III в этот период отчетливо показана К. Марксом в статье «Положение дел в Пруссии»: «Отъезд французского посла из Турина рассматривается как явная уловка, поскольку всем известно, что немедленно после свидания в Шамбери между Луи Бонапартом и гг. Фарини и Чальдини последнему было поручено командование пьемонтскими войсками, которые должны вторгнуться в Папскую область. Это вторжение было намечено в Шамбери с целью вырвать дело из рук Гарибальди и передать его Кавуру, самому податливому слуге французского императора. Революционная война в Южной Италии, как известно, рассматривается в Тюильри не как неожиданно начавшая катиться лавина снега, но как обдуманный акт независимой итальянской партии, которая со времени вступления Луи Наполеона на via sacra [священный путь] постоянно провозглашала восстание Юга единственным средством рассеять кошмар французского покровительства»[57].

Реакционеры в Тюильри намечали и другие способы воздействия на Гарибальди. Решили, например, использовать его приближенного Тюрра, который побывал в Париже и был там «осыпан императорскими ласками». Бонапарт надеялся, что Тюрр уговорит Гарибальди вместо похода в Рим высадиться в Фиуме и вместе с венгерскими эмигрантами водрузить там знамя

венгерской революции. С этой же целью был сделан опыт с Кошутом[58], которого отправили к Гарибальди, чтобы склонить его к планам императора и отвлечь от настоящего следа, который указывал ему на Рим. «Гарибальди, — пишет далее Маркс, — воспользовался Кошутом как средством для возбуждения революционного энтузиазма; поэтому он чествовал его народными овациями, но в то же время мудро сумел провести границу между его именем, представляющим дело народа, и его миссией, скрывающей ловушку Бонапарта. Кошут вернулся в Париж совсем понурый…»[59]

Тюрр также не смог оказать влияния на Гарибальди (как мы уже видели из сцены в Фортино, рассказанной Бертани).

Все еще надеясь на возможное использование Пьемонта для воссоединения Италии, Гарибальди не всегда замечал происки и явно враждебные действия пьемонтского правительства. Услышав, что пьемонтские войска собираются вступить в Умбрию и Мархию, он вначале искренне обрадовался. Ему представилось в эту минуту, что соединенными усилиями легче будет достигнуть основной цели — независимости Италии. Но вскоре он стал догадываться, что это военное выступление направлено против него.

Вот как передает душевное состояние Гарибальди в этот период его современник:

«Задумавшись, после нескольких минут молчания, Гарибальди сказал:

— Если эта экспедиция имеет целью создать защитный кордон вокруг папы, то это произведет очень плохое впечатление на итальянцев.

Вилламарина принялся доказывать, что, в сущности, цель у сардинского правительства и у Гарибальди общая.

— Я, конечно, ничего не имел бы против, — сказал Гарибальди, — если бы папа остался в Риме лишь в качестве главы католической церкви. Надо только лишить его светской власти и заставить Наполеона убрать свои войска из Рима. Если сардинское правительство в состоянии достигнуть этого путем дипломатических переговоров, пусть делает это, только поскорее. Иначе, если это дело затянется, ничто не удержит меня от того, чтобы самому разрубить саблей этот гордиев узел».

Гарибальди говорил это с большой уверенностью, так как опирался на народные массы. И, однако, он считал возможным после завоевания большей части Италии передать всю полноту власти Виктору Эммануилу. Мог ли он допустить хоть на минуту, что его снова обманут? Единственное требование, которое казалось ему обязательным для объединения Италии, —

уничтожение светской власти папы.

Но до Рима было еще далеко… Сперва надо прорвать железный фронт войск Франциска II, протянувшийся вдоль течения реки Волтурно и опиравшийся на Капую и Гаету — первоклассные крепости, снабженные шестьюдесятью пушками. Пятьдесят тысяч штыков ощетинились там грозной стеной. Даже собрав все свои силы, рассеянные между Палермо и Мессиной, Гарибальди мог противопоставить врагу не больше двадцати с половиной тысяч бойцов.

И Гарибальди обращается к народу и солдатам со следующим замечательным воззванием: «Когда идея отечества в Италии была уделом немногих, они устраивали заговоры. Теперь мы воюем и побеждаем. Сейчас у нас патриотов достаточно много, они образуют войска и дают бои врагам. Но победа наша не была полной. Италия еще не вся свободна, а мы еще далеко от Альп — нашей славной цели… Теперь я призываю вас всех ко мне. Спешите! Наше войско — это, в сущности, вооруженная нация, которая освободит и объединит Италию. Собирайтесь на площадях городов. Пусть начальники ваших частей предупредят о прибытии военное министерство в Неаполь. Итальянцы! Сейчас решающий момент. Уже братья наши сражаются с иностранцами в сердце Италии. Идем встретить их в Риме, чтобы потом вместе двинуться в Венецию. Это наш долг и наше право. Итак, к оружию!..»

Гарибальди приказал Тюрру занять позиции в районе Волтурно, между Казертой и Санта Мария, но предпринимать наступательные действия запретил. Сам он вынужден был уехать: «Интриги кавурианцев вынудили меня покинуть армию на Волтурно вечером, накануне битвы, и поспешить в Палермо» («Мемуары»).

Собрав экстренное совещание министров и увидав, что все они настаивают на плебисците и на присоединении Сицилии к Пьемонту, он, ни минуты не колеблясь, потребовал отставки кабинета. Продиктатором он назначил Антонио Мордини и поручил ему подобрать новый кабинет министров. Затем он обратился с балкона дворца с речью к народу.

— Эти люди говорили вам об аннексии, — сказал он, — но их целью было служить самым низким интересам личного характера. Вы отвечали им с достоинством народа, верящего в нашу нерушимую программу: «Италия и Виктор Эммануил». Да, палермский народ, мы провозгласим возрождение итальянского королевства, но это будет только в *Риме!*

Затем Гарибальди поспешил вернуться в недавно занятый Неаполь.

Тем временем, ослушавшись Гарибальди, Тюрр затеял 19 сентября крупную стратегическую операцию, стремясь овладеть обоими берегами Волтурно и занять выгодную позицию Кайаццо. Операция кончилась страшной катастрофой: почти половина гарибальдийцев погибла в бою. Многие бросались в воду, пытаясь переплыть Волтурно или перейти ее вброд, но, не зная хорошо реки, тонули… Эта первая крупная неудача за время кампании произошла из-за отсутствия Гарибальди на поле сражения.

Уже с конца сентября многие признаки предвещали дальнейшие крупные военные действия. Со своего любимого наблюдательного пункта — с горы Сант-Анджело — Гарибальди хорошо видел неприятельские позиции и по передвижениям бурбонских частей догадался, что они готовятся к решительному наступлению. Он не ошибся. Неаполитанская армия, лучшие кадры которой сосредоточились у Волтурно, готовилась взять реванш после позорных неудач. Ко дню рождения Франциска II (1 октября) было приурочено их наступление. Уже с вечера 30 сентября опытный глаз Гарибальди подметил необычайную суматоху у стен Капуи. Гарибальди сказал своим офицерам:

— Будьте начеку, завтра надо ждать нападения! На заре 1 октября между Сант-Анджело и Санта Мария послышалась сильная ружейная пальба.

— Да, это будет горячий денек! — спокойно сказал Гарибальди и прежде всего позаботился о подкреплении резервами позиции Санта Мария. Затем он выехал в экипаже в Сант-Анджело.

Начался бой. Гарибальди, как полководец, был на высоте положения. Он прекрасно разбирался в целях неприятельских маневров и к моменту атаки противника был вполне подготовлен. Одновременно он отдавал приказания и сражался сам, действуя быстро и решительно. Всюду, где он ни появлялся, одним своим видом он успокаивал бойцов.

В два часа дня прибыл резерв, но Гарибальди не погнал его прямо в бой, как поступил бы другой командующий. С обычным спокойствием, не выдавая ничем своего внутреннего волнения, он велел бойцам отдохнуть и громко сказал Тюрру:

— Победа обеспечена, теперь не хватает лишь решительного удара.

Момент для решительного удара был выбран очень удачно. Одновременно с первыми залпами артиллерии раздалась команда: «Все в штыки!» Это был настоящий гарибальдийский натиск! На левом фланге действовал венгерский легион.

Указывая пальцем в сторону Капуи, генерал сказал им по-французски: «Bien venus, mes braves, chassez moi ces coquins la!»

(«Добро пожаловать, мои храбрецы, прогоните-ка этих негодяев!»). «Красивое зрелище представляли собой венгерские ветераны, которые, соперничая с товарищами из «тысячи», шли в огонь с тем спокойствием и хладнокровием, в таком же боевом порядке, как и на маневры» («Мемуары»).

Даже храбрый и опытный неаполитанский генерал Табакки не мог устоять перед гарибальдийским натиском.

В пять часов было получено сообщение от Биксио: «Враг отступает у Дученты».

Враг отступал в центре, на правом и левом флангах. Мощная бурбонская армия обратилась в бегство!

Около шести часов вечера, сидя на барабане, Гарибальди написал карандашом телеграмму: «Победа по всему фронту!»

Его победа объяснялась отчасти ошибками неприятеля. «Если бы неприятель, обладающий во много раз большим войском, — говорил он, — бросил все свои силы на левый фланг (у Сан Тамаро) или на правый (у Маддалони), я не сомневаюсь, что он мог бы без особенных потерь занять Неаполь».

Соратники Гарибальди проявили в этой грандиозной битве необычайную стойкость и верность своему долгу. «Во главе 200 человек Бронцетти выдерживал натиск четырехтысячного бурбонского отряда. Напрасно враг, пораженный героизмом Бронцетти, предлагал ему сдаться на любых условиях.

— Сдавайтесь! — кричали нескольким уцелевшим героям бурбонские офицеры. — Сдавайтесь!

— Никакой сдачи! — ответили Бронцетти и его товарищи. — Приблизьтесь, если у вас хватит смелости!

Так они продержались до последнего патрона и пали все до одного» («Мемуары»).

Битва под Волтурно была одним из самых крупных и трудных сражений Гарибальди. Двадцать тысяч молодых волонтеров, рассеянных на неровной, причудливой территории в двадцать километров, боролись с пятидесятитысячным войском, состоявшим из старых солдат-кадровиков. Гарибальдийцы потеряли в этом бою пятьсот убитых, тысячу триста раненых, тысячу триста пленных и пропавших без вести. Неаполитанцев было взято в плен больше двух тысяч человек и захвачено шесть орудий крупного калибра. «Итак, папаша Гарибальди опять расколотил неаполитанцев и взял 2 000 пленных, — пишет Энгельс 5 октября. — Влияние этого парня на войска должно быть баснословно»[60].

Победа при Волтурно (1 октября 1860 года) имела огромное значение. Правда, в руках Франциска II еще оставались главные крепости королевства — Капуя и Гаета, а территория от Волтурно

до Тронто также была еще занята его войсками, но власти тирана уже пришел конец. Народная революция в Южной Италии торжествовала, и этим итальянский народ был обязан исключительно Гарибальди.

Воодушевляемый советами независимой республиканской партии, Гарибальди за время своего пребывания в Неаполе провел в жизнь много важных мероприятий.

Большое влияние на Гарибальди оказывал в это время его бывший учитель Мадзини; в период 1859–1860 годов он занимал более последовательную позицию, чем ранее. Он настойчиво убеждал Гарибальди не поддаваться интригам кавурианцев, и для самого Гарибальди становились все яснее происки сардинского правительства. «Партия Кавура хотела пожинать плоды наших завоеваний и вместе с тем избавиться от завоевателей», — с негодованием говорит он об этом периоде в «Мемуарах».

Вместе с тем, несмотря на свои республиканские убеждения, он все еще не мог окончательно порвать с пьемонтской монархией. Его все еще продолжал связывать призрак раскола национально-освободительного движения Италии, хотя раскол этот уже давно совершился на деле. Он пишет в «Мемуарах» (1881 год): «Вы должны были провозгласить республику!» — кричали и кричат еще сегодня мадзинисты. Точно они, привыкшие диктовать свои законы миру, знают моральное и экономическое положение народов лучше, чем мы, которые имели счастье руководить ими и вести их к победе! То, что от монархии следует ожидать так же мало хорошего, как и от попов, становится день ото дня яснее. Теперь, это уже совершенно очевидно. Но неверно, что в 1860 году мы должны были провозгласить республику от Палермо до Неаполя. Я думаю, что уничтожение папства было не менее, если не более ценным, чем уничтожение Бурбонов».

Такая позиция была крупной ошибкой Гарибальди, ошибкой, в которой, как он сам признает, ему пришлось потом глубоко раскаиваться. Сильно заблуждался он и в выборе друзей и сотрудников. Так, 5 октября он назначил неаполитанским продиктатором маркиза Паллавичини. Паллавичини в письме к нему изложил свою программу так: «Я не кавурианец, но и не мадзинист. Подобно вам, мой великий друг, я хочу, чтобы Италия была единой и неделимой под конституционным скипетром Савойского дома». Это была ложь; своим поведением Паллавичини доказал противоположное. 8 октября Паллавичини спросил Гарибальди, каково его мнение насчет плебисцита об аннексии (то есть присоединении Неаполя к Пьемонту). И вот Паллавичини «показалось», что Гарибальди ответил утвердительно. Не долго думая, он поспешил провести через

совет министров декрет о назначении плебисцита на 22 октября. Плебисцит должен был решить вопрос: «Желает ли народ южных провинций создания единой неделимой Италии с конституционным королем Виктором Эммануилом?»

Узнав об этом предательском поступке Паллавичини, Гарибальди немедленно созвал экстренное совещание совета министров. Каттанео, Криспи, Альберто Марио, сицилийский министр внутренних дел Паризи доказывали, что нужен не плебисцит, а созыв Учредительного собрания. Паллавичини заявил, что подаст в отставку. Интриган Тюрр немедленно сфабриковал фальшивку и преподнес диктатору «протест населения Неаполя против ухода Паллавичини». Но Гарибальди не поддался на провокацию. Он сказал, что Паллавичини волен поступать как ему угодно. Продиктатор покинул свой пост.

Гнусные провокационные интриги окружали Гарибальди со всех сторон. «Неожиданно» в Неаполе началась демонстрация с лозунгами: «Смерть Мадзини! Смерть Криспи!» Правда, другая часть населения кричала: «Смерть Кавуру!» — но Гарибальди не принял никаких мер, чтобы силой врученной ему народом власти ликвидировать происки кавуровской шайки, окружавшей его под видом «друзей». Между тем Виктор Эммануил двинул свои войска на юг и опубликовал длинное воззвание, в котором почти не упоминалось о роли Гарибальди (было лишь сказано вскользь, что он «храбрый воин, преданный Италии и мне», и твердо подчеркнуто: «в Италии я кладу конец эре революции»), — даже и тогда Гарибальди не внял этому предупреждению.

Не дожидаясь даже плебисцита, он 15 октября неожиданно опубликовал следующий декрет: «Чтобы удовлетворить несомненное желание всей нации, постановляю, чтобы Обе Сицилии, свободно избравшие меня диктатором, вошли в состав единой и неделимой Италии под властью конституционного короля Виктора Эммануила и его наследников. По прибытии короля я вручу ему диктаторскую власть, доверенную мне народом». Состоявшийся 21 октября плебисцит утвердил присоединение к Пьемонту как Неаполя, так и Сицилии.

26 октября в Капанелли (недалеко от Теано) произошла встреча Гарибальди с Виктором Эммануилом.

Вот как описывает эту сцену Альберто Марио:

«Король ехал на пегом арабском коне. Его сопровождала свита, военный министр Фанти и будущий неаполитанский вице-король Фарини. Все эти люди были врагами Гарибальди — этого «плебея, дарящего королям царства».

Голова Гарибальди под шляпой была обвязана шелковым платком, узлом у подбородка: это было сделано, чтобы защитите

уши от утренней сырости. Когда король подъехал к Гарибальди, тот снял шляпу, но платок остался. Король протянул ему руку и сказал:

— Здравствуйте, дорогой Гарибальди, как поживаете?

— Хорошо, ваше величество. А вы?

— Очень хорошо.

…Виктор Эммануил некоторое время беседовал с генералом, затем они вместе поехали дальше. За ними следовала свита. В одной шеренге были скромные красные рубашки, в другой — великолепные мундиры, сияющие золотом, серебром, крестами и аксельбантами. По пути всадники встречали крестьян, которые громко приветствовали Гарибальди. Приветствия эти смутили Гарибальди. Придержав коня, он крикнул:

— Вот Виктор Эммануил, это король, наш король, король Италии. Да здравствует король!

Крестьяне молчали, не понимая, в чем дело, и снова закричали: «Да здравствует Галибардо!» Чувствовавший неудобство положения, Гарибальди мучился, обливаясь потом. Виктор Эммануил пришпорил коня и помчался галопом вперед. У моста они расстались…

Гарибальди остановился на окраине города в корчме для извозчиков. Мы с товарищами вошли в конюшню и увидели, что диктатор сидит на большой скамье, недалеко от своей лошади. Перед ним стоял бочонок, на котором был приготовлен завтрак: бутылка воды, кусок сыра и хлеб.

Лицо Гарибальди было хмуро. Позже я понял причину плохого настроения генерала. Оказывается, он просил у короля разрешения драться под Гарильяно в первых рядах. Но король ответил:

— Вы достаточно долго сражались. Уступите теперь место мне. Ваше войско устало, мое же войско явилось со свежими силами. Оставайтесь в резерве. — Затем, помолчав, король добавил: — Впрочем, когда мы атакуем Капую, если вы хотите участвовать в атаке, договоритесь с генералом делла Рокка. Я дал ему уже на этот счет инструкции».

Гарибальди был ко всему готов, всего ожидал, но не такого жестокого удара своему самолюбию. Из Казерты он пишет королю письмо, в котором напоминает, что «вручает королю власть над десятью миллионами итальянцев» и просит взять под свое покровительство тех, кто помогал ему в великом деле освобождения Южной Италии.

Ему не только отказали в этой просьбе, но самым жестоким и грубым образом обошлись с героями освободительной войны. Отряды Гарибальди были объявлены распущенными. С этого

момента и сам Гарибальди стал подвергаться бесчисленным мелким уколам, оскорблениям и издевательствам. Теперь Фанти уже без стеснения называл его «дерзким авантюристом». Друга его, писателя Дюма-отца, выселили из дома, подаренного ему Гарибальди. Когда Гарибальди послал в «Giornale Ufficiale» некоторые свои декреты с просьбой их напечатать, ему ответили, что министр внутренних дел, согласно инструкции свыше, запретил печатание новых декретов.

Вскоре было опубликовано воззвание короля к «народу Сицилии». В этом воззвании имя Гарибальди даже не было упомянуто. Еще откровеннее действовали некоторые провинциальные администраторы: циркуляром от 4 декабря 1860 года главный инспектор театров и зрелищ Палермо маркиз Рудини категорически воспретил показывать на сцене все, что имеет отношение к Гарибальди.

Несмотря на все обиды, Гарибальди не отказался от своего намерения сопровождать короля при въезде в Неаполь. И здесь толпа почти не обращала внимания на короля. Крики «Viva il Re!» раздавались редко, все кричали «Viva Garibaldi». Народ признавал и любил только своего героя. Однако Гарибальди знал, что теперь ему уже нет больше места в Италии. Оставалось лишь уйти на время от политической жизни.

Он оставил горячее, сердечное письмо волонтерам, прощаясь с ними, еще раз навестил своих раненых, и 9 ноября в сопровождении Менотти и пяти друзей уехал на Капреру. При прощании товарищи плакали. Гарибальди был спокоен и, улыбаясь, сказал:

— До свидания весной в Риме!

На корабле «Вашингтон» Гарибальди увозил с собой… мешок овощей, мешок семян и связку сушеной трески. «Он с горстью людей победил армию, освободил целую страну и был отпущен из нее, как отпускают ямщика, когда он довез до станции», — с горечью отмечал Герцен.

Так окончился для Гарибальди 1860 год, год расцвета его славы в народных массах и вместе с тем успехов народного освободительного движения в Италии.

Но горькие слова Гарибальди о «слабости вождей» в этот период революции нужно, к сожалению, отнести и к нему самому. Его упорное нежелание резко порвать с Кавуром и пьемонтскими либералами стоило ему фактической капитуляции и оставления народных масс беззащитными перед лицом кавурских политиканов. Гарибальди не понимал, что единственным средством действительного воссоединения Италии, которое положило бы раз и навсегда конец феодально-деспотическому

гнету, была «плебейская» революция и демократическая республика.

«РИМ ИЛИ СМЕРТЬ!»

Уезжая в ноябре 1860 года на Капреру, Гарибальди не производил впечатления сломленного человека. Главная задача его жизни — полное национальное освобождение Италии — еще не была решена. Рим все еще находился во власти папы и охранялся французскими штыками, Венеция была оккупирована австрийцами. Следовательно, надо освободить Рим и Венецию.

В течение всей зимы к Гарибальди являлись многочисленные патриотические депутации. Капрера стала своего рода «Меккой» для демократов и революционно настроенных людей всей Европы. Венгерские и польские эмигранты, испанцы, греки, русские, немцы, сербы, валахи — кто только здесь не побывал!

«Если в марте 1861 года в Италии не будет миллиона вооруженных итальянцев — горе нашей свободе!» — говорил своим гостям Гарибальди. Он терпеливо дожидался весны, чтобы попытаться организовать революционную экспедицию в Рим.

Когда начались выборы в общеитальянский парламент, Гарибальди не захотел принимать в них участия. Он ответил Беллацци (письмо от 29 декабря 1860 года), что «вследствие исключительных обстоятельств не может выставить своей кандидатуры». Затем он изменил свое решение. С его согласия, 30 марта Неаполь единогласно избрал его своим депутатом. 1 апреля 1861 года Гарибальди уехал с Капреры в Турин. Парламент обсуждал вопрос о судьбе офицеров бывших волонтерских отрядов Гарибальди. Правительство Кавура издевалось над героями Палермо и Неаполя, устанавливая на особых комиссиях, кто из волонтеров «достоин» быть принятым в пьемонтскую армию.

18 апреля состоялось выступление Гарибальди в парламенте. Революционный полководец явился на заседание в необычной для депутата одежде — излюбленная красная рубашка, серый пончо, в руке — испанское сомбреро (шляпа). Эту одежду он предпочитал нарядным раззолоченным мундирам королевских офицеров.

После вступительной речи Риказоли взял слово Гарибальди. Коснувшись вопроса о волонтерах, он заявил: «Чудесная слава южного войска омрачилась только с той минуты, как холодное и враждебное правительство попыталось наложить на него руку». Неодобрительный шум, поднявшийся в зале, ничуть не смутил Гарибальди. «Я думаю, — продолжал он, — что тридцать лет службы моему отечеству дают мне право говорить вам правду. Когда горячее желание мирного соглашения и боязнь братоубийственной войны, провоцированной этим

правительством…»

Поднялся невообразимый шум. Граф Кавур, бледный и растерянный, вскочил и крикнул: «Он не смеет оскорблять нас! Господин председатель, заставьте оратора уважать правительство и представителей народа!»

Гарибальди пришлось начинать речь трижды. После перерыва он возобновил свое выступление. «Когда боязнь братоубийственной войны, — громко продолжал он, — вынудила меня прервать свое движение к Риму, я вернулся в Капреру и просил только одного: справедливого отношения к храброй армии, освободившей 10 миллионов итальянских братьев. Мне было обещано королем удовлетворить мою просьбу. Что же сделало министерство? Оно могло слить мое войско с регулярной армией, или выделить его в отдельную единицу, или распустить, но унижать его оно не имело права! Диктатура в Сицилии была законным правительством. Она организовала плебисцит и дала вам два царства; отчего же, приняв эти царства, вы отказываетесь от завоевавшего их войска?»

Кавур протестовал, заявляя, что обвинение во враждебном отношении к гарибальдийцам «несправедливо». Он напомнил Гарибальди, что именно он, Кавур, был «инициатором» созыва волонтеров в 1859 году. Он похвалил поведение волонтеров в военное время, но заявил, что «не уверен в их необходимости в мирное время».

Несмотря на угрозу Гарибальди «вернуться к своей старой программе всеобщего вооружения народа и немедленной войны», палата оказалась послушной Кавуру: она услужливо приняла проект закона о волонтерах.

Неизвестно, чем закончился бы конфликт Гарибальди с правительством, если бы 6 июня неожиданно не умер Кавур.

Гарибальди вернулся на Капреру. Осенью он получил от президента Соединенных Штатов Линкольна предложение стать во главе федерального войска (в то время в Америке происходила война либерально-буржуазного Севера с реакционно-рабовладельческим Югом).

Возглавить войну за освобождение негров было для Гарибальди большим соблазном. Не об этом ли мечтал он в ранней юности? Но, узнав о полученном им предложении, жители Неаполя преподнесли своему любимому герою покрытый тысячами подписей адрес, в котором умоляли его не покидать Италии.

Гарибальди ответил американскому консулу: «Дорогой синьор! К сожалению, я вынужден сообщить, что сейчас не могу ехать в Соединенные Штаты. Я не сомневаюсь в успехе вашего

дела. Если, к несчастью, вашему отечеству придется продолжать войну, я постараюсь преодолеть все препятствия и поспешу на защиту народа, который мне очень дорог».

1861 год ознаменовался еще одним важным публичным выступлением Гарибальди. 9 апреля 1861 года войска русского царя стреляли в Варшаве в толпу демонстрантов, выступавших с лозунгами независимости Польши. Гарибальди пишет в «Daily News» пламенное «открытое письмо А. И. Герцену», в котором клеймит кровавую династию Романовых и от лица итальянского народа шлет сочувствие героической Польше.

После смерти Кавура отношение властей к Гарибальди несколько улучшилось. Гарибальди предпринял поездку по Ломбардии. Поездка превратилась в настоящий триумф. Банкеты, торжественные встречи, овации. Гарибальдийцы в красных рубашках дежурили у его дверей в почетном карауле. Толпы народа приветствовали его и носили на руках. Улицы и площади оглашались восторженными криками: «Рим и Венеция!»

Гарибальди отвечал: «Да, Рим и Венеция наши, а если мы будем сильны, мы их завоюем!» В Милане, Монце, Комо, Лоди, Парме, Кремоне такие же восторженные встречи. Тысячи итальянцев клялись, что будут верны лозунгу: «Рим или смерть!» Всем им Гарибальди предлагал подтвердить свои слова действиями. Единодушное настроение народных масс еще более укрепило Гарибальди в решении бороться до конца.

В июле 1862 года Гарибальди снова покинул Капреру. Не разлучавшийся с ним старик врач Рипари написал одному своему другу в Геную: «Орел летит на юг».

В сопровождении нескольких друзей Гарибальди уехал в Палермо. С какой целью предпринял он эту поездку, не знал точно никто, даже те, кто его сопровождал. Ночью 19 июля, когда они находились в открытом море и при свете луны вдали показались смутные очертания сицилийского берега, один из его спутников решился робко спросить, не в Сицилию ли они едут?..

— Да, — небрежно заметил Гарибальди, — в Палермо… А там видно будет!

Он уже тогда прекрасно знал, что именно будет видно: из Сицилии он намеревался начать поход в Рим.

«Рим или смерть!» — был его лозунг. Палермцы оказали ему прекрасный прием. Его обнимали, носили на руках. Имя героя сицилийской революции было на устах у всех. Страницы газет заполнялись сообщениями о Гарибальди, его портретами.

И вот, как удар грома, прозвучало пламенное воззвание Гарибальди:

«Народ Палермо! Властитель Франции, совершивший

предательство 2 декабря[61] захватил Рим. Этот человек проливал кровь парижских братьев под предлогом охраны личности папы, охраны религии, католицизма. Но это ложь! Ложь! Он действовал под влиянием низменных побуждений бандита из-за преступной жажды власти. Он — первоисточник всякого разбоя… Он стал главой разбойников и убийц.

Народ «Сицилийской вечерни»[62], народ 1860 года! Необходимо сделать так, чтобы Наполеон очистил Рим от своих войск. Если понадобится, пусть произойдет новая «Сицилийская вечерня»!

Этот горячий революционный призыв ошеломил даже некоторых друзей Гарибальди. Правительство Виктора Эммануила в Турине пришло в ужас и тщетно пыталось «оправдаться» перед монархическим парламентом. В Сицилии воззвание Гарибальди имело огромный успех. Во время поездки Гарибальди по острову, по местам былых боев «тысячи» (Алькамо, Калатафими, Корлеоне, Марсала) население горячо приветствовало его. Повсюду раздавались крики: «Рим или смерть!»

Никакие доводы осторожных людей не действовали более на Гарибальди. Вскоре ему дали знать, что в лесу близ Фикуццы (деревушка недалеко от Палермо) уже собралось несколько тысяч вооруженных повстанцев, что вся Сицилия готова идти за ним. Гарибальди немедленно отправился в Фикуццу и стал во главе партизан. За одну ночь Палермо преобразился. Улицы кишели вооруженными людьми в повстанческой форме; день и ночь под звуки труб двигались колонны и обозы с военным снаряжением.

Король Виктор Эммануил выпустил прокламацию, в которой назвал Гарибальди мятежником. Премьер-министр Раттацци приказал префекту Палермо Паллавичини подавить восстание самыми энергичными мерами, вплоть до ареста Гарибальди. Но Паллавичини[63] отказался повиноваться приказу и заявил, что выходит в отставку.

1 августа 1862 года в фикуццском лесу собралось три тысячи повстанцев. Гарибальди радостно заявил: «Даже в 60-м году у меня не было столько волонтеров». Три колонны гарибальдийцев выступили в поход. В ближайшем городе Гарибальди узнал, что правительство Турина объявило его вне закона и решило ввести в Сицилии осадное положение. Но это не устрашило революционного полководца.

— Разве в 1860 году не происходило то же самое? — хладнокровно заявил он. — Правительство Пьемонта трижды накладывало запрещение на экспедицию «тысячи». Сперва оно не хотело, чтобы мы отправились в Сицилию; затем, чтобы мы

переплыли Мессинский залив, и, наконец, чтобы мы перешли Волтурно. Мы отправились в Сицилию, переплыли пролив, перешли Волтурно, и Италия от этого не пострадала! («Мемуары».)

Гарибальди двинулся во главе своего войска через весь полуостров. Шли к востоку, в направлении Палермо — Мецоджузо — Аллия — Кастроджованни. В Кальтаниссетте правительственный отряд, услышав о приближении Гарибальди, поспешно отступил в Джирдженти.

Когда колонна Гарибальди приблизилась к Мистербианко, навстречу ей вышла торжественно настроенная толпа с горящими факелами в руках. Революционерам сообщили радостную весть: вся Катанья уже очищена от королевских солдат. Власть в городе перешла в руки Гарибальди. Население Катаньи отнеслось к революционерам необычайно сердечно.

Когда вечером 22 августа стало известно, что генералы Мелла и Рикотти собираются напасть на Гарибальди, жители Катаньи забили тревогу. Улицы, ворота, площади покрылись баррикадами. Национальная гвардия вооружилась и готовилась отразить нападение.

В тот же вечер, к великой радости Гарибальди, в порт вошли два парохода, один под французским флагом, другой — под итальянским. С возвышенного пункта бенедиктинского монастыря Гарибальди первым заметил их приближение. Меньше чем через час оба судна оказались в его власти. Гарибальди начал посадку своих отрядов на пароходы.

«Наши пароходы были так перегружены людьми, — рассказывает Гарибальди, — что из-за недостатка места многие не могли взойти на борт. Наши бойцы такой гурьбой взобрались на палубы злосчастных пароходов, что тем угрожала опасность пойти ко дну. Но бесполезно было убеждать солдат сойти. Я был некоторое время в нерешительности: отчаливать ли мне при подобных обстоятельствах? Как велики были мое смущение, моя ответственность! От моего решения зависела вся будущность отечества!.. Мы отчалили — и счастье оказалось и на этот раз на стороне правды и справедливости. Переплыв пролив, мы приблизились на рассвете к берегу Мелито, выгрузили все войско и направились вдоль берега по направлению к Реджо…» («Мемуары».)

Против гарибальдийцев выступил правительственный отряд. Затруднительное положение Гарибальди заключалось в том, что он не хотел стрелять в своих, не хотел проливать ни единой капли итальянской крови. В то же время противнику было приказано не щадить гарибальдийцев.

Чтобы избежать кровопролития, Гарибальди решил удалиться в горы. Его войску пришлось сделать вдвое больший путь по вине проводника-новичка, а может быть, и предателя. Два дня шли гарибальдийцы горами. В пути отстало более пятисот человек.

«Аспромонтская позиция была прекрасной, — пишет Гарибальди в «Карандашных набросках». — Я не сомневался, что мы победим, даже если бы нам пришлось сражаться с войском вдвое большей численности… Но я совершил большую ошибку. Раз я не хотел драться, зачем же мне было ожидать неприятеля? Я должен был уйти еще до его прихода. Но я этого не сделал. Некоторая нерешительность с моей стороны была причиной катастрофы…»

Когда правительственные войска приблизились и стали стрелять в упор, Гарибальди выпрямился во весь рост и, обернувшись к своим, крикнул: «Не отвечайте! Да здравствует Италия!» Дрожа от волнения и гнева, они повиновались. Только сын Гарибальди, Менотти, увидя, что отец ранен в бедро, кинулся со своим батальоном на стрелявших. Его примеру последовали Коррао и Рафаэль Бенедетто. Но раненый Гарибальди решительно потребовал прекращения стрельбы. В это время вторая пуля ранила его в лодыжку правой ноги. Взмахнув шляпой, он крикнул: «Да здравствует Италия!» — и упал в объятия Энрико Каироли. Каироли, Нулло и Гвасталла перенесли его к подножию дерева. Обессилевший Гарибальди через горниста передал приказ прекратить огонь. Тяжелое ранение Гарибальди (29 августа 1862 года) произвело огромное впечатление и на волонтеров и на королевских солдат. Растерявшиеся, пристыженные солдаты упрекали своих начальников, многие плакали. Адъютант генерала Паллавичини (который снова покорился правительству) в полном вооружении подъехал к раненому герою и предложил ему сдаться. Словно не слыша этих слов, Гарибальди гневно крикнул:

— Отнимите у него шпагу! Надо его научить, в каком виде должны являться парламентеры.

В эту минуту появился сам Паллавичини. Обнажив голову, он преклонил колена перед Гарибальди и стал «умолять» его сдаться… Он заверил его, что «с прискорбием вынужден подчиниться приказу — сражаться с Гарибальди…».

Однако в дальнейшем обращение с Гарибальди стало совершенно бесчеловечным. На скверных носилках его доставили к морскому берегу и внесли на борт парохода «Женевский герцог». На корабле не было льда, и когда раненого привезли, наконец, в Вариньян, ноги его настолько воспалились и распухли, что невозможно было прощупать пули. Пленнику предоставили жалкую мрачную камеру без всякой мебели. Но не физические

муки угнетали его.

«Мне неприятно рассказывать о мерзостях, — сдержанно повествует Гарибальди в «Мемуарах», — но мне пришлось пережить вещи, которые могли бы вызвать отвращение и у чистильщиков клоаки. Нашлись люди, которые при известии о моей ране, считавшейся смертельной, радостно потирали себе руки. Мне пришлось проехать большое расстояние по морю, и рана на правой ноге доставляла мне ужасные страдания».

Главным участникам аспромонтского сражения пришлось бежать за границу, чтобы избежать ареста. Джесси Марио рассказывает, что, очутившись в Лугано, она застала там Каттанео и Мадзини: «Каттанео плакал, как ребенок, а жалобы, вырывавшиеся из уст Мадзини, смертельно бледного от горя, говорили о том, как сильно Мадзини любил Гарибальди, несмотря на частые их споры и разногласия».

Так монархическое правительство Италии «вознаградило» великого человека за огромные услуги, оказанные родине. «Впрочем, — с горькой иронией говорит Гарибальди, — выиграв в пользу монархии десять сражений, мы совершили, видимо, преступление или нанесли ей оскорбление, увеличив ее владения. Это ведь проступки, которых короли не прощают».

Раны, полученные в Аспромонте, надолго вывели Гарибальди из строя. Они причиняли ему непередаваемые мучения. «Меня *препроводили* в Вариньян, Специю, Пизу и оттуда на Капреру, — пишет Гарибальди. (Очевидно, даже в госпиталях Специи и Пизы он был на положении арестованного.) — Я не хочу утомлять внимание читателя рассказом о моих страданиях, ранах, госпиталях, тюрьмах и фальшивых любезностях королевских коршунов» («Мемуары»). Однако доступ к больному был свободен. Его посещали лучшие хирурги — знаменитый Нелатон, флорентинец Цанетти. Многим был обязан Гарибальди знаменитому русскому хирургу Н. И. Пирогову, по настоянию которого больному не ампутировали ногу. Лечившие Гарибальди Рипари, Базиль, Альбанезе не отходили от него ни днем ни ночью. Раненому пришлось немало помучиться, пока профессор Цанетти не извлек пулю… «Через тринадцать месяцев рана на правой ноге зажила, но вплоть до 1866 года я влачил вялое и бесполезное существование…» («Мемуары».)

Мнѣніе Н. И. Пирогова о ранѣ Гарибальди. — Н. И. Пироговъ, возвратясь изъ Специи въ Гейдельбергъ, пишетъ, отъ 5-го ноября н. ст.: «Рана Гарибальди подтверждаетъ еще-разъ ту извѣстную уже истину, что на свѣтѣ нѣтъ ни одного дѣла, какъ бы оно просто и ясно ни было, въ которомъ бы нельзя было найдти все-таки причины къ сомнѣнію, недоумѣнію и возраженію.

«31-го октября я увидалъ эту знаменитую рану. За два дня предо мною осматривалъ ее Нелатонъ; за день была консультація 17 итальянскихъ врачей. Я прибылъ въ одно время съ Петриджемъ. По утру 31-го, я осмотрѣлъ раненую ногу генерала одинъ; во-время утренней перевязки (которую дѣлаютъ постоянно приближенные къ Гарибальди врачи Риварн и Базили); въ 4 часа я повторилъ мой осмотръ вмѣстѣ съ докторомъ Петриджемъ (изъ Лондона) и Палуціани (изъ Неаполя).

«Войдя въ первый разъ въ комнату, гдѣ сидитъ Гарибальди на своей англійской постели, трудно подумать, что видишь предъ собою тяжело-раненаго человѣка. Не нужно и пульса щупать. Посмотрѣвъ только на больнаго, можно уже сказать, что у него нѣтъ ни горячки, ни жару, что онъ внутренно здоровъ, и сердцемъ, и душою.

«Взглядъ свѣтелъ, рука пріятно-тепла. Но не такъ-пріятно поражаетъ врача контрастъ хорошо-сохранившагося бюста съ болѣзненною худобою конечностей. Подъ теплыми одѣялами лежатъ исхудалыя ноги. Этотъ контрастъ обыкновенно встрѣчается у людей, сдѣлавшихъ быстрый переходъ отъ дѣятельной, подвижной жизни къ постели и бездѣйствію. Этотъ контрастъ не такъ-страшенъ, какъ кажется; гѣмъ-немевѣе, онъ указываетъ врачу, на что онъ долженъ обратить вниманіе при леченіи такихъ больныхъ. Для нихъ свѣжій воздухъ и движеніе тѣла, хотя бы пассивное, составляютъ условія жизни и успѣха въ леченіи, особливо когда дѣло идетъ о наружномъ поврежденіи. По моему обыкновенію, я приступилъ къ осмотру раненой ноги не иначе, какъ при сравненіи ея съ здоровою. Оказалось, что и здоровая несовсѣмъ-здорова. Суставъ и лѣвой ноги слегка опухъ, отъ ревматизма. Гарибальди, узнавъ мое намѣреніе, самъ предупредилъ меня объ этомъ. Раненая правая нога лежала, или, лучше, висѣла, въ приборѣ, привезенномъ докторомъ Петриджемъ изъ Лондона. Когда

«Мнение Н. И. Пирогова о ране Гарибальди», напечатанное в «Санкт-Петербургских ведомостях» в ноябре 1862 года.

Весть о ранении Гарибальди быстро облетела весь мир. Особенное негодование вызвал тот факт, что его держали в заключении. В разных странах мира — в Англии, Швеции, Соединенных Штатах — происходили бурные митинги, требовавшие освобождения национального героя. В Лондоне был объявлен сбор «пенни» в фонд помощи Гарибальди, и тысячи бедняков рабочих жертвовали свои гроши. В несколько дней было собрано сорок тысяч франков. В Лейпциге была открыта подписка на золотой венок для великого борца за свободу. В Америке снова возникла мысль предложить Гарибальди командование федеральной армией.

Несмотря на суровый режим Второй империи, даже во Франции рабочие выражали свою солидарность Гарибальди и отправили в Вариньян депутации с адресами. Газеты оппозиции требовали освобождения героя.

Лишь в конце 1862 года. Гарибальди разрешено было вернуться на Капреру. Он превратился в инвалида. Теперь он уже не мог, как бывало, бодрой и легкой походкой, с ружьем за плечами, бродить по горам и лесам соседней Сардинии, где знал каждую тропинку, каждый утес. Но, несмотря на болезнь, он продолжал с напряженным вниманием следить за освободительным движением во всех уголках земного шара.

Кампания солидарности, развернувшаяся в Англии, сильно тронула Гарибальди. Он доверчиво отнесся к приглашению приехать в Англию. По своему обыкновению, он принял неожиданное решение. Сев на пароход, шедший из Марселя, он уехал в сопровождении сыновей, Бассо, Гверцони и врача Базиля на Мальту, а оттуда в Англию — в Соутгемптон.

Англичане оказали ему совершенно исключительный прием. «В день приезда Гарибальди в Лондон, — рассказывает А. И. Герцен, — я… видел море народа, реки народа, запруженные им улицы в несколько верст… С криками *ура* народ облепил коляску; все, что могло продраться, жало руку, целовало края плаща Гарибальди, кричало: «Welcome!» (Добро пожаловать!) С каким-то упоением любуясь на великого плебея, народ хотел отложить лошадей и везти на себе, но его уговорили. Дюков и лордов, окружавших его, никто не замечал — они сошли на скромное место гайдуков и официантов… Одна народная волна передавала гостя другой…»[64]

Британская знать и крупная буржуазия, опасаясь влияния Гарибальди на народные массы, решила сразу взять в свои руки

церемонию чествования героя. Сперва его отвезли на остров Уайт. Он поселился там в доме члена парламента Сили и целую неделю принимал визиты разных лордов и знаменитостей: лорда Пальмерстона, лорда Гладстона, поэта Теннисона, герцога Сомерсетского. В Лондоне Гарибальди жил во дворце герцога Сэзерлэндского. В Хрустальном дворце ему была вручена «почетная шпага». Лондонские ольдермены (члены самоуправления) вручили ему адрес, в котором выражалось «горячее восхищение неустрашимым чемпионом свободы».

Неискренности аристократов и буржуазии Гарибальди не понимал, а может быть, и не желал понимать. В глубине души он надеялся раздобыть у них денег для организации освободительного похода в Италию, хотя заявлял, что приехал только для того, чтобы «поблагодарить английский народ за поддержку итальянского движения». Французский журналист Ассолан насмешливо писал по этому поводу: «Англичане обкармливали Гарибальди плумпуддингами, черепашьими супами и сандвичами, но что касается его «миллиона ружей», то они не дали ему ни гроша».

Английские аристократы, в сущности, издевались над Гарибальди. Его поведение в Англии вызвало резкое осуждение со стороны Маркса. Обычно высоко ценя Гарибальди, он теперь наотрез отказался участвовать в его чествовании, устроенном также рабочими организациями. «Рабочий союз… хотел, — пишет Маркс Энгельсу 19 апреля 1864 года, — чтобы я составил адрес Гарибальди и пошел к нему с депутацией. I refused flatly[65].

…До чего жалок (т. е. глуп) Гарибальди (впрочем, он наполовину killed embrace[66] Джона Булля) — ты можешь судить по следующему факту…

На тайном конгрессе революционеров в Брюсселе (в сентябре 1863 года) — с Гарибальди в роли номинального руководителя — было постановлено, чтобы Гарибальди отправился в Лондон, но инкогнито, захватив таким образом город врасплох. Затем он должен был come out [выступить] в защиту Польши in the strongest possible way [самым решительным образом]. А вместо этого он братается с Памом!»[67] (Пам — премьер-министр Пальмерстон.)

Живший в Лондоне Мадзини также строго осуждал поведение Гарибальди, связавшегося с реакционной аристократией. Узнав об этом, Гарибальди счел долгом во всеуслышание заявить, что он остался прежним непримиримым революционером и ни на какие сделки с реакцией не пойдет. Чтобы убедить в этом всех, он решил демонстративно помириться с Мадзини. Встреча двух вождей итальянской революции произошла у А. И. Герцена. На

устроенном им банкете в честь Гарибальди присутствовали Герцен, Огарев, Мадзини, Саффи, Стансфельд и бывший продиктатор Сицилии Мордини.

Встреча Гарибальди с Мадзини, визиты его к Луи Блану и Ледрю Роллену[68] привели в ужас английскую аристократию и буржуазию. Английская печать внезапно открыла враждебную кампанию против Гарибальди. Впрочем, главную роль сыграло вмешательство Наполеона III, прямо потребовавшего от Пальмерстона высылки Гарибальди из Англии. Английское правительство уже с самого начала неодобрительно относилось к приезду «опасного революционера». Обострение из-за него отношений с Францией и Австрией вовсе не улыбалось Пальмерстону и его коллегам. Правда, в этих овациях и торжествах с их точки зрения не было ничего плохого. Напротив! Ветеран революции, спешащий с одного великосветского банкета на другой, с одной церемонии на другую, представлял довольно забавное зрелище. Этот ручной лев казался вовсе не страшным. Но дни шли за днями, а гарибальдийские торжества не только не стихали, а грозили охватить всю Великобританию. Манчестер, Бирмингем, Бристоль, Ньюкасл, Ливерпул, Глазго, Эдинбург и другие города наперебой приглашали Гарибальди, собираясь устроить чествования, не менее пышные, чем лондонские.

Наконец правительство решило, что пора прекратить эту опасную игру. По наущению «гостеприимного хозяина» герцога Сэзерлэндского, в доме которого одно время жил Гарибальди, лейб-хирург королевы Фергюсон констатировал, что «частые поездки генерала в многолюдные города Англии сильно расшатали его здоровье». Мало того, Фергюсон находил у Гарибальди признаки не только физического, но и душевного заболевания.

Слух о предстоящем из-за интриг аристократов отъезде Гарибальди быстро распространился по всей стране и вызвал большое волнение. Члену парламента сэру Сили пришлось выступить на митинге в «London Tavern», а министру Гладстону — в палате общин со специальными разъяснениями по этому вопросу.

Выведенный из себя Гарибальди безапелляционно заявил: «Partirò Domani!» («Уеду завтра!») Он отказался от собранной по подписке для него лично суммы в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов и лишь по настоянию друзей согласился уехать не на следующий день, а несколько позже. 22 апреля в сопровождении сэра Сили, герцога и герцогини Сэзерлэнд он уехал из Лондона в Клифден-Парк (загородное имение матери герцога). Все это было подстроено намеренно, чтобы изолировать Гарибальди от

влияния его революционных друзей и незаметно увезти его из Англии.

«Гарибальдиевщина получила достойное завершение, — писал по этому поводу Энгельс Марксу 29 апреля 1864 года. — Способ, каким ему дали по шапке, после того как лондонские swells (щеголи) разглядывали его в продолжение целой недели, уж очень хорош, и чисто английский. Для всякого иного человека, кроме Гарибальди, это было бы гибелью, но даже для него это совершенно исключительный позор — послужить для английской аристократии nine days wonder (девятидневным чудом) и затем быть выброшенным за дверь. Они обращались с ним, как с чистым романтиком. Как мог он только дойти до этого и как мог он иметь глупость видеть в этих Дэндрери[69] английский народ!»[70]

***

По возвращении из Англии Гарибальди продолжал жить в своем домике на Капрере. Ему должно было скоро исполниться шестьдесят лет… Но он по-прежнему рвался в бой и готов был участвовать в любой экспедиции, которая могла бы освободить итальянские провинции, где еще царил гнет Австрии. Поэтому в 18G6 году, когда Италия в союзе с Германией начала войну с Австрией, Гарибальди принял предложение пьемонтского правительства сформировать корпус волонтеров, по образцу «альпийских стрелков» 1859 года. 10 июня он покинул Капреру на судне «Пьемонт» — том самом, на котором в 1860 году славная «тысяча» отплывала в Сицилию.

Вот что рассказывает Гарибальди в «Мемуарах» о вновь созданном им корпусе добровольцев: «Это было знакомое мне, прекрасное молодое войско, полное энтузиазма, всегда готовое сражаться за Италию, не требуя награды. Зато пушек не было и в помине. Добровольцы должны были добывать их сами. Им опять дали не доброкачественные ружья (все лучшее досталось регулярным войскам), а скверные ружья старой системы. Их экипировали очень скудно… Короче, всюду была та, мне знакомая, низость, к которой защитники монархии уже приучили наши добровольнические отряды… Правительство, враждебное добровольцам, защитникам прав и свободы Италии, относилось к ним с недоверием и страхом. Правда, уступая общественному мнению, оно вооружило несколько отрядов добровольцев, но вооружение, организация и забота о них носили печать отвращения и злобы».

Итак, повторялась старая история. Монархическое

правительство, по опыту прежних лет, снова пошло на то, чтобы использовать гарибальдийцев, использовать национально-освободительное движение в оккупированных врагом областях. Но в то же время оно боялось как огня революционной армии Гарибальди.

Характерно, что прекрасно вооруженная регулярная итальянская армия терпела в этой войне чувствительные поражения, а добровольцы Гарибальди одерживали победу за победой! Но напрасно они проливали кровь в горах Тироля, напрасно занимали город за городом: бездарное и равнодушное к освободительному движению командование королевской армии то и дело терпело поражения и заставляло гарибальдийцев покидать места, завоеванные ими с огромным трудом.

Так было в конце июня, когда гарибальдийцы заняли Сторо. Чтобы овладеть этим городом, который мог в дальнейшем стать важным опорным пунктом тирольских операций, нужно было, как указывал Гарибальди, занять окружавшие его высоты, особенно Рокка-Пагана — горную вершину, грозно поднимавшуюся над Сторо. Пик был взят гарибальдийцами, а за ним — Сторо. Это была блестящая победа, и радость волонтеров была велика. Но в ночь на 24 июня Гарибальди неожиданно получил от генерала Ламармора телеграмму: «Непоправимое поражение — отступаем от Ольо, спасайте героическую Брешу и верхнюю Ломбардию». Королевская армия потерпела позорное поражение под Кустоццей. Скрепя сердце Гарибальди приказал своим храбрым волонтерам покинуть завоеванные позиции и отойти к Сало…

4 июля Гарибальди был снова ранен в горячем бою под Рокка д'Анфо. Он терпеливо переносил боль и, лежа на жалкой койке, спокойно покуривал свою трубку.

В нашу задачу не входит описание многочисленных боев, выдержанных гарибальдийцами и происходивших в невероятно трудных условиях, среди горных высот.

«Fate l'Aquila!» («Будьте орлами!») постоянно повторял своим героям Гарибальди. И юные орлы брали штурмом неприступные твердыни. Во второй половине июля они продвинулись далеко в глубь итальянского Тироля. Особенно замечательно занятие Беццекки — важного стратегического пункта. Был момент, когда австрийцы отбили Беццекку и, установив на окружающих высотах артиллерию, начали бомбардировку гарибальдийских позиций. На тиарнскую дорогу непрерывно падали снаряды. Сознавая серьезность положения, Гарибальди показывался в самых опасных местах и служил отличной мишенью для неприятельских пуль. Пули свистели, ударялись об его коляску. Одна из лошадей была уже ранена; под одним из проводников, ехавших впереди коляски

Гарибальди, пал конь. Тогда адъютанты заслонили Гарибальди своими телами и умоляли его отъехать в тыл. Но Гарибальди был непоколебим, как в дни опаснейших сражений своей юности. «Здесь побеждают или умирают», — отвечал он. Весь поглощенный ходом сражения, он после некоторого раздумья выдвинул вперед резервную батарею и приказал майору Дольотти сосредоточить огонь на Беццекке.

Восемь орудий открыли сокрушительный огонь по высотам. Теснимый 7-м и 9-м полками, неприятель приостановил наступление и отошел к Беццекке. «Еще одно последнее усилие!» — требует Гарибальди. И вот храбрейшие из волонтеров, во главе с Менотти и Риччиотти, кидаются вперед, в гору, в то время как артиллерия Дольотти громит горящую Беццекку. С криками «Италия!» и «Гарибальди!» доблестная фаланга штыковой атакой выбивает австрийцев и гонит их через Лока, Энгвизо и Ленсумо вплоть до склонов Монте Пичеа! Гарибальдийцы продолжают преследовать врага, который отступает к Риве (у северного берега Гардского озера).

В это время Медичи перешел Адидже (Этч) и, двигаясь по Бренте, занял Борго, Левико и Перджине. Он приближался уже с востока к Триенту. Но 10 августа Гарибальди неожиданно получил телеграмму от генерала Ламармора:

«Политические соображения повелительно требуют заключения перемирия, согласно которому все наши силы должны очистить Тироль. Таков приказ короля. Поэтому распорядитесь, чтобы 11 августа к 4 часам пополудни все ваши части ушли из Тироля. То же со своей стороны должен сделать генерал Медичи».

Как! Уйти из завоеванного Тироля, горы и долины которого усеяны телами сотен юных итальянских героев! Столько крови пролито — и все напрасно!.. Глубокое возмущение овладело волонтерами, на глазах своих командиров они в бешенстве ломали свои сабли и ружья.

Гневом и негодованием наполнилась душа Гарибальди. Он окинул мысленным взором события всей тяжелой войны, проигранной не только из-за неспособности ее официальных полководцев, но и вследствие предательской политики пьемонтского правительства, пресмыкающегося перед Тюильри. Поведение французского императора во время этой войны было крайне двуличным. Он давно уже желал поссорить между собой Пруссию и Австрию, поощрял пруссаков и тайно подстрекал итальянский кабинет. Но блестящая победа прусской армии, наголову разбившей австрийцев у Садовой (3 июля 1866 года), смешала все карты Наполеона III: французская дипломатия, все

расчеты которой были построены на продолжительной и изнурительной войне, способной истощить силы враждующих сторон, растерялась. Тем временем австрийский император обратился к Наполеону с просьбой о посредничестве и заявил, что отдает ему Венецианскую область с тем, чтобы он передал ее Италии. После долгих колебаний Наполеон III согласился быть посредником между воюющими сторонами и прежде всего потребовал прекращения военных действий. Немного спустя прусский представитель договаривался с ним с глазу на глаз о выгодных для Пруссии условиях мира с Австрией.

Итальянское правительство играло в этом вопросе крайне жалкую роль. Его обошли. Мир был заключен без его ведома. Пруссия, союзница Италии, не нашла даже нужным с ней советоваться. По выражению итальянских патриотов, Венеция была дана Италии, как унизительная подачка, «как кость, брошенная собаке». Ей было заявлено напрямик, что на большее нечего рассчитывать. Без дальних околичностей Наполеон отправил в Венецию генерала Лебефа для выполнения условленной процедуры: принятия этой области и передачи ее после «плебисцита» Италии. Несмотря на возмущение народа и вполне боеспособную армию, Виктору Эммануилу «ничего более не оставалось», как подписать продиктованный, ему мирный договор (3 октября). Таким образом, в результате корыстной династической политики Пьемонта накануне занятия гарибальдийцами Триента приходилось очищать весь завоеванный итальянский Тироль.

Даже самым близким людям Гарибальди не выдавал волновавших его чувств. Спокойно взял он перо и в ответ на телеграмму Ламармора написал только одно слово: *«Obbedisco»* («Повинуюсь»),

ПОСЛЕДНИЕ ПОБЕДЫ ГАРИБАЛЬДИ

Настало время «опрокинуть обломки светского владычества папы и завоевать для Италии ее великую столицу». Эта мысль не давала покоя отшельнику Капреры. Еще в 1864 году французские войска очистили Рим, но туринское правительство обязалось не покушаться на светскую власть папы в Риме и во всей Папской области. «В Риме не было больше солдат Бонапарта. Неужели же несколько тысяч наемников — отбросы всех европейских клоак — будут держать под угрозой великую нацию и препятствовать ей воспользоваться своими священными правами?» — писал Гарибальди. Он не мог оставаться пассивным. Разве он не клялся перед тысячными толпами итальянцев: Roma o morte! (Рим или смерть!)

Рассчитывать на туринское правительство не приходилось. Оно, по обыкновению, трепетало перед Наполеоном III, не смея и помышлять о завоевании Рима. «Ждать инициативы тех, кого это касается, — иронизировал Гарибальди, — значило лелеять напрасные надежды, о которых говорит надпись на вратах Дантова ада: «Оставь надежду всяк, сюда входящий».

В этот период революционное брожение в Италии заметно усилилось. Не только широкие массы, но и значительные слои буржуазии были недовольны трусливой политикой правительства и возмущались военными неудачами армии. Парламент резко критиковал министров. Глава правительства Риказоли распустил беспокойный парламент и назначил новые выборы. Левая фракция парламента стала энергично готовиться к выборам и обратилась к Гарибальди с просьбой приехать и принять участие в предвыборной кампании.

«В одно прекрасное весеннее утро 1867 года, — рассказывает Джесси Марио, — мы (я и мой муж) были приятно поражены, увидав, что к нашему дому на площади Беллозгвардо во Флоренции подъехала коляска, из которой вышел Гарибальди. Бодрым голосом он попросил накормить его и приготовить ванну. Его сопровождали Бассо и ординарец Маврицио». Выяснилось, что он собирается совершить поездку в Венецию и предлагает супругам Марио, Альберту и Джесси. составить ему компанию.

Поездка Гарибальди в Венецию и другие города носила, как всегда, торжественный характер: население всюду встречало его овациями. Парламентская кампания мало интересовала в это время Гарибальди, но каждое свое выступление он использовал для единственного призыва: выбирать в парламент таких людей, которые поведут патриотов на Рим! В Болонье он говорил:

«Пошлите в парламент таких людей, которые поведут нас в Рим, как в свой собственный дом, людей, которым интересы народа будут дороже, чем интересы попов». В Венеции, с балкона дворца Цеккини, где он жил, Гарибальди говорил — народу: «Остался еще один кусок Италии, который имеет для нас значение: Рим! Попы не хотят уступить его Италии! Эти люди в течение стольких веков грязнили и унижали Рим, превращая его в клоаку, — пора, чтобы они перестали осквернять нашу столицу!»

Из Венеции Гарибальди поехал в Киоджию, Тревизо, Удино, Пальмануову, Беллуно, Фельте, Виченцу, Верону и всюду настойчиво повторял одно и то же: сперва надо добиваться Рима мирными средствами, но если эти средства окажутся бесполезными, придется завоевывать его силой оружия! Узнав, что выдвинутые им в парламент кандидаты — Кунео и другие — не избраны, Гарибальди махнул рукой и сказал:

— Ладно, ладно, я вижу, что не гожусь для ремесла предвыборного агитатора!

В начале сентября Гарибальди уехал в Женеву, чтобы принять участие в заседаниях Международного Конгресса Мира.

Конгресс Мира, собравшийся в 1867 году в Женеве, представлял собой довольно причудливую смесь демократов, пацифистов, анархистов, социалистов и клерикалов (последние проникли на конгресс под предлогом борьбы за «евангельский мир»!). Появление Гарибальди на трибуне конгресс встретил бурными аплодисментами, но настроение его членов резко изменилось, когда итальянский революционер громким голосом прочел свои тезисы, в числе которых были следующие: «Все нации — сестры», «Члены Конгресса избираются демократическими обществами народов», «Папство, наиболее вредная из сект, объявляется низверженным», «Место священнослужителей, «откровений» и суеверий должны занять служители науки и культуры», «Только демократия в состоянии уничтожить страшный бич человечества — войну».

Но наибольший переполох Конгресса вызвал последний тезис: «Только раб имеет право воевать с тираном: это единственный случай, когда война разрешается».

Напрасно сторонники Гарибальди пытались защищать его тезисы. Церковники подняли неистовый шум. Но Гарибальди заявил, что вполне удовлетворен: он бросил «зажигательную бомбу» в сборище беззубых пацифистов. Подозвав к себе Джесси Марио, он тихо сказал ей:

— Так не забудьте: тот, кто возвращается вместе со мной, должен быть совершенно наготове в среду.

— К чему наготове? — изумленно спросила Марио.

— К походу на Рим, — спокойно ответил Гарибальди.

Не дожидаясь голосования своих тезисов (они были потом отклонены), Гарибальди поспешил уехать в Италию.

***

Настроение только что избранной всеитальянской палаты депутатов — «субальпийского парламента» — было еще более оппозиционным, чем предыдущей. Риказоли пришлось уйти в отставку. Его место занял Раттацци — его убеждения считались «более прогрессивными». Но ничего хорошего Гарибальди не мог ожидать и от этого министра. Ведь именно Раттацци являлся виновником аспромонтской катастрофы. Кроме того, по его приказу был в свое время арестован Гарибальди.

Новый глава правительства вел себя двулично и нерешительно. С одной стороны, он ничего не имел бы против присоединения Рима к итальянскому государству. С другой стороны, он как огня боялся гнева Наполеона III. Поэтому Раттацци соглашался смотреть сквозь пальцы на кампанию Гарибальди в пользу присоединения Рима, но ставил явно неосуществимые условия. «Восстание, — говорил он, — должно обязательно начаться в самом Риме, то есть выражать волю римского населения; Наполеон III должен гарантировать, что откажется от попытки интервенции в пользу папы; Виктор Эммануил должен обещать, что пошлет свои войска на помощь восставшим». И так далее… Конечно, пьемонтский король был бы рад «округлению» своих владений, в которые сейчас уже входила большая часть Италии. Но он отказывался давать малейшие обещания, пока не было полной гарантии, что Франция сохранит нейтралитет.

Пока все эти люди рассуждали, ставили условия и уговаривали друг друга, Гарибальди действовал с обычной для него решительностью. К концу августа поход на Рим был уже подготовлен, все участники распределены по местам. Майор Кукки тайно поехал в Рим, чтобы возглавить там восстание. Менотти Гарибальди должен был двигаться на Рим из Терни через Монте Ротондо; Ачерби[71] — из Орвието через Витербо; Никотера и Саломон — через Веллетри; зять Гарибальди Канцио — со стороны моря. Все это подробно предусматривали инструкции, составленные Гарибальди. Сам он 23 сентября отправился по орвиетской дороге с намерением провести ночь в Синалунге (в пятидесяти милях от орвиетской границы). Встревоженные друзья уговаривали его не ехать. Они были

уверены, что Гарибальди арестуют. Он отвечал:

— Я должен ехать. Ведь я всегда говорю моим волонтерам: «Когда римляне нас позовут, мы пойдем на Рим». Кроме того, если правительство захочет меня арестовать, оно это сделает, где бы я ни находился.

Спорить с ним было бесполезно. У префекта Ареццо уже имелось к этому времени распоряжение об аресте Гарибальди. Но он не решился сделать это немедленно, видя энтузиазм населения, приветствовавшего героя. Телеграф передал приказ арестовать революционера в пути. Приехав в Синалунгу, Гарибальди заночевал у одного товарища. Но не успел он лечь в постель, как отряд карабинеров окружил дом. Войдя в комнату, офицер заявил Гарибальди, что он арестован. Гарибальди отнесся к этому спокойно; он просил только позволить ему принять ванну, что привык делать перед сном. После этого его вместе с Бассо и дель Веккио отправили во Флоренцию. Только в Пистойе поезд сделал небольшую остановку: Бассо и дель Веккио должны были сойти. Гарибальди успел незаметно сунуть в руку дель Веккио записку: «Римляне имеют такое же право, как все рабы и угнетенные, восстать против своих тиранов — то есть духовенства. Долг итальянцев помочь им, пусть даже арестуют пятьдесят Гарибальди. Надеюсь, итальянцы это сделают! Римляне и итальянцы, вперед! Осуществляйте свое прекрасное решение. Весь мир глядит на вас. Совершив это дело, вы сможете шагать с гордо поднятой головой и скажете всему миру: мы освободили дорогу братской семье народов, избавив их от самого отвратительного врага — папства. Дорогой дель Веккио, если вас не арестуют, опубликуйте эти строки в печати. Дж. Гарибальди».

***

Известие об аресте Гарибальди вызвало во многих местах Италии сильные волнения. Левая фракция парламента заявила протест, народные массы бушевали, грозя смертью премьеру Раттацци. Угроза едва не была приведена в исполнение. Раттацци с большим трудом спасся от гибели. Во многих городах происходили демонстрации, а в Генуе толпа штурмовала дворец Турси. В это время Гарибальди сидел в алессандрийской крепости. Но всеобщее сочувствие было столь велико, что даже солдаты алессандрийского гарнизона толпами собирались у окон цитадели и кричали узнику: «В Рим! В Рим!»

Наконец по поручению Раттацци к Гарибальди явился морской министр Пешетто и пытался убедить его прекратить

свою революционную деятельность. Герою разрешалось уехать на Капреру с одним условием — чтобы он не пытался больше покинуть остров. Гарибальди наотрез отказался давать какие бы то ни было обещания. Считая его пребывание в пределах Италии опасным, министр вынужден был разрешить ему свободный отъезд на Капреру «без всяких условий и ограничений».

Подготовка к походу на Рим безостановочно продолжалась. Достаточно было искры, чтобы произошел взрыв. Первыми вторглись на папскую территорию сто пятьдесят молодых волонтеров во главе с триентинцем Луиджи Фонтаной (одним из «тысячи»). Перейдя границу, повстанцы напали на Аквапенденте и после ожесточенной схватки овладели городом, взяв в плен около тридцати папских жандармов. Ачерби и Менотти поддержали смельчаков, первыми начавших кампанию. 3 октября отряд Фонтаны, занявший Аквапенденте, получил значительное подкрепление: к нему присоединилось несколько сот краснорубашечников. Объединенный отряд занял Сан Лоренцо и Баньорею.

Поход на Рим начинался довольно успешно. Главный же его организатор находился на острове Капрере. Гарибальди, разумеется, не мог спокойно оставаться в глуши в то время, как его товарищи дрались за начатое им дело. Но за островом, вопреки обещанию министра, был установлен строжайший надзор. Эскадра из девяти военных кораблей (не считая нескольких малых судов) крейсировала вокруг крохотного острова, не пропуская ни одной мало-мальски подозрительной лодки. Такой страх внушал итальянскому правительству неукротимый Гарибальди!

Зять Гарибальди Канцио заявил, что берется его освободить, и, не теряя времени, принялся осуществлять свое намерение.

Казалось, при такой охране вырваться на волю было совершенно немыслимо. Командир эскадры, не удовлетворяясь принятыми мерами, организовал еще усиленную слежку за Гарибальди. То он посылал на остров шпиков, то сам являлся к Гарибальди под предлогом осведомиться «о его здоровье». Специальному надзору подвергались также все его лодки, в том числе яхта, подаренная ему в Англии. И при всем том капитану Изоле пришлось рапортовать начальству, что он ни за что не ручается: «Чтобы охранять такого пленника на острове, надо к каждому утесу приставить по судну… В противном случае, со всем итальянским флотом вы не удержите Гарибальди в плену на Капрере!»

Так и случилось. Весь день 14 октября стоял густой туман, очень частый в этих местах. Едва закатилось солнце, Гарибальди

тихонько пробрался к берегу, где в кустах была запрятана крохотная одновесельная лодка, так называемый «бекасин» (употребляемая для охоты за бекасами и утками). Уже совсем стемнело, но Гарибальди прекрасно ориентировался. Ведь он жил здесь уже пятнадцать лет и знал на память расположение утеса, очертание каждой бухты. Гарибальди лежал, вытянувшись на дне крохотной лодки. С ловкостью индейцев, управляющих своими пирогами (он научился этому в Америке), он действовал веслом, размеряя каждый удар, двигаясь быстро, легко и бесшумно.

Невидимый военными кораблями, он слышал каждое слово, раздававшееся на их палубах. Подплыв с востока, он высадился среди утесов острова Маддалены.

«Годы и страдания обессилили меня, и ловкость изменила мне среди скал и зарослей Маддалены. К счастью, светила луна. На море я боялся ее, но теперь, в моем утомительном пути, я благословлял ее свет. Путь был тем труднее, что я должен был перейти этот мелкий канал, не снимая башмаков, так как дно было усеяно острыми камнями; мои ботинки были полны воды, что чрезвычайно затрудняло ходьбу» («Мемуары»).

Наконец Гарибальди благополучно добрался до дома одной английской семьи, где и провел ночь. На следующее утро никто еще не подозревал об исчезновении Гарибальди.

А в это время переодетый Гарибальди вместе с Вассо, Маврицио и Кунео уже высаживался у мыса на острове Сардинии. Путники провели ночь в пещере и утром продолжали путешествие до порта Сан Паоло. В три часа 18 октября Гарибальди отплыл на паруснике к тосканским берегам, 19-го он очутился уже в канале Пиомбино, между островом Эльбой и итальянским побережьем. В Вадо Гарибальди рассчитывал сойти на берег, но это оказалось нелегким делом, так как песчаное дно на всем протяжении было покрыто водорослями и тиной. Выбравшись с большим трудом, Гарибальди и его друзья сели в ожидавшие их два кабриолета и быстро покатили в Ливорно. Он велел всем звать себя «Джузеппе Пане» (под этим прозвищем в дни своей юности он впервые фигурировал в мадзинистском заговоре).

Трудно описать изумление и радость друзей, ужас и гнев пьемонтской клики и всю бурю восторга, какую вызвало в итальянском народе неожиданное появление Гарибальди. К этому времени правительство Раттацци пало, и самым авторитетным, самым любимым в стране человеком, лучше всех знающим, что сейчас надо делать, был Гарибальди.

Даже Чиальдини, которому предложили пост премьера, счел необходимым прежде всего поехать к Гарибальди и просить его

отказаться от вторжения в Папскую область. Убедившись, что Гарибальди в этом вопросе непоколебим, Чиальдини отказался от предлагаемого поста.

Что же в это время происходило в Риме? Римское восстание, на которое возлагалось столько надежд, окончилось неудачей. Виной этому была плохая подготовка восстания. О нем знали очень немногие, и правительство Папской области удвоило военную охрану, закрыло часть городских ворот; выслало всех подозрительных иностранцев. День и ночь шли обыски, в городе было фактически введено осадное положение.

По плану, выработанному заговорщиками, главный отряд во главе с Кукки должен был атаковать Капитолий и, овладев им, укрепиться там. Другой отряд, полковника Босси, должен был напасть на гвардейцев в Пиацца Колонна; третий, под начальством Гверцони, через ворота Сан Паоло пройти к Коровьему полю, забрать в вилле Маттеини ружья и двигаться дальше к центру. Но римский губернатор Цоппи и полицейские власти уже знали все подробности плана. Атака Капитолия провалилась, а отряд Босси был разбит еще до того, как дошел до Пиацца Колонна.

Уже после провала восстания в самом Риме рабочим суконной фабрики Аджани (в Трастевере) удалось спрятать оружие, но полиция узнала об этом. Здание было окружено. Находившиеся в нем революционеры во главе с одной энергичной и храброй женщиной забаррикадировались, решив защищаться до последней капли крови. После ожесточенной борьбы дом был взят штурмом. Все девять революционеров погибли.

Гарибальди встретился с отрядом Менотти у границы Папской области.

— Менотти!

— Отец! — Они обнялись. Гарибальди рассказал подробности своего побега, сообщил об отданных им распоряжениях.

В Пассо Корезе Гарибальди заночевал в маленькой остерии. В полночь, когда он уже спал, получили телеграмму от Криспи: «Немедленно переходите границу, отдан приказ об аресте генерала. К вам идут карабинеры». Пришлось разбудить Гарибальди, и всю ночь он трясся в коляске, уходя от погони.

Первый серьезный бой Гарибальди дал на путях к Риму у Монте Ротондо. Эта крепость защищалась тремястами французов-наемников и двумя пушками. Вооруженный прекрасными ружьями нового образца, французский легион, состоявший на папской службе, метко стрелял из бойниц и амбразур. Но плохо вооруженные гарибальдийцы бесстрашно лезли вперед, штурмуя крепость под несмолкаемые крики «Италия и Гарибальди!».

Волонтеры гибли один за другим на подступах к крепости. Убийственный огонь хорошо укрытого противника не прекращался целый день.

— И все-таки надо победить! — твердил Гарибальди. — Сегодня же ночью мы должны взять крепость.

«Атака была назначена на 25 октября в 4 часа утра. Наши бедные, скудно одетые, промокшие, изголодавшиеся добровольцы расположились по краям дороги. Благодаря проливному дождю последних дней она превратилась в густую грязь и стала почти непроходимой. Но мужественные бойцы приготовили себе ложе в дорожной грязи. Не желая ни в чем отличаться от них, я сел рядом с ними» («Мемуары»).

В три часа утра друзья упросили его ненадолго пойти в соседний монастырь, чтобы хоть немного побыть в сухом помещении. «Но едва я расположился там и немного расправил свои болевшие плечи, как мощный крик, похожий на шум бури, заставил меня вскочить. Это был воинственный крик наших, ворвавшихся в зажженные ворота! Я быстро бросился на место боя. Ворота, обстреливаемые нашими двумя крошечными пушками, горели, как свеча, и, казалось, каждое мгновение готовы были рухнуть. Враги быстро подтащили к воротам телеги, чтобы забаррикадироваться… Но наши, словно бешеные, с быстротой молнии бросились в горящие ворота, и ничто не смогло их остановить».

В одиннадцать часов неприятель поднял белый флаг. Озлобленные тем, что папские солдаты стреляли им в спину из окон дворца, гарибальдийцы застрелили нескольких гвардейцев. Увидев это, Гарибальди бросился на защиту остальных пленных (всего сдалось пятьсот человек), под охраной группы своих штабных офицеров проводил этих людей до окраины Монте Ротондо. В распоряжении победителей оказались две пушки, много оружия, боеприпасов и пятьдесят лошадей. Эту замечательную победу Гарибальди впоследствии назвал «вторым Калатафими». Она содействовала полному очищению всей Папской области: неприятельские войска вынуждены были отойти за тибрский и теверонский мосты. Было очевидно, что папское войско будет оборонять Рим, запершись внутри его стен.

Кто в эту минуту мог сомневаться, что в скором времени Гарибальди победно вступит в Вечный Город? 29 октября генеральный штаб его находился в Кастель Джубилео — совсем близко от стен Рима. Неприятель готовился к серьезному сопротивлению: ворота дель Пополо, Порта Салара, Порта Пиа и все соседние виллы были сплошь уставлены орудиями. Убедившись, что до прибытия подкрепления штурм городских

стен начинать рано, Гарибальди приказал войскам отойти назад, к Монте Ротондо. Но добровольцы никак не могли понять этого маневра и были сильно встревожены. Одни уверяли, что отход будто бы вызван королевским приказом, объявляющим Гарибальди изменником; другие — что Гарибальди сам потерял надежду на успех; третьи — что французские войска уже высадились в Чивита-Веккии (к сожалению, последнее предположение было недалеко от истины)… В этот и последующие дни из отрядов Гарибальди дезертировало очень много людей.

«Всякий обладающий здравым смыслом человек, — писал по этому поводу Гарибальди, — легко увидит, что наши позиции под стенами Рима не могли быть удержаны при приближении французов. Мои боевые силы терпели недостаток во всем необходимом… и в случае нападения не смогли бы продержаться даже два дня. С другой стороны, владея Монте Ротондо, находящимся в виду Рима, мы сумели бы вовремя увидеть врага, когда он станет приближаться».

2 ноября Гарибальди решил перейти со своим войском из Монте Ротондо в Тиволи, представлявший гораздо больше преимуществ как опорный пункт. Переход был назначен на раннее утро следующего дня. По вине Менотти, упросившего отца отложить переход на более позднее время, чтобы раздать солдатам обувь, произошла большая задержка, имевшая пагубные последствия, Тихо напевая свою старую боевую песню, которую пел еще в Риу Гранди, — «Солдаты, отечество нас зовет в бой!», Гарибальди ехал впереди своих отрядов. Не успел он со штабом вступить в Ментану (в начале пути в Тиволи), как ему дали знать, что на горизонте появились передовые части неприятеля. Перестрелка на аванпостах подтвердила известие. Гарибальди приказал немедленно приостановить движение. Ментана была на редкость неудобным местом для боевых операций. Это местечко находится в ложбине и со всех сторон окружено господствующими над ним холмами. Надо было занять эти холмы, что Гарибальди и сделал. К возвышенности, расположенной направо, он послал батальон Бурландо, Миссори и ливорнских стрелков; влево он послал Менотти, а к центру еще один батальон. Завязался жестокий бой. В рядах гарибальдийцев началось смятение. Шум, крики, выстрелы, хаос! Опытный глаз Гарибальди видел, что сражение далеко еще не проиграно, важно было лишь восстановить дисциплину и водворить некоторый порядок среди паникеров. Зная, какой магический эффект производил на его волонтеров гром орудий, он бросился к двум пушкам, захваченным в Монте Ротондо, и открыл огонь по центру

вражеских войск. Первые его выстрелы попали прямо в цель, и наступавшие папские гвардейцы остановились. Крики радости раздались в рядах волонтеров. Снова бросились они вперед. Этот момент был решающим. Гарибальди собрал мощный кулак из самых смелых бойцов и двинул их в штыковую атаку. Еще одно усилие, и Ментана была бы снова в их руках.

Но неожиданно со стороны левого фланга на горизонте показались две черные полосы, двигавшиеся по извилистым холмам Сан Сульпицио: это были батальоны 1-го французского пехотного полка, шедшие на помощь папским войскам. Наполеон III снова прислал из Франции оккупационный корпус!

Гарибальди бросился к орудиям, которые только что его выручили. Увы, запас снарядов уже истощился…

Французы надвигались неумолимой лавиной. Паника начала распространяться в рядах гарибальдийцев. Тщетно командиры с Гарибальди во главе старались воодушевить малодушных, остановить бегущих. Старик Фабрици, обычно холодный и бесстрашный, метался под градом пуль, умоляя товарищей остановиться. Бецци, увлекаемый неудержимой волной бегущих, рвал на себе волосы. Преданные командиры из последних сил пытались водворить порядок. Гарибальди, бледный, мрачный, постаревший, кричал охрипшим голосом: «Стойте, да стойте же! Ведь вы победите!» Все напрасно! Осталась только горсть храбрецов, продолжавших из домов Ментаны стрелять по врагу…

Отступление к Монте Ротондо происходило под выстрелы новых ружей «chassepot», которые, по словам французских офицеров, помогли им в этот день одержать «чудесную победу».

По официальным отчетам, в Ментанском бою 3 ноября 1867 года участвовало 11 тысяч французских и папских войск против 4 652 гарибальдийцев. Потери последних — 150 убитых, 240 раненых, 900 пленных.

В эту темную, безотрадную ночь, рассказывает Гверцони, гарибальдийская колонна медленно двигалась назад, к Пассо Корезе. Порывы холодного ветра с Тибра пронизывали людей насквозь. Ни единого звука не было слышно в рядах отступавших: песни, разговоры — все смолкло. Гарибальди ехал впереди, ни на кого не глядя, бледный и молчаливый. Внезапно очнувшись, он заметил, что к нему подъехал Гверцони, и сказал:

— В первый раз, Гверцони, мне приходится так удирать, и, право, было бы лучше…

Он не закончил фразы и глубоко вздохнул.

Вероятно, он хотел сказать: «Лучше было бы умереть». Так закончилась последняя попытка Гарибальди освободить Рим. На следующий день Гарибальди уже сидел в поезде, направляясь на

Капреру. На станции Фильино к Гарибальди явился подполковник Камоцци, сухо предложивший ему выйти из поезда «для разговора наедине». Станция была занята войсками. Гарибальди в сопровождении нескольких друзей вышел из вагона. Повернувшись к Камоцци, он спросил:

— Есть ли у вас официальный приказ о моем аресте?

— Нет, генерал, но мне поручено вас арестовать.

— Известно ли вам, что вы совершаете незаконный поступок? Я не виновен ни в каких враждебных действиях против итальянского государства, я не нарушил его законов. Я депутат итальянского парламента, я римский генерал, назначенный законным римским правительством, и американский гражданин. Вы не имеете права меня арестовывать! Этим вы нарушаете законы. Заявляю, что уступлю только акту насилия. Только силой вы можете заставить меня пойти с вами!

Друзья Гарибальди и сыновья его направили свои револьверы на карабинеров Камоцци, которые струсили и готовы были разбежаться. Но Гарибальди остановил своих друзей. Он прошел в зал ожидания и сел на скамью.

Вокруг станции собралась большая толпа. Еще немного, и началось бы кровопролитие. Депутат Криспи послал телеграмму председателю совета министров, настаивая на отмене ареста, так как Гарибальди и без того хочет ехать на Капреру. Но ответа не последовало. Гвальтерио, министр внутренних дел, предпочел ответить не ему, а Камоцци, приказав применить при аресте силу. Час спустя подполковник Камоцци заявил, что больше ждать не намерен: он обязан исполнить приказание. Не помогло и заявление Гарибальди, что он изнурен после стольких дней лишений и не в состоянии сейчас вынести долгого путешествия. Четыре карабинера подошли к Гарибальди, унтер-офицер предложил «следовать за ними». Генерал продолжал сидеть. Альберто Марио и другие товарищи снова вынули револьверы, но Гарибальди крикнул:

— Я запрещаю вам из-за меня проливать итальянскую кровь!

Карабинеры силой подняли его со скамьи и, держа за ноги и под мышками, донесли до ожидавшей его кареты.

Арестованного Гарибальди отвезли в Вариньянскую тюрьму, где он содержался три недели. 22 ноября 1869 года из тюрьмы он написал посланнику Соединенных Штатов следующее письмо: «Г-н посланник! Я нахожусь здесь в зловонном месте, прошу оказать мне ваше покровительство; добейтесь, чтобы меня перевели в более приличное помещение».

Правительство снова потребовало от узника, чтобы он дал слово не уезжать с Капреры, или же согласился отправиться на

год в океанское путешествие на военном судне, или, наконец, поехал в Египет «посмотреть на пирамиды».

— Какой там Египет! Какие там пирамиды! — ответил Гарибальди. — Я прошу только разрешить мне вернуться на Капреру свободным, как приличествует депутату и генералу итальянской армии, человеку, никогда не нарушавшему законов нашей страны. Обещаю никуда с острова не уезжать, но только до 1 марта 1868 года, так как зимой никаких экспедиций не совершают.

26 ноября его отвезли на Капреру.

С 1868 по 1870 год Гарибальди не только не уезжал никуда с Капреры, но вообще прекратил всякую переписку со знакомыми. Казалось, что он окончательно сошел с политической арены…

Но вот разразилась Седанская катастрофа: 2 сентября 1870 года Наполеон III, стоявший во главе стотысячной французской армии, позорно сдался на капитуляцию, сообщив прусскому королю Вильгельму: «Не имея возможности умереть среди моих войск, я принужден передать свою шпагу в руки вашего величества».

4 сентября Наполеон Бонапарт III был низложен, и во Франции была провозглашена республика. Первой мыслью итальянских патриотов было: наконец-то сейчас можно завоевать Рим!..

Под давлением настойчивых требований масс король Виктор Эммануил решился, наконец, послать в Рим войска.

Заручившись согласием французского «правительства национальной обороны», Виктор Эммануил 8 сентября послал Пию IX ультиматум, но папа категорически отказался вступать в какие бы то ни было переговоры о сдаче Рима. При известии о приближении к Риму отряда генерала Кадорны, стоявшего во главе экспедиции, Пий IX приказал запереть и забаррикадировать городские ворота. Одновременно с Кадорной к Риму подступила болонская дивизия во главе с Нино Биксио, состоявшим в то время на действительной службе в итальянской армии. Наконец у стен Рима скопились многочисленные волонтеры, стекавшиеся отовсюду и громкими криками требовавшие взятия Рима.

Внезапно король заколебался и приказал всем им остановиться в восьми милях от Рима. Он все еще не осмеливался вступить в борьбу с главой католической церкви. Войско «святейшего отца», не теряя времени, начало бомбардировать со стен Рима позиции осаждающих. Четыре часа продолжалась бомбардировка, а король все еще медлил с ответом. Тогда Биксио, верный ученик Гарибальди, решил действовать на свой риск и страх. Огнем своей артиллерии он проделал брешь в

аврелианской стене у Порта Пиа. Первыми туда ринулись волонтеры. Это было прекрасным предлогом для вмешательства королевских войск. Сквозь брешь они вступили в город, но предварительно папе было послано почтительнейшее письмо короля, полное извинений. В этом письме «смиреннейший, покорный и набожный сын святейшего отца» чистосердечно сознавался, что «вынужден взять на себя ответственность за порядок на полуострове и за безопасность святого престола исключительно для того, *чтобы спасти свою корону и папу от крайних оскорблений космополитической революции,* и с этой целью занимает необходимые позиции». Он обещал действовать только в примирительном духе, пытаясь «согласовать права римского населения с неприкосновенностью святейшего отца, его духовной властью и независимостью святого престола». В заключение король просил «его святейшество дать ему апостольское благословение». Так или иначе, дело было сделано. Рим был взят.

2 октября сорок семь тысяч римских жителей бросили в урны записки со словом «Si» («Да»), Этим голосованием Рим был присоединен к остальной Италии.

Воссоединение Италии было завершено. Победила линия умеренного меньшинства буржуазии, установившего блок с обуржуазившимся дворянством. Победило объединение Италии «сверху», на базе савойской династии. Но Италия с этого момента становилась в пределах всей своей территории единым национальным государством.

Граница объединенного Итальянского королевства со столицей в Риме к 1870 году. Даты присоединения *к* Пьемонту: 1. Ломбардия — 1859 г.; 2. Герцогство Парма —1860 г.; 3. Герцогство Тоскана — 1860 г.; 4. Герцогство Модена —1860 г.; б. Неаполитанское королевство (Королевство Обеих. Сицилии}; — 1860 г.; 6. Папская область (без Римской области)' — 1860 г.; 7. Венеция — 1866 г.; 8. Римская область — 1870 г.

Где же в это время находились два революционера, многолетней борьбе которых Италия была обязана, по существу, своим освобождением, — Мадзини и Гарибальди? Первого только что выпустили из палермской тюрьмы. Он избегал народных оваций, с горечью думая: «Разве все эти люди, которые сейчас

меня чествуют, хоть палец о палец ударили, чтобы помочь мне, когда я томился в тюрьме?»

Гарибальди окончательно решил покинуть Италию. Уже на второй день после того, как Франция стала республикой, он предложил свои услуги французскому народу в его борьбе с наступавшей германской армией. Гарибальди умел провести различие между *императорской Францией,* насиловавшей и угнетавшей его родину, и *Французской республикой,* боровшейся против интервентов.

Анри Рошфор, известный французский левый журналист, бывший короткое время членом Правительства национальной обороны, рассказывает:

«Я получил депешу от Гарибальди, предложившего Правительству национальной обороны свою помощь, свою саблю и своих двух сыновей. Это было для нас неожиданным счастьем. Великие военные способности борца за освобождение своей страны и его знаменитое имя были, для нас не только значительной материальной помощью, но и моральной опорой, последствия которой были неисчислимы. Радостный пришел я на заседание с депешею в руках. Но едва я огласил ее, как Трошю с бешенством поднялся.

— Мы не нуждаемся в иностранцах для нашей обороны! — воскликнул он. — Появление Гарибальди может создать лишь раскол в командовании.

— Однако нужно принять во внимание то огромное доверие, которое он внушает войскам. Это очень важный козырь в нашей игре.

— Что ж, — гневно ответил Трошю, — если доверие внушает он, а не я, мне остается только вручить вам мою отставку.

Пред таким настойчивым решением командовать одному оставалось только преклониться. Но это сердитое выступление достаточно убедительно показало мне, что католик и бретонец Трошю предпочитает ожидавшее нас под его командованием поражение победе, возможной под командованием такого способного, мужественного и инициативного человека, как Гарибальди. Председатель национальной обороны фактически приносил ее в жертву жалкой профессиональной зависти».

На письмо, адресованное французскому Правительству национальной обороны, Гарибальди целый месяц не получал ответа. Только благодаря настойчивости бывшего сослуживца по неаполитанскому походу французского полковника Бордона член республиканского правительства Кремье в довольно небрежной форме высказал пожелание увидеть Гарибальди во Франции.

В Марселе префект Эскирос и население устроили

Гарибальди горячий прием. Но в Туре, где находилось временное правительство, героя приняли значительно холоднее. Глава правительства Гамбетта отнесся к Гарибальди довольно равнодушно и предложил ему командование двумя-тремястами волонтеров. Это настолько возмутило итальянского революционера, что он собирался уже вернуться в Италию. Но тут Гамбетта внезапно переменил решение. Он понял, что такой человек, как Гарибальди, всегда может оказаться полезным, и назначил его «командующим всеми корпусами волонтеров, расположенными в районе Вож, от Страсбурга до Парижа, а также одной бригадой мобильной гвардии». Гарибальди согласился и, избрав своей главной квартирой город Доль, выехал туда 15 октября. За ним последовало много итальянских волонтеров. Четырехтысячное войско Гарибальди состояло из французов, испанцев, поляков, греков, алжирцев, итальянцев. Одеты они были пестро. Вооружены были всякого вида оружием, от кремневого ружья до современного «шаспо», от «ремингтона» до швейцарского карабина и «спенсеровской винтовки» новейшей системы. В этом корпусе не было кавалерии, очень мало артиллерии. Правительство снабжало его крайне скупо.

Но Гарибальди обладал огромным опытом и умением воодушевлять массы, с минимальными средствами достигать максимальных результатов. Французская армия нуждалась в то время в опытных полководцах. Как раз в тот день, когда Гамбетта прибыл в Тур, главный корпус луарской армии (сто тысяч человек и триста пушек) из-за неумелого руководства был разбит значительно меньшей армией (тридцать пять тысяч человек) прусского генерала фон дер Танна, а Орлеан перешел в руки неприятеля. Но «умеренное» правительство Франции относилось к знаменитому итальянскому революционному полководцу с не меньшим предубеждением, чем его «родные» пьемонтцы. Гамбетта решительно заявил: «Никогда я не допущу, чтобы французский генерал находился в подчинении у Гарибальди».

Тем временем пруссаки заняли Дижон, и надо было дать им решительный отпор. Первым сражением, в котором проявился военный талант Гарибальди, был бой под Лантенэем и Пак (Pacques).

Несмотря на количественное превосходство пруссаков и перевес их артиллерии, победа оказалась на стороне храбрых волонтеров итальянского легиона. Прусские войска в беспорядке отступили к Пренуа и там, окопавшись за домами и заборами садов, возобновили сопротивление. «Стычка 26 ноября на плато Лантенэй, — пишет Гарибальди, — не была особенно значительной, но она была великолепной в смысле поведения

наших отрядов на глазах закаленных в бою прусских солдат. После этой стычки враг прекратил сопротивление и продолжал свое отступление к Дижону, до которого мы его преследовали… Настроение моих скромных солдат было достойно удивления. Все пламенно стремились броситься на приступ города. Надеяться на победу было дерзостью. Но в дождливую ноябрьскую ночь, в случае неудачи, легко было бы отступить. Впрочем, мне уже приходилось видеть, как многочисленным прусским войском овладевала паника. Жители Дижона мне рассказывали в эту ночь, что среди победителей Бонапарта царило порядочное смятение. Обоз армии Вердера стал поспешно отступать под предлогом необходимости спасти кассу и боеприпасы. Как бы там ни было, многочисленные части пехоты, защищавшие Дижон, встретили нас таким залпом ружейных выстрелов, подобного которому я никогда в жизни не встречал. Нужно было обладать более чем бесстрашием, чтобы подставить голову этому шторму. Мои юные солдаты сделали все, что можно было сделать при подобных обстоятельствах» («Мемуары»).

Отступившие волонтеры только у Отена сумели дать должный отпор пруссакам. Вступить в Дижон удалось лишь месяц спустя, когда прусский генерал Вердер очистил этот город.

Три дня (21, 22, 23 января 1871 года) Гарибальди героически оборонял Дижон против колоссальных сил неприятеля.

Атаки пруссаков были блестяще отбиты. Гарибальди вернулся в Дижон при восторженных кликах населения. Дочке Терезите он телеграфировал: «Сильно атакованные противником, после 10 часов боя мы вынудили его отступить. Вожское войско еще раз заслужило благодарность республики».

Каково же было его изумление, когда ночью к нему явилась перепуганная делегация горожан, умоляя… оставить город, чтобы избавить жителей от ужасов бомбардировки. Делегаты заявляли в панике, что противник уже прорвал линии обороны города и занял Талан, а возможно, даже и Фонтэн.

— Господа! — сурово ответил Гарибальди. — Если у вас есть жены, дети, отведите их в подвалы и погреба, я обещаю вам, что буду драться за каждый дом Дижона, за каждое его окно, и я покажу вам, как надо защищать свою родину!

И Гарибальди вежливо выпроводил панически настроенную делегацию. Затем, несмотря на поздний час, он решил лично проверить их сообщение. «Я приказал сейчас же запрячь свою коляску и отдал все распоряжения для высылки разведчиков. Дороги замерзли, шел снег. Для такого инвалида, как я, осмотреть линию аванпостов была тяжелой работой. Но другого выхода не было. Разве можно было при таком известии оставаться

спокойно дома? Сейчас же после полуночи выехал в Моншаннэ, затем в Фонтэн и, наконец, в Талан, но нигде не нашел и следов врага. 22-го пруссаки не только не атаковали нас, но вечером того же дня нам удалось сбить их с занимаемых позиций и обратить в бегство».

Зато 23 января защитники Дижона подверглись грозной атаке. В этом страшном бою французские войска одержали новую победу. Вольные стрелки Риччиотти (второго сына Гарибальди) взяли в бою знамя 61-го Померанского полка. Гарибальди появлялся в самых опасных местах и своей отвагой заражал всех бойцов.

Противник Гарибальди — генерал Мантейфель (начальник генерального штаба германской армии) в своей «Истории франко-германской войны» оценивает роль Гарибальди в этой кампании так:

«Тактика генерала Гарибальди характеризовалась главным образом большой быстротой движений, разумными диспозициями в огнестрельном бою, энергией и огненной стремительностью атаки (отчасти эти качества зависят от характера солдат). Все это также доказывает, что генерал ни на минуту не забывал цели своего боя, а именно — сбить врага с его позиций путем быстрой, сильной, решительной атаки. Конечно, успехи генерала были успехами частичными; но если бы генерал Бурбаки действовал согласно его советам, Вожская кампания была бы для французов самой счастливой из всех сражений 1870–1871 года. Высокомерие французского генерала избавило нас от многих затруднений».

Конечно, в тех условиях, в которые поставило его французское правительство, Гарибальди не мог спасти всей французской армии. Но он сделал для этого больше, чем мог, и остается фактом, что в эту позорную для Франции кампанию Гарибальди был единственным во всей французской армии полководцем, одержавшим победы.

Таких вещей буржуазные политиканы не прощают. По окончании военных действий вместо благодарности за бескорыстный, самоотверженный труд Гарибальди получил много незаслуженных оскорблений. Он глубоко ошибался, воображая, что французское правительство оценит его заслуги. После нового разгрома французской армии в стране подняли голову контрреволюционные элементы — роялисты, помещики и консервативная крупная буржуазия, то есть именно те люди, которые вскоре зверски расправились с Парижской коммуной.

Бисмарк категорически высказался за исключение Гарибальди из договора о перемирии! Он не мог простить Гарибальди того, что тот часто задерживал продвижение прусских

войск, и под предлогом, что Гарибальди «не входил ни в одну из регулярных французских армий», германский канцлер хотел расправиться с ним, «как с партизаном». Это было несправедливо и гнусно, так как фактически Гарибальди, назначенный Гамбеттой, входил в категорию корпусных командиров.

В конце концов это недоразумение было улажено, и германский генерал Мантейфель получил приказ войти в соглашение с Гарибальди.

Когда Гарибальди вернулся с фронта, он был избран во многих местах (Алжире, Ницце, Кот-д'Ор, Дуб, Париже) депутатом Национального собрания, заседавшего в Бордо. Чтобы понять, на какую встречу мог рассчитывать Гарибальди в этом оголтелом сборище аристократов, крупных банкиров и клерикалов, достаточно сказать, что главой французского правительства на этом собрании был избран Тьер, будущий палач Парижской коммуны.

На первое заседание Гарибальди пошел с единственной целью — ходатайствовать о пенсиях вдовам, сиротам и калекам своей армии. Заседание происходило в огромном театральном зале. Место председателя занял престарелый граф Бендуа д'Ази. В два часа дня вошел Гарибальди в своей обычной красной рубашке, в пончо и серой шляпе. Опираясь на палку, он прошел к левым скамьям. Демократическая часть собрания встретила его аплодисментами и криками: «Да здравствует Гарибальди!», «Да здравствует герой обоих полушарий!»

Председатель невнятным голосом прочел короткое заявление Гарибальди — отказ от депутатского звания. («Исполняя свой последний долг по отношению к республике, я приехал в Бордо, но отказываюсь от мандата, которым меня почтили различные департаменты».) Заседание продолжалось. В конце его Гарибальди встал и, сняв шляпу, сказал:

— Прошу слова!

В зале поднялся сильный шум, и правые депутаты начали расходиться. Депутат Марселя Эскирос воскликнул:

— Постойте, господа, неужели вы не поняли? Гарибальди просит слова!

Раздались отдельные голоса:

— Слушайте!

— Трусы, они боятся услышать правду!

— Гарибальди будет говорить! Невообразимый шум все усиливался, депутаты встали с мест, многие торопились уйти. Президент снял шляпу и с раздражением спросил Гарибальди:

— Что вам угодно? Ведь заседание уже закрыто!

— Говорите же, говорите! — послышались голоса.

Гарибальди не хотел выступать без разрешения председателя. Но председатель хладнокровно надел шляпу, давая этим знак расходиться…

Гарибальди повернулся и вышел из зала. На улице толпа устроила ему восторженную овацию. Национальная гвардия отдавала ему честь. В эту минуту на улицу вышел Тьер. С презрением глядя на эту сцену, он спросил:

— Что тут такое?

— Это Гарибальди, который стоит больше, чем все вы, вместе взятые! — ответил ему один рабочий.

С большим трудом удалось Гарибальди выбраться из толпы и сесть в коляску. Он крикнул, что приехал во Францию оказать республике посильную помощь, что свой долг он выполнил и теперь едет домой.

— Нет, нет, не покидай нас! — кричали многие. Гарибальди уехал в гостиницу и заказал билет на марсельский поезд. Вскоре к нему явилась депутация левой фракции Национального собрания, просившая его остаться. Пришел сын Виктора Гюго и передал, что вечером приедут Луи Блан, Виктор Гюго и Ледрю Роллен, телеграфировавшие, что умоляют его не уезжать из Франции.

Но Гарибальди был непреклонен; семичасовым поездом он уехал в Марсель, и оттуда на Капреру.

8 марта в Национальном собрании были оглашены результаты выборов в Алжире, где громадным большинством голосов был избран Гарибальди. Реакционеры предложили аннулировать мандат. Тогда взял слово Виктор Гюго:

«…Франция только что прошла через грозное испытание, из которого она вышла окровавленной и побежденной…

Ни одна из европейских держав не поднялась на защиту Франции, которая столько раз своей грудью отстаивала интересы Европы… ни один монарх, ни одно государство — никто! За исключением одного человека.

…Державы, как говорят, воздерживались от вмешательства, а один человек вмешался, и человек этот стоит целой державы…

Господа, чем обладал этот человек? Своей шпагой…

Своей шпагой. Эта шпага освободила один народ… и эта же шпага могла спасти другой…

Он об этом подумал; он пришел; он сражался…»

Выкрики справа неоднократно перебивали речь оратора. Реакционеры не дали договорить великому писателю-демократу. Тогда он покинул зал заседаний.

На следующий день в собрании было зачитано его заявление:

«Три недели назад собрание отказалось выслушать Гарибальди; сегодня оно отказывается выслушать меня. Этого с меня достаточно.

Я заявляю о своей отставке.

8 марта 1871.

Виктор Гюго»[72].

Так лучшие люди Франции выражали свою благодарность великому борцу за свободу.

Популярность Гарибальди среди французского народа была по-прежнему велика. 15 марта 1871 года на третьем общем собрании национальной гвардии он был провозглашен генералом — главнокомандующим национальной гвардии. Его старший сын Менотти был избран в Коммуну Парижа от 19-го округа. Но какое дело было до всего этого реакционному правительству Тьера! Гарибальди, который только что дрался за Францию как лев, дав стольким бездарным генералам уроки тактики и мужества, считался Тьером простым повстанцем Коммуны.

28 марта из Версаля в Тулон была послана телеграмма:

«Гарибальди и его сыновьям не должен быть разрешен въезд во Францию. Если они уже приехали, благоволите сделать распоряжение об их аресте».

Так Тьер подписал приказ об аресте самого удивительного и самого знаменитого борца за угнетенные народы, великого освободителя Италии, героя Марсалы, чьи руки еще были черны от французского пороха и обагрены прусской кровью!

На шестьдесят четвертом году жизни Гарибальди с честью закончил свою многолетнюю деятельность выдающегося революционного военачальника. Вожские бои были последними сражениями в его жизни.

Но политическая борьба его далеко не закончилась: только теперь, глубоко разочарованный и оскорбленный, Гарибальди стал по-настоящему понимать, в чем заключалась его главная ошибка.

У ГАРИБАЛЬДИ ОТКРЫВАЮТСЯ ГЛАЗА

К моменту возвращения Гарибальди из Франции было завершено то дело, которому он отдал всю свою жизнь: воссоединение Италии. Но у Гарибальди было тяжело на душе. Он стал понимать, что глубоко заблуждался, когда шел на соглашения с монархией. До сих пор он представлял себе возрождение Италии так: иностранные поработители — австрийцы и бонапартовские войска — будут изгнаны; деспотические князья, герцоги и короли — свергнуты восставшим народом; светская власть папы и духовенства — уничтожена. После этого освобожденный итальянский народ начнет самостоятельно устраивать свою новую жизнь так, как ему будет угодно.

Что же оказалось на деле? Жизнь итальянского народа строилась теперь так, как было угодно буржуазно-монархической клике Виктора Эммануила. О народе, о его самых насущных нуждах и потребностях никто и не думал заботиться. Народный вождь Гарибальди воображал, что сумеет использовать монарха. На деле вышло так, что монарх использовал народного вождя, а потом отлично обошелся без него: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

Об этом давно предупреждали Гарибальди, и прежде всего Мадзини. Даже две аспромонтские раны, даже зловонная камера Вариньяна не отрезвили Гарибальди. Преданный, как никто, национально-освободительному делу, он упрямо повторял: «Сначала построим свой дом, выгоним непрошеных гостей, а потом уж станем наводить в нем порядок».

«О *формах* правления мы поговорим потом!» — заявлял он нетерпеливым товарищам. Он часто называл их «формалистами», «пуританами», не понимая, как можно интересоваться «подобными вопросами» в тяжелую военную пору, переживаемую страной.

Сейчас, когда Италия была уже объединена, перед Гарибальди встали десятки острых, насущных вопросов. Гарибальди стал громко и настойчиво требовать «осуществления прав суверенного народа». Но, к своему ужасу, он убедился, что, отдав все силы борьбе за независимость, итальянская демократия не сумела завоевать прочных позиций для защиты своих прав.

В августе 1872 года Гарибальди опубликовал свою политическую программу; в начале ее он решительно заявлял:

«Если правительство изменяет своему долгу, мы должны, сплотив свои ряды, потребовать: исполняй свои обязанности — или уходи!»

Он решительно требовал уничтожения господства католицизма и всех привилегий, уничтожения религиозных корпораций в Риме. Он требовал обязательного бесплатного обучения и передачи всего дела образования из рук духовенства в руки светских лиц. *О республике* в этой программе пока нет упоминания. Гарибальди все еще не избавился от иллюзии, будто в рамках монархического строя возможно торжество демократических принципов, и он настойчиво требует «полного осуществления свобод» — свободы печати и права собраний. Горячо настаивая на всеобщем избирательном праве, Гарибальди уверен, что «благодаря такой системе в выборах пролетариат, до сих пор лишенный представительства в законодательных органах, сможет требовать справедливости». Желая улучшить материальное положение пролетариев и разоренных крестьян, он настаивает на уничтожении «абсурдной системы налогов», особенно пошлин на съестные припасы и налога на соль.

Настаивая на проведении единого прогрессивного налога, Гарибальди вводит в свою программу требование материальной поддержки пролетариата, «который своим трудом создает богатства, но далеко не всегда обеспечен достаточным заработком, позволяющим ему не голодать».

Уже полгода спустя он резко изменяет свою позицию. Множество возмутительных фактов тирании и произвола поражают Гарибальди, бьют в глаза, доводят до бешенства и отчаяния. Свобода граждан нарушается на каждом шагу. Невинных людей бьют, калечат, бросают в тюрьмы. Разве *для* этого герои-гарибальдийцы умирали под Калатафими, Волтурно и Беццеккой?

И Гарибальди окончательно порывает со старыми иллюзиями: он открыто требует провозглашения республики, Правда, его еще пугает мысль о новой революции в стране, только что объединенной с таким трудом и неслыханными жертвами. Этот бесстрашный революционер начинает… бояться революции. Он надеется, однако, что итальянская республика возникнет мирным «эволюционным путем». А как же Виктор Эммануил и его наследный принц Умберто? Неужели они «согласятся уйти»? На это Гарибальди пока не находит ответа. Он знает только одно: при существующем государственном строе ни одна из намеченных реформ не осуществима. Отныне он начинает настойчиво агитировать за республику.

10 марта 1872 года Гарибальди потрясло печальное известие:

умер Мадзини! Гарибальди телеграфировал друзьям: «Пусть на могиле великого итальянца развевается знамя «тысячи»!» Смерть Мадзини явилась большим ударом для Гарибальди. Отныне политическая деятельность Гарибальди становится более активной. Он не ограничивается уже письмами и теоретическими рассуждениями.

В 1875 году 1-й район города Рима избирает его депутатом парламента. Гарибальди резко выступает в палате депутатов против правительства «умеренной» партии, совершающего множество насилий. Он протестует против ареста Саффи и других товарищей, брошенных в тюрьму и закованных в цепи во время предвыборной кампании. Он ищет поддержки у своих бывших политических друзей, но те смущенно отводят глаза в сторону.

Тут только у Гарибальди открываются глаза: он узнает, что многие его соратники поддерживали его только во имя *монархии* Виктора Эммануила, с которой они и не собираются бороться. Одни из этих «друзей» открыто осуждают его поведение, другие выражаются более «деликатно». Сам он ужасается резкой перемене, происшедшей во многих «экс-республиканцах», которые, получив теплые местечки и министерские портфели, сразу обросли жирком и стали «совсем иначе смотреть на вещи».

С глубоким разочарованием глядел Гарибальди на безотрадную картину всеобщего разложения правящей верхушки. Так вот ради чего он пожертвовал всей своей жизнью! Он действительно хотел освободить итальянский народ от всяческих тиранов и паразитов, но этого не достиг. Он горько раскаивался в своих ошибках, так как демократия, народовластие было то единственное, главное, за что он, по существу, всю жизнь боролся.

Престарелый Гарибальди пользовался огромной любовью и авторитетом в народных массах. Чрезвычайно характерен эпизод, описанный Огепняком-Кравчинским («Дж. Гарибальди», стр. 6): «Во время своего приезда в Рим, в 1872 году, Гарибальди был не в ладах с правительством. Публика это очень хорошо знала. Знало и правительство. Но никому не было известно, с чем — с войной или с миром — идет старый диктатор, что еще более увеличивало тревогу ожидания. Со времен революции 48 года город не находился в таком возбуждении: Буквально весь народ высыпал на улицу. Невозможно описать энтузиазм, с каким был встречен Гарибальди. «Мы были, как сумасшедшие», — вот подлинное выражение участников. И настроение всей этой трехсоттысячной толпы, выраженное несколькими депутациями, резюмировалось словами: «Generale, che volete?» («Генерал, чего вы хотите?») Между тем войска, полиция — все это куда-то попряталось,

исчезло, точно провалилось сквозь землю… Благоразумнее всего было устранить малейший повод к раздражению народа и положиться на благородство и великодушие старого республиканца, каким всегда был и оставался Гарибальди. Расчет оказался совершенно верным. Выйдя на балкон, Гарибальди сказал:

— Я хочу, чтобы день моего приезда в Рим был днем спокойствия.

И толпа, готовая на все, по одному его знаку мирно разошлась по домам».

Материальное положение Гарибальди в это время было очень скверным. Он был обременен большой семьей. От брака с Анитой у него было трое детей — Менотти, Риччиотти и Терезита. После 1866 года Гарибальди сошелся с Франческой Армозино, которая родила ему троих детей — Клелию, Розу и Манлия. Роза умерла. Двух других — Клелию и Манлия — Гарибальди горячо любил. Желая узаконить свой брак с их матерью Франческой, он долгие годы хлопотал о расторжении своего фиктивного брака с маркизой Раймонди, но ему удалось сделать это лишь в 1880 году. В том же году он обвенчался с Франческой. С большим трудом удавалось Гарибальди прокормить свою семью. Из-за расшатанного здоровья он не мог уже зарабатывать на жизнь, служа капитаном какого-нибудь корабля. Он продал было свою красивую яхту «Ольга» (подарок англичан во время лондонской поездки), но агент, взявшийся оформить это дело, сбежал с деньгами и бесследно скрылся… Пытался Гарибальди торговать гранитом своей Капреры, но ничего из этого не вышло. Жил он главным образом литературным трудом и написал, кроме своих «Мемуаров», четыре романа: «Клелия», «Кантони Волонтер», «Тысяча», «Поповское иго или Рим в XIX столетии». Критика очень отрицательно отнеслась к этим слабым в художественном отношении вещам. Понравились лишь отдельные главы чисто автобиографического характера. От материальной помощи, которую ему предлагали друзья, он отказывался. Наконец в самой Италии раздались возмущенные голоса, упрекавшие правительство в том, что оно равнодушно смотрит на страдания великого национального героя. 27 мая 1875 года в «Официальной газете» был напечатан текст нового закона, утвержденного обеими палатами: Гарибальди получил пятьдесят тысяч лир ежегодной пожизненной ренты и, кроме того, проценты с такой же суммы, списанной за счет государственного бюджета.

Но, несмотря на вопиющую нужду своей семьи, Гарибальди отказался от пенсии. Вот что он написал Менотти: «…Ты скажешь им, что эти 100 тысяч лир будут жечь мою грудь, как туника

Несса[73]. Если я приму эти деньги, я потеряю сон. Мне все время будет казаться, что кандалы сжимают мои кисти, что руки мои обагрены горячей кровью… Каждый раз, как до меня дойдут вести о правительственных хищениях и страданиях народа, мне придется закрывать лицо от стыда. Приношу глубокую благодарность нашим друзьям и вообще всему парламенту. Что же касается этого правительства, которое добивается обнищания и развращения страны, то пусть оно себе ищет сообщников в другом месте».

Человек, в течение всей своей жизни дававший примеры поразительного бескорыстия и зарабатывавший себе на хлеб трудом своих рук, дал прекрасный урок стяжателям и продажным людям. К сожалению, ему не удалось долго выдержать характера. Он сильно нуждался, неумолимые кредиторы грозили описать его имущество… Спустя год умеренное министерство пало. Впервые к власти пришли «свои» — левые, радикалы — Манчини и прочие. Гарибальди искренно радовался этому событию, надеясь на осуществление многих демократических реформ. Министры Манчини и Никотера явились к Гарибальди и стали горячо доказывать, что теперь долг перед семьей обязывает его принять дар государства, вотированный парламентом (миллион лир и ежегодную пенсию в пятьдесят тысяч лир).

Скрепя сердце Гарибальди согласился… Но когда министры покинули его дом, окружающим показалось, что престарелый герой состарился еще на двадцать лет.

Принятая из нужды подачка терзала израненного героя, страшный неисцелимый яд начал жечь его. Какой позор! Он, свободный и независимый народный трибун, республиканец, решился брать деньги у правительства конституционной монархии! Да разве ему лично эти деньги нужны были? Он вел всегда чрезвычайно воздержанный образ жизни. Молоко, сухие фрукты, сыр — вот все, чем он обычно питался. Но у него была семья…

Как он и предчувствовал, его враги — клерикалы — воспользовались случаем и публично стали упрекать его за согласие принять пенсию. В радикальном лагере некоторые «принципиальные» республиканцы («пуритане») тоже выражали свое возмущение. Слухи обо всем этом сильно ранили сердце Гарибальди. Он продолжал вести прежний скромный образ жизни, щедро жертвуя деньги на всевозможные общественные и благотворительные цели.

Здоровье Гарибальди ухудшалось. Все его суставы были изуродованы страшной болезнью («обезображивающим артритом»), причинявшей ему мучительную боль. Он

передвигался с огромным трудом и почти не покидал Капреры.

Лишь в 1878 году, несмотря на болезнь, он поехал в Рим и основал там «Демократическую лигу», изложив ее принципы в специальном манифесте.

К ужасу всех «умеренных», он снова категорически заявил о необходимости республики и перечислил в программе все свои демократические требования: провозглашение республиканского строя; всеобщее голосование; уничтожение присяги, привилегий, официального религиозного культа; федеральное устройство; замена прежних налогов единым прогрессивным; осушение болотистых мест, расчистка глухих дебрей и т. д.

Однако вскоре Гарибальди убедился, что и «левое» правительство при монархическом строе немногим лучше, чем все другие. Эти бывшие революционеры, пламенные энтузиасты в прошлом, теперь, очутившись на высоких постах, ни о каких реформах не помышляла и раболепно пресмыкались перед старым врагом Италии — Австрией.

Тогда Гарибальди обратился к своим избирателям с замечательным, глубоко искренним письмом:

«Капрера, 24 сентября 1880.

Моим избирателям 1-го района г. Рима

Дорогие друзья!

Мне очень больно, что я вынужден отказаться от депутатского звания. Сердцем своим я всегда буду с вами, до самой смерти. Но не могу я сейчас принадлежать к числу людей, издающих законы в стране, где свобода попрана, где закон практически служит только для того, чтобы гарантировать свободу иезуитам и врагам итальянского единства; того самого единства, ради которого по всей стране на полях битв рассеяны кости лучших ее сынов — в течение шестидесяти лет борьбы.

Совсем не о такой Италии я мечтал всю свою жизнь — не об этой несчастной внутри и униженной за границей Италии, ставшей жертвой самого гнусного элемента нашей нации. Я не хотел бы, чтобы мое молчание было истолковано как безмолвное одобрение непозволительного поведения людей, дурно управляющих нашей страной».

Последние два года своей жизни Гарибальди провел в тяжелых физических страданиях. Несмотря на протесты врачей и близких, он совершил поистине героическое усилие: больной и искалеченный, поехал в Палермо, на остров Сицилию, чтобы участвовать в торжестве шестисотлетней годовщины «Сицилийской вечерни».

«Хотим видеть Гарибальди!» — восторженно кричали тысячи

людей, останавливая по пути поезд, в котором ехал их любимый герой. «Да здравствует наш отец, наш освободитель, герой двух полушарий, раненный под Аспромонте!» — кричал народ, заполнявший площадь Мессины. «Расступитесь! Мы хотим видеть нашего Гарибальди!»

Только близкие люди знали, *чего* стоило ему совершить эту поездку. Каждое движение вызывало мучительную боль во всем теле. Но Гарибальди обладал железной волей. В одном из последних писем он хладнокровно дает инструкции насчет своих похорон, прося сжечь его тело[74].

Умер Гарибальди 2 июня 1882 года на Капрере. В минуту смерти на постели его лежали ветхий томик «I Sepolcri» («Гробницы», поэма Фосколо) и альбом с портретами 1117 героев сицилийского похода…

Неаполитанские женщины, вырывая себе волосы, рыдая, причитали:

— É morto Galubardo, é morto lu mio Bello! (Умер Галубардо, умер мой прекрасный!)

Под этим именем (Калубардо, Галубардо и т. д.) он был известен горячо любившим его народным массам. Не только знаменитые поэты, но и скромные рапсоды (народные певцы) слагали легенды, баллады и песни о его сказочных подвигах. (Некоторые из этих произведений вошли в сборник Сальваторе Морино.) Одни его поклонники уверяли, что слух о смерти героя ложен, так как «красная рубашка делала его бессмертным». Другие утверждали, что сам Гарибальди умер давным-давно при осаде Гаэты, но у него есть *«двенадцать братьев»,* все белокурые, все прекрасные и храбрые, все носят красные рубашки, как Пепе (уменьшительное от Джузеппе), и как две капли воды похожие друг на друга. Дошло до того, что еще при жизни Гарибальди приходилось показываться народу и лично опровергать эту странную выдумку.

В самых отдаленных уголках земного шара обездоленные и угнетенные трудящиеся были глубоко опечалены вестью о смерти знаменитого революционера: в убогих хижинах южноамериканских пеонов, в лачугах венгерских бедняков, в галицийских халупах — всюду жила надежда, что к ним когда-нибудь явится «великий освободитель», бесстрашный витязь свободы, и свергнет иго царей и помещиков.

В своей политической деятельности Гарибальди не мог подняться над уровнем мелкобуржуазных воззрений, которые господствовали среди демократических элементов итальянского национально-освободительного движения. Но его тесная связь с

народными массами, его любовь к ним и понимание их нужд позволили ему, особенно в последние годы его жизни, понять историческую роль рабочего класса в национально-освободительном движении. «Я называю всех рабочих земного шара своими братьями». «Единственное общество, в котором я люблю находиться, — это общество рабочих». «Насколько благородны инстинкты рабочего, обнаруживается в серьезные моменты жизни и во время революции». Эти слова принадлежат Гарибальди. Он стремился также использовать недовольство крестьянских масс в интересах революционной национально-освободительной борьбы и для удовлетворения насущных нужд крестьян принимал при каждой возможности практические меры.

Гарибальди серьезно задумывался над решением социальных проблем. «Как подумаешь, — говорил он, — что такая ничтожная кучка людей пользуется или, лучше сказать, монополизировала блага цивилизованного общества и что такое множество людей страдает, начинаешь поистине сомневаться, пользуется ли хоть сколько-нибудь бедный класс этими благами цивилизации».

В высшей степени знаменательно, что в самые последние годы своей жизни Гарибальди разочаровался не только в конституционной монархии, но и в *буржуазной республике.* Он убедился во всей лживости мнимых «республиканских свобод» при господстве крупной буржуазии, разоряющей трудящиеся массы народа. «Дорогой Гюг! — писал он французскому поэту Кловису Гюгу (Hugues). — Республика всех этих Греви, Гамбетт и Ферри не только бросила Францию к ногам Бисмарка, но она *осквернила* (ha avvilito) *великий идеал всей нашей жизни: демократическую республику.* Что мы теперь сможем сказать политически неграмотным народным массам о республиканской системе, как мы сможем ее хвалить?.. Деспотизм находит себе поддержку в войне: а делает ли республика что-нибудь лучшее? Вы разделяете мои взгляды и знаете, что *лучше умереть, чем жить опозоренным.* А Франция господ Греви нас опозорила в Тунисе, в Марселе, всюду».

За год до того, как было написано это письмо, Гарибальди открыл энергичную кампанию в защиту *всеобщего избирательного права.* Он опубликовал «Манифест» к «Братьям-итальянцам», в котором говорил: «Чтобы иметь, нужно желать. Надо настаивать, пока цель наша не будет осуществлена. Мы хотели национального объединения: мы имеем его! Мы хотели получить Рим — мы имеем его! Мы хотим всеобщего избирательного права — мы будем его иметь! *Истинно суверенная власть принадлежит народу.* Отнимите у гражданина возможность свободно осуществлять эту власть, и у нас останется лишь деспотизм,

надевший маску демократии, останется произвол, наряженный в одежду лисьей легальности» (Реджоло, 20 июня 1880 года).

Гарибальди один из немногих в свое время понял и оценил великое значение героической *Парижской коммуны,* в рядах которой сражались и умирали некоторые гарибальдийцы. В то время как многие «демократические» деятели Европы, считавшиеся левыми и передовыми, яростно выливали целые ушаты грязи по адресу Коммуны, в то время как Мадзини, «непреклонный республиканец и демократ», посвятил осмеянию Коммуны и I Интернационала множество ядовитых памфлетов и манифестов, — Гарибальди не побоялся открыто выступить в защиту людей, пс выражению Маркса, «штурмовавших небо», и назвал Интернационал *«солнцем будущего».*

Особенную чуткость в понимание роли Коммуны и Интернационала проявил Гарибальди в своем знаменитом письме к Джузеппе Петрони — председателю мадзинистского конгресса и вождю масонской организации (письмо из Капреры от 24 октября 1871 года). Об этом письме Энгельс писал Теодору Куно: «…его последнее письмо к Петрони представляет для нас громадную ценность. Если его сыновья в моменты всех великих кризисов проявят такой же правильный инстинкт, как и старик, то они смогут многое сделать»[75].

В своем письме Гарибальди со всей силой, искренно и правдиво становится на защиту Парижской коммуны:

«Кто дал вам право бросать проклятия павшим? Ведь это единственные люди, которые в наше время тирании, лжи, трусости и разложения высоко держали святое знамя правды и законности и с ним в руках погибли! Вы предаете Париж анафеме, но за что? За то, что он разрушил Вандомскую колонну и дом Тьера? А видели ли вы когда-нибудь, как сжигают целую деревню за то, что она дала убежище одному партизану (franc-tireur)? Это происходило не только во Франции, но и в Ломбардии, Венецианской области и других. Эти волонтеры и «вольные стрелки» были объявлены вне закона, не имели эполет, не защищали «святое дело короля и религии». Вы обвиняете парижан в том, что они употребляли керосин для поджогов. Мне придется тогда спросить попов — этих «специалистов по адскому пламени», — какая разница между пожаром от керосина и поджогами деревень Ломбардо-Венецианской области, — делом рук палачей, расстрелявших Уго Басси, Чичеруаккио и тысячи итальянцев-патриотов? Тьер и его «деревенщина» истребляли людей гораздо более ценных, чем они. Я надеюсь, мой друг, что, вглядевшись во мрак, который по сей день продолжает заволакивать Париж, *и уяснив себе страшную реальность*

версальских убийств, вы более снисходительно отнесетесь к поступкам народа (коммунаров), вызванным его отчаянным положением… Что мог сделать этот бедный народ, у которого было столько руководителей: Коммуна, Центральный Комитет, Комитет Общественного Спасения и масса клубов, степень революционности которых была различна и которые были частично заражены реакционными элементами (как стало теперь известным)?

А Интернационал? Как можно нападать на эту организацию, почти совершенно ее не зная? Разве не должен возбуждать недовольство и жажду мести у страдающих такой общественный строй, в котором огромное большинство трудится, чтобы снискать себе пропитание, а меньшинство желает ложью и насилием захватить у него большую часть продуктов, не заработав их в поте лица? Пусть же твердо помнит класс состоятельных людей, что никаким полицейским и военным отрядам не удастся защитить государственной власти и частной собственности, если государство не будет основано на справедливости для всех!»

Как уже неоднократно указывалось, Маркс и Энгельс высоко ценили Гарибальди, внимательно следя за его деятельностью, сурово осуждая его ошибки и радуясь успехам. Несмотря на то, что Гарибальди не дошел еще до полного понимания и признания роли классовой борьбы, *общая оценка его деятельности основоположниками революционного марксизма была положительной.*

Достаточно, например, ознакомиться с тем, что писал Энгельс о последнем периоде жизни Гарибальди. Энгельс рассказывает, как Гарибальди, получив от итальянских анархистов их газету, содержавшую «гневные выкрики» против «авторитетного принципа», ответил им следующими словами:

«Парижская Коммуна пала потому, что в Париже не было авторитетной власти, а была только анархия».

И Энгельс заключает: *«Старый борец за свободу, который в одном 1860 году сделал больше, чем попытаются сделать когда-либо. на своем веку все анархисты, вместе взятые, знает цену дисциплине…»*[76]. (Курсив наш. — *А. Л.*)

Почему же Маркс и Энгельс так высоко ценили Гарибальди? Потому, что в отличие от заговорщиков типа Мадзини, анархистов типа Крешио, прудонистов и бакунистов, Гарибальди был «старым борцом за свободу», боровшимся всю жизнь с феодально-деспотическим режимом. В этом главным образом заключается причина его великого обаяния, огромной популярности и всемирной известности как народного борца и трибуна, защитника угнетенных народов.

Боевой опыт Гарибальди воодушевлял и учил революционеров других стран. В непроглядном мраке русского царского самодержавия многие революционеры вдохновлялись замечательным примером Гарибальди. Он был врагом деспотизма, горячим защитником свободы малых угнетенных наций и честным, неподкупным сыном народа.

Достаточно привести выдержки из одного письма Гарибальди, чтобы убедиться в том, как он ненавидел насильников и поработителей слабых народов.

Это письмо от 9 марта 1872 года было адресовано Лео Таксилю, главному редактору французского антиклерикального журнала.

«Итак, кончено! Ваша республика больше никого не обманет. Любовь и почтение, которое мы к ней чувствовали, сменились презрением. *Ваша тунисская война — позорна!* Если бы даже итальянское правительство было настолько низко, *что признало бы совершившийся факт,* то оно заслуживало бы всеобщего презрения, и жалким был бы народ, терпящий подобное правительство. Ваши знаменитые генералы, которые позволили пруссакам впихнуть себя, в вагоны для скота и возить по Германии после того, как покинули и отдали врагу полмиллиона своих храбрых солдат, — сейчас эти *генералы хвастливо проявляют свою «доблесть» в отношении слабого тунисского народа, который ничем им не обязан и ничем их не оскорбил.* Читали ли вы их телеграммы, торжественно возвещающие: «генерал такой-то завоевал — генерал такой-то совершил блестящую облаву — разрушил три деревни — срубил тысячу фиговых деревьев — похитил 2000 быков — зарезал тысячу голов скота — реквизировал 2000 кур» и т. д. Недоставало еще, чтобы они имели бесстыдство поместить эти телеграммы в прекрасную историю Франции, откуда пришлось бы выметать их грязной кухонной метлой!»

…Гарибальди давно уже нет. Но дело его продолжают неутомимые и бесстрашные борцы за народное дело.

Тщетно в годы диктатуры Муссолини итальянские фашисты пытались объявить Гарибальди «своим», стремились «нажить капитал на героическом образе Гарибальди» (Г. Димитров). Народы ответили фашистам словами самого Гарибальди: «Si cerchi complici altrove!» (Ищите, господа, себе сообщников в другом месте!»)

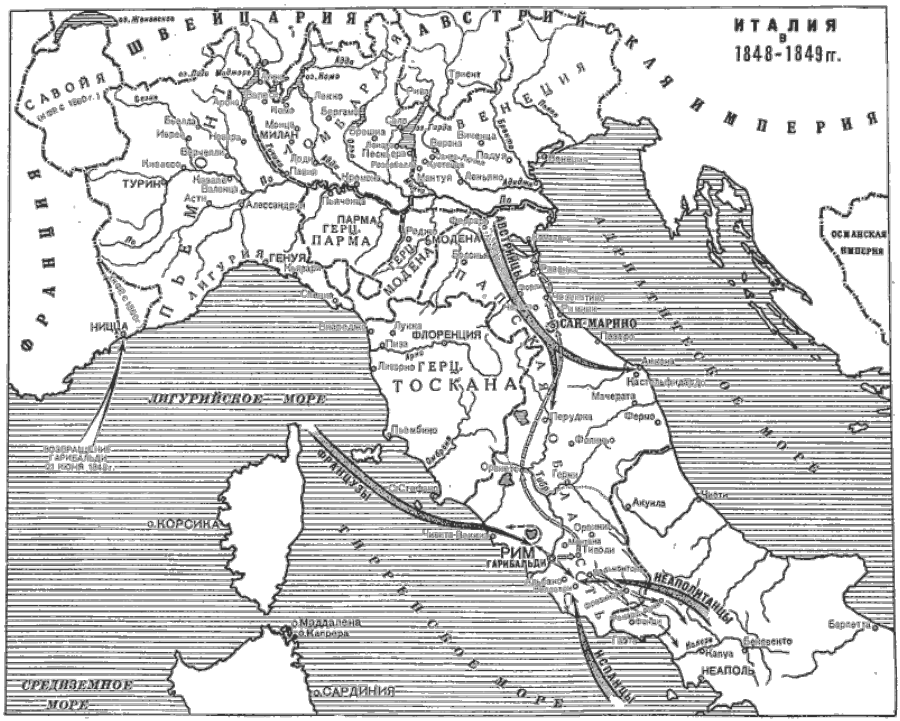
Когда в 1936 году в Испании вспыхнул фашистский мятеж, на стороне республиканцев храбро сражался с фашистскими мятежниками батальон имени Гарибальди, Когда в 1943 году

итальянский народ поднялся против фашизма и немецких оккупантов, коммунисты создали ударные гарибальдийские бригады., ставшие ведущей силой итальянских партизан. Партизанские действия увенчались народным восстанием 25 апреля 1945 года, в результате которого Северная Италия была освобождена от гитлеровцев. Портрет Гарибальди стал эмблемой Народного фронта на выборах 1948 года в итальянский парламент.

И сегодня звучат исторические строки воззвания подпольного ЦК Компартии Италии (апрель 1935 года):

«Знамя, перешедшее из рук Пизакане и Гарибальди в руки Андреа Коста и пионеров социалистического движения, сейчас в руках коммунистической партии, единственной партии, способной держать его высоко и идти с ним во главе народа в новые бои за хлеб, за мир, за свободу, против новых эксплуататоров и угнетателей нашей страны».

КАРТА

Уход Гарибальди из Рима.

Путь отступления Гарибальди из Рима.

Наступления на Гарибальди.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГАРИБАЛЬДИ

Гарибальди Дж. Мои мемуары. Сокр. перев. под ред. с предисл. и примеч. М. Левидова. М., изд-во «Молодая гвардия», 1931, 193 стр.

Garibaldi G. Epistolario, raccolto et annotato da E. Ximenes. Voi. 1–2. Milano. 1885.

Garibaldi G. Le memorie… Bologna. 1933 (Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Voi. 1–2).

Garibaldi G. Scritti e discorsi politici e militari. Vol. 1. 1838–1861). Bologna. 1934. XVJI, 431 p. (Edizione nazionale degliscitti di G. Garibaldi. Voi. 4).

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС о ГАРИБАЛЬДИ

Сочинения, т. XI, ч. 2— статьи Ф. Энгельса «Стратегия войны» (стр. 181–184), «Как Австрия держит в своих руках Италию» (стр. 76–82);

т. XII, ч. 2— статьи К. Маркса «Сицилия и сицилийцы» (стр. 54–56), «Положение дел в Пруссии» (стр. 156–159), «Митинг в честь Гарибальди» (стр. 376–378), «Бурный митинг» (стр. 383–385), «Митинг гарибальдистов» (стр. 386–388), «Интересные новости из Сицилии» (стр. 95–97); статьи Ф. Энгельса «Савойя и Ницца» (стр. 26–29), «Гарибальди в Сицилии» (стр. 61–65), «Гарибальдийское движение» (стр. 123–126), «Продвижение Гарибальди» (стр. 144–148), «Гарибальди в Калабрии» (стр. 149–151);

т. XV — статья Ф. Энгельса «В Интернационале» (стр. 145);

т. XVI, ч. 1 — статья Ф. Энгельса «Роль насилия в истории», гл. IV (стр. 452–507); т. XXII — письма № 590, 623, 680, 681, 683, 695, 699, 700, 701;

т. XXIII — письма № 741, 749, 785, 851, 852, 1043, 1064;

т. XXV — письма № 221, 222, 228, 264, 265;

т. XXVI — письма № 135 и 150.

ЛИТЕРАТУРА О ГАРИБАЛЬДИ

а) русская

Герцен А. И. Былое и думы, II том, 59 гл., «Comìcla Rossa» и дополнения.

Лурье А. Гарибальди. М. [1938], 320 стр. («Жизнь замечательных людей»).

Лурье А. Джузеппе Гарибальди. М., Воениздат, 1939, 102 стр.

Мечников Л. Записки гарибальдийца.

Невлер В. (Волин) Джузеппе Гарибальди — герой итальянского народа. М., Соцэкгиз, 1937, 148 стр.

Революции 1848–1849. Под ред. проф. Ф. В. Потемкина и проф. А. И. Молока. М., Изд-во Академии наук СССР, 1952 (Академия наук СССР. Институт истории. Библиотека всемирной истории).

Том I — гл. 5 (стр. 104–122), гл. 11 (стр. 224–243), гл. 28 (стр. 493–520), гл. 41 (стр. 739–768).

Том II — гл. 45 (стр. 30–68), гл. 51 (стр. 185–188), гл. 63 (стр. 410–422), гл. 64 (стр. 451–457).

Степняк С. (Кравчинский) Джузеппе Гарибальди, Спб, 1906, 62 стр.

Чернышевский И. Г. Политика 1859 г. № 6 и 12 в кн. Поли. собр. соч. т. 6. М., 1949.

б) Иностранная

Biràni, Mario M. Amori e battaglie di Giuseppe Garibaldi. Milano, Geschlna, [1951]. 414 p.

Dumas pjre, A exandre. Mémoires de Giuseppe Garibaldi, précédés d'un discours par Victor Hugo.

Gucrzoni G. Garibaldi. [Nuova ed.] Con. pref. di G. E. Curatulo. Firenze. 1926. XV, 458 p.

Gramsci A. H Risorgimento. Torino. 1949. XIV, 235 p. (Opere di Aitonio Gramsci. Voi. 4. 2a ed.).

King B. A History of Italian unity being a political history of Italy from 1814 to 1871. Vol. 1–2 1899. Перевод: *Кинг Б.* История Объединения Италии. Пер. с англ. Н. Кончевской. М., 1901.

Loevinson E. Giuseppe Garibaldi e la sua ligione nello Stato Romano (1848–1819). Pt. 1–3. Roma. 1902–1907.

Lumbroso G. Garibaldi. Fireuse. 1938, 361 p.

Middleton, Robert Garibaldi, ses operations à l'armée des Vosges. Paris, 1871.

Orsi P. L'Italia moderna. Storia degli ultimi 150 anni. 6a ed. Milano. 1Э28. XVI, 554 p. Перевод:

Орси П. Современная Италия. История последних 150 лет до вступления на престол Виктора Эммануила III. Пер. с итал. О.

Шенрок. Под ред. Г. Форстена. Спб., 1907, 353 стр.

Trevelyan G. *M.* Garibaldi's defence of the Roman republic 1848-49 2 d. ed New impr. L. 1919.XV. 387 p.

White Mario J. Garibaldi: e 1 suol tempi. Milano. 1905. Vili, 391 p.

White Mario J. Vita di Giuseppe Garibaldi. Milano, 1904.

Об авторе

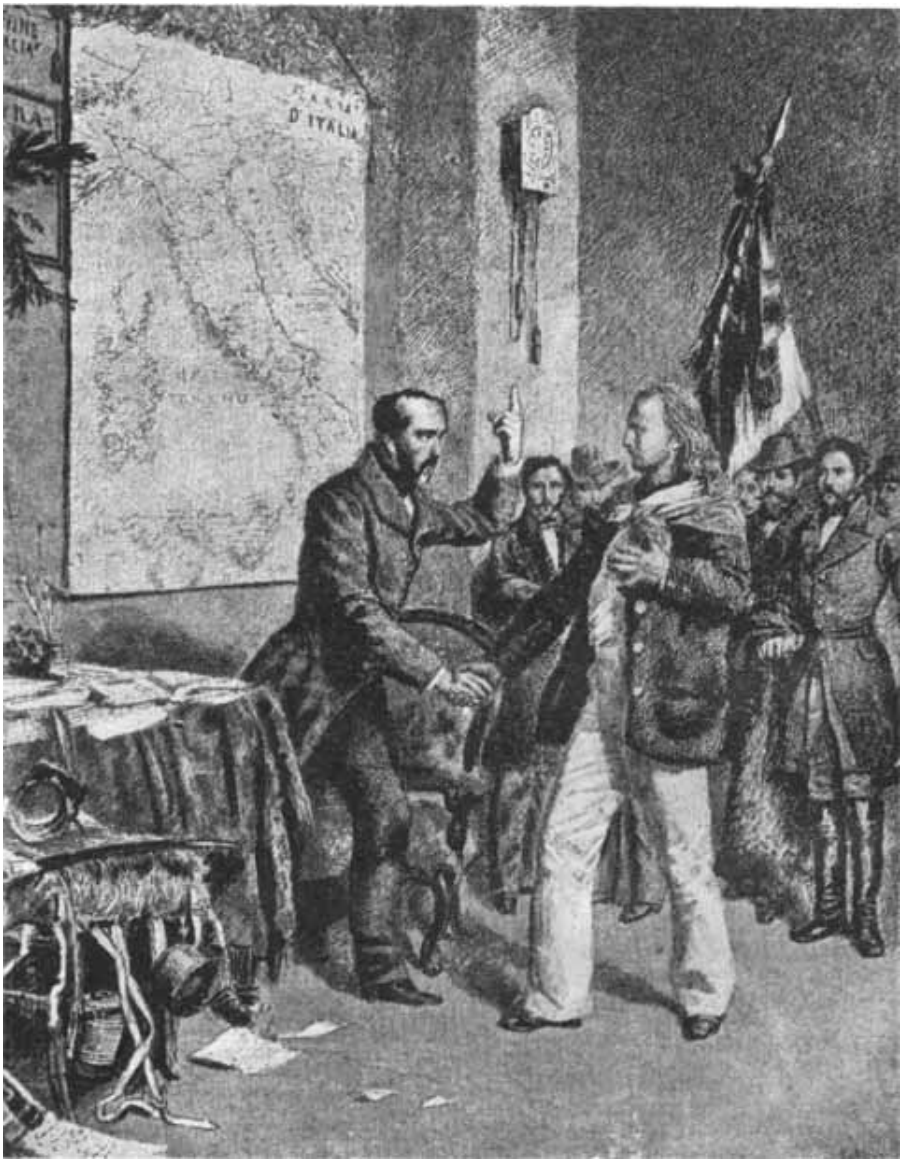
Писатель Абрам Яковлевич Лурье родился в 1895 году в местечке Славута, на Украине. В 1917 году окончил медицинский факультет Киевского университета, затем в рядах Красной Армии участвовал в гражданской войне на Восточном фронте. В двадцатых годах, работая врачом, он одновременно сотрудничает в газетах и журналах, пишет стихи и пьесы, много переводит с иностранных языков. Несколько лет в качестве судового врача плавает на кораблях дальнего плавания. С 1931 года посвящает себя исключительно литературному труду.

А. Я. Лурье — кандидат исторических наук, автор 20 книг, многочисленных статей и очерков, нескольких пьес. Главные его книги: «Тайна великой пирамиды» (1935), «По Индии» (1936), «Гарибальди» (1938), «Портреты деятелей Парижской коммуны» (1942), «С. О. Макаров» (1949), «Ермак» ведет корабли» (1951, в соавторстве с М. Сорокиным), «Адмирал Бутаков» (1954, в соавторстве с А. Марининым). В 1956 году в Госполитиздате вышло второе, дополненное издание книги «Портреты деятелей Парижской коммуны».

Иллюстрации

Джузеппе Мадзини.

Первая встреча Гарибальди с Мадзини.

Джузеппе Гарибальди.

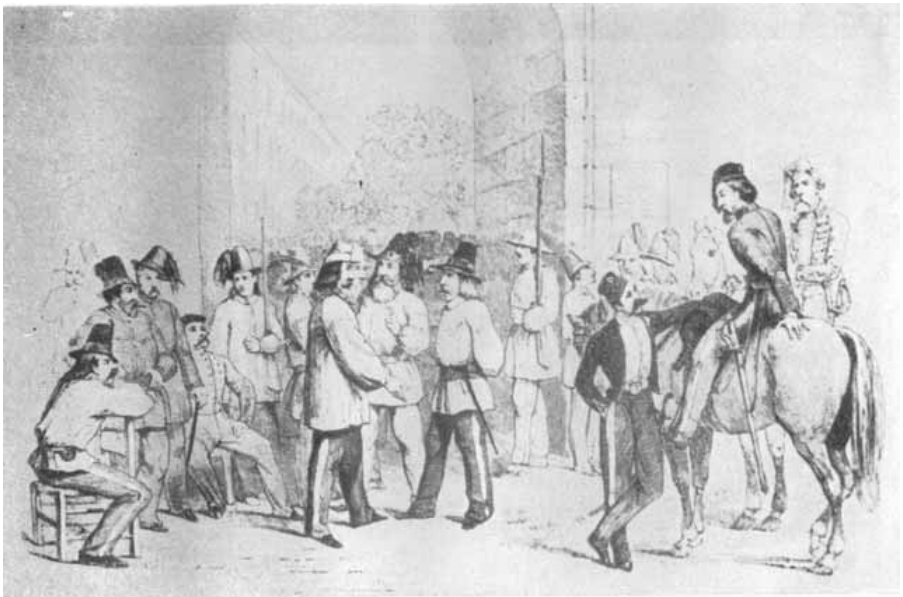
Анита, жена Гарибальди.

Революция в Неаполе. Баррикады в Толодо перед нападением королевских войск на восставших 15 мая 1848 года.

Джакомо Медичи.

Штаб Гарибальди в монастыре св. Сильвестра в Риме.

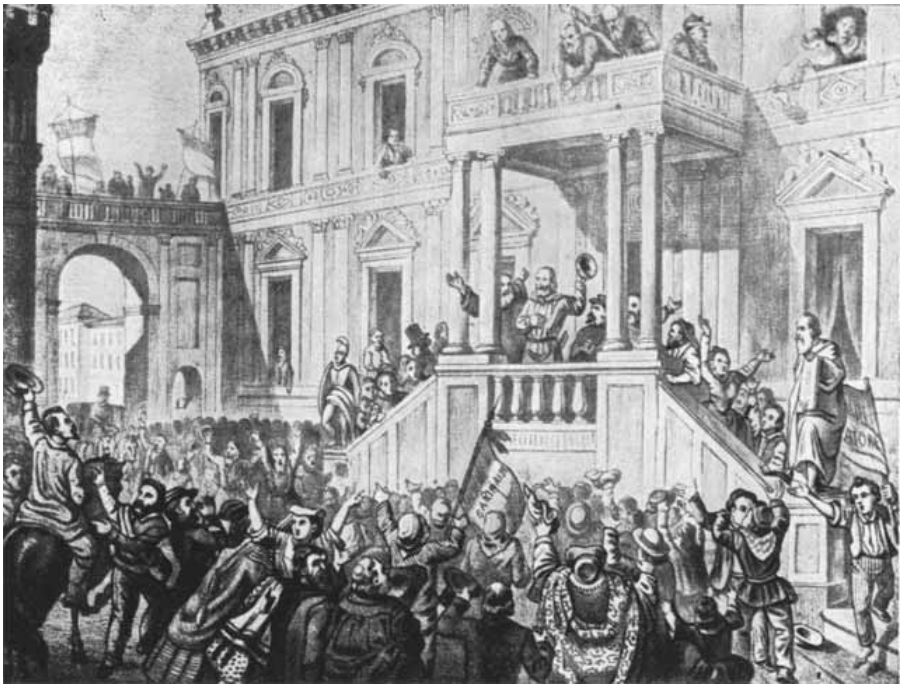
Джузеппе Гарибальди.

Высадка «тысячи» в Марсале.

Взятие Калатафими.

Гарибальди провозглашен диктатором в Палермо.

Взятие Милаццо.

Штаб одного из отрядов Гарибальди со своим предводителем. Маза на улицах Палермо в Сицилии.

Гарибальди ранен под Аспромонте.

Побег Гарибальди с Капреры.

Менотти Гарибальди.

notes

Примечания

1

Миссолунги — город в западной части среднем Греции, главный оперативный пункт в греческую войну за независимость. В 1825 году против него был послан 35 тысячный турецкий корпус под командой Решид-паши, которому султан приказал. под угрозой казни, овладеть непокорным городом. Долго защищались храбрые румелиоты. Наконец 22 апреля 1826 года турки ворвались в город. Тогда греки взорвали пороховой погреб и похоронили себя под развалинами вместе с вторгшимся противником.

2

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 404.

3

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 452–453.

4

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 2, стр. 48.

5

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 13.

6

Остров Сицилия входил тогда в состав Неаполитанского королевства, именовавшегося иначе «Королевством Обеих Сицилии».

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.$_{г}$ т. XI, ч. 2, стр. 31.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV. стр. 112.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 243.

10

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 508–509.

11

О предках Гарибальди достоверно известно лишь следующее: в середине XVIII века в Кьявари жил некий Анджело Гарибальди, принадлежавший к роду морских капитанов и судостроителей и сам занимавшийся тем же. В 1780 году Анджело переселился с семьей в Ниццу. У него был сын Доменико — в будущем отец Джузеппе Гарибальди.

Кварта — 1/32 часть окружности компаса.

13

Эстансия — скотоводческая ферма.

Я б предпочел ее пустынной видеть
И разоренными — ее дворцы,
……
Чем обесчещенной и трепетной увидеть
Италию под палкою вандала!

15

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 242.

16

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч 2, стр. 56.

17

Там же, стр. 55–56.

18

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 242–243.

19

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 250.

20

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 2, стр. 77.

21

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 2, стр. 80–81.

22

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 337.

23

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 339.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 338–339.

25

Статьи Чернышевского в журнале «Современник» отражают более поздний период итальянской революции (1859 г.). Однако приводимые в статьях факты о положении крестьянства в различных районах сохраняют свою силу и для периода, о котором идет речь *(Л. Л.)*.

26

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 2, стр. 172–173.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 93.

28

Квиринал — папский, позже королевский, дворец, расположенный на одном из семи холмов Рима.

29

Прозвище «Короля Бомбы» было дано Фердинанду II, королю неаполитанскому, за зверскую бомбардировку, которой он подверг город Мессину.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр 104.

Теперь она известна под именем Via Aurelia Antica.

32

Фердинанд Лессепс (1805–1894) — бывший сенсимонист, позже французский консул в Каире, инженер, прославившийся постройкой Суэцкого канала и спекуляциями при постройке Панамского канала.

33

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 339.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 508.

35

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 2, стр. 183.

36

А. И. Герцен. Былое и думы. Соч., том 5, стр. 328. М., 1956.

37

Остров Капрера находится между восточной частью острова Маддалены и северным мысом острова Сардиния, от которого отделен только маленьким проливом Арсакена *(см. карту в конце книги)*.

38

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч 2 стр 96–97.

39

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 16.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 459–460.

41

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 415.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 2, стр. 27, 28–29.

43

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 452.

Только 14 января 1880 года удалось добиться вердикта римского апелляционного трибунала, расторгшего этот брак.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 461.

46

В этом месте «Мемуаров» есть примечание: «В битве при Копенгагене английский главнокомандующий адмирал Паркер дал сигнал отступления Нельсону, участвовавшему в сражении. Офицеры обратили внимание Нельсона на сигнал. Нельсон приставил подзорную трубу к слепому глазу и сказал: «Я ничего не вижу». Битва продолжалась, и Нельсон выиграл ее».

К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XII, q. 2, стр 63–64.

К. Маркс и Ф Энгельс. Соч., т. XII, ч 2, стр. 65.

49

Мечников, Лев Ильич (1838–1888) — даровитый русский географ, публицист и социолог, с 1884 года занимавший в Невшательской академии кафедру сравнительной статистики и географии. В 1860 году поступил волонтером в «тысячу» Гарибальди и был тяжело ранен под Волтурно.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч… т. XII, ч. 2, стр. 95–96.

51

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч… т. XII, ч. 2, стр. 98.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 519.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 104.

Джиованни Никотера (1828–1894

К. Маркс и Ф Энгельс. Соч., т. XII, ч. 2, стр. 144.

К. Маркс и Ф Энгельс. Соч., т. XII, ч. 2, стр. 149, 151.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 2, стр. 157.

58

Кошут Лайош (1802–1894) — венгерский революционер, вождь буржуазной революции 1848–1849 годов в Венгрии, глава Венгерской республики в годы революции, позднее — политический эмигрант. Для борьбы с Габсбургами пытался в 1859 году при помощи Луи Наполеона организовать экспедиционный корпус против Австрии.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 2, стр, 159.

К. Маркс и Ф. *Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 534.

61

Республиканский президент Луи Наполеон, 10 декабря 1848 года присягнувший в верности республике, 2 декабря 1851 года узурпировал власть и через год провозгласил себя императором.

62

«Сицилийской вечерней» называется кровопролитное восстание сицилийцев в 1282 году против их завоевателей — французских феодалов. Маркс писал: «сицилийская почва издавна оказывалась смертельной для угнетателей и завоевателей, и Сицилийская вечерня останется навеки бессмертной в истории» (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XII, ч. 2, стр. 55).

63

В свое время Паллавичини, ярый мадзинист, был «узником Шпильберга» за антиавстрийскую деятельность. Теперь он правил Сицилией именем короля Виктора Эммануила.

64

А. И. Герцен. Былое и думы. Соч., том 6, гл. X, стр. 267–268. М., 1957.

Я категорически отказался.

Погиб в объятиях.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 176.

68

Деятели революционной французской буржуазии в период революции 1848 года.

69

Лонд Дэндрери — один из персонажей комедии Тэйлора «Наш американский кузен».

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 177.

71

Джиованни Ачерби (1825–1869) — участник обороны Венеции и мадзинистских заговоров, позже сражавшийся в рядах «альпийских стрелков» и «тысячи».

Вскоре Гарибальди отозвался на отставку Гюго письмом:

«Капрера, 11 апреля 1871.

Дорогой Виктор Гюго!

Мне уже давно следовало выразить Вам чувство благодарности за огромную честь, которую Вы мне оказали в Собрании в Бордо. Но нужны ли письменные заверения! Ведь наши души отлично понимают друг друга: Ваша — вследствие оказанного благодеяния, моя — благодаря дружбе и признательности, которые я испытываю к Вам с давних пор. Ваша речь в Бордо явилась высокой наградой для меня, посвятившего всю жизнь служению священному делу человечества, первым апостолом которого Вы являетесь.

Навеки преданный Вам *Гарибальди».*

73

Туника Несса — в греческой мифологии отравленное ядом лернейской гидры платье, которое кентавр Несс, раненный ревнивым Геркулесом, подарил его жене Деянире, заверив ее, что это «талисман верности». Впоследствии Геркулес, получив эту тунику от жены, надел ее, ничего не подозревая, и погиб в страшных мучениях.

Вот письмо Гарибальди с распоряжениями на случай смерти:

«Капрера, 26 сентября 1877.

Дорогой Прандина!

Вы любезно беретесь позаботиться о кремации моего трупа; очень вам за это благодарен. На дороге, ведущей от моего дома на север, к морю, на расстоянии 300 шагов влево от нее, есть ложбина, огороженная стеной. В этом месте надо устроить костер высотой в 2 метра; дрова из деревьев акации, мастикового, мирта и других ароматических пород. На груде дров поставить железное ложе, а на нем открытый гроб, в котором будет покоиться мое тело, наряженное в красную рубашку. Горсть пепла надо сохранить в урне и поставить последнюю в склеп, где хранится прах моих детей — Розы и Аниты.

Всегда ваш *Дж. Гарибальди».*

К. Маркс и *Ф. Энгельс.* Соч… т XXVI, стр. 170.

К. Маркс и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 104.